АВГУСТ ЮХАН

СТРИНДБЕРГ

Пляска смерти

АЗБУКА-КЛАССИКА

Johan August
STRINDBERG
1849 – 1912

Август Юхан
СТРИНДБЕРГ

Пляска смерти

Пьесы

Санкт-Петербург
Издательский Дом
«Азбука-классика»
2008

УДК 82/89
ББК 84.4 Шв
С 85

Перевод со шведского А. Афиногеновой, Е. Суриц

Оформление обложки В. Гореликова

Стриндберг А. Ю.

С 85 Пляска смерти: Пьесы / Пер. со шв. А. Афиногеновой, Е. Суриц. — СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. — 304 с.

ISBN 978-5-91181-820-3

Август Юхан Стриндберг — один из талантливейших, во всяком случае, самый оригинальный шведский романист, драматург, новеллист — оказал большое влияние на мировую литературу как своего времени, так и на последующие поколения писателей, будучи предтечей экспрессионизма и сюрреализма. В числе своих учителей его могли бы назвать такие писатели, как Пер Лагерквист, Луиджи Пиранделло, Франц Кафка, Жан-Поль Сартр, Бертольт Брехт, Юджин О'Нил, Фридрих Дюрренматт и многие другие.

В настоящем издании представлены наиболее значительные пьесы Августа Стриндберга — «Фрекен Жюли», «Пляска смерти», «Игра снов» и «Соната призраков». В них запечатлено движение Стриндберга от натурализма и социально-психологической драмы через драму символистскую к экспрессионизму. В каждой следующей пьесе пресловутая «война полов» становится все жестче и безысходней, и теперь уже недостаточно психологических мотивировок для поступков героев, пытающихся выжить в эпоху тотального «вампиризма», недостаточно быть личностью ницшеанского масштаба и грозить Небесам кулаком, недостаточно даже умереть, чтобы прекратить извечную пляску смерти на этой Земле, но можно бороться, искать, пытаться... Именно своей силой поражает Стриндберг и по сей день, поражает, как в начале века поразил Александра Блока, считавшего, что у Стриндберга «нет и не может быть учеников, кроме человечества».

© А. Афиногенова, перевод, 1994, 1997
© Е. Суриц, перевод, 1987
© В. Пожидаев, оформление серии, 1996
© Издательский Дом «Азбука-классика», 2008

ISBN 978-5-91181-820-3

Фрекен Жюли

ПРЕДИСЛОВИЕ К «ФРЕКЕН ЖЮЛИ»

Театр, как и Искусство вообще, давно уже представляется мне своего рода Biblia Pauperum, Библией в картинках для тех, кто не умеет читать, а драматург — светским проповедником, распространяющим современные идеи в популярной форме, в такой степени популярной, чтобы средний класс, в основном и посещающий театр, сумел бы, не ломая себе особенно голову, понять, о чем идет речь. Поэтому театр всегда был народной школой для молодежи, полуобразованных людей и женщин, еще сохранивших низшую способность обманывать самих себя и позволять себя обманывать, то есть питать иллюзии, воспринимать внушение со стороны писателя. Поэтому в наше время, когда рудиментарное, неполноценное мышление, питавшееся фантазией, судя по всему, дошло в своем развитии до стадии рефлексии, исследования, эксперимента, мне кажется, что театр, наравне с религией, находится на пути к исчезновению как вымирающая форма искусства, для наслаждения которой у нас нет требуемых условий; в пользу такого предположения свидетельствует глубокий кризис театра, поразивший всю Европу, и в неменьшей степени то обстоятельство, что в культурных странах, давших миру крупнейших мыслителей современности, а именно в Англии и Германии, драматургия мертва, как и большинство других изящных искусств.

В остальных же странах вообразили, будто можно создать новую драму, наполнив старые формы современным содержанием; но, во-первых, новые идеи еще

не успели стать настолько общепринятыми, чтобы публика смогла понять, о чем идет речь; во-вторых, партийные распри так накалили чувства, что не оставили места чистому беспристрастному наслаждению там, где говорят противоположное твоим внутренним убеждениям и где аплодирующее и свистящее большинство давит на тебя своим мнением настолько открыто, насколько это вообще возможно, — то есть в театральном зале; и, в-третьих, не возникла еще новая форма для старого содержания, посему новое вино взорвало старые бутыли.

В настоящей драме я не пытался создать нечто новое, ибо это невозможно, а лишь хотел осовременить форму в соответствии с теми требованиями, которые, по моему мнению, люди новой эпохи должны бы предъявлять к этому виду искусства. И с этой целью я выбрал, или позволил себе увлечься темой, лежащей, можно сказать, вне партийных распрей сегодняшнего дня, поскольку проблемы социального возвышения или падения, высокого и низкого, хорошего и плохого, отношений мужчины и женщины всегда вызывали, вызывают и будут вызывать неизменный интерес. Взяв этот сюжет из жизни в том виде, в каком мне его рассказали несколько лет тому назад, когда описываемое событие произвело на меня сильное впечатление, я счел его подходящим для трагедии; ведь гибель счастливого человека, а тем более целого рода, пока еще воспринимается трагично, хотя, возможно, наступят времена, когда мы так далеко уйдем вперед в своем развитии, станем настолько просвещенными, что будем равнодушно наблюдать за грубой, циничной, бессердечной пьесой, предлагаемой самой жизнью, когда мы отключим эти низшие, ненадежные мыслительные аппараты, называемые чувствами, ибо они сделаются излишними и вредными после того, как им на смену придут органы рассудка. Сочувствие, которое вызывает у нас героиня, связано исключительно с нашей неспособностью противостоять

чувству страха перед тем, что та же участь может постичь и нас. Однако сверхчувствительный зритель, вполне вероятно, не будет удовлетворен этим сочувствием, и передовой человек с убеждениями, возможно, потребует каких-то позитивных рецептов борьбы со злом, другими словами, какой-то программы. Но надо помнить, что абсолютного зла не бывает, ибо гибель одного рода — счастье для другого, получающего шанс возвыситься, и смена возвышений и падений составляет одну из самых притягательных черт жизни, поскольку счастье существует лишь в сравнении. А человека с программой, желающего устранить то печальное обстоятельство, что хищная птица поедает голубя, а вошь поедает хищную птицу, я хотел бы спросить: зачем его устранять? Жизнь не устроена по идиотской математической схеме, согласно которой только большие поедают маленьких, — столь же часто случается, что пчела убивает льва или по крайней мере доводит его до бешенства.

В том, что моя трагедия производит на многих трагическое впечатление, виноваты эти самые многие, и, обретя со временем силу первых французских революционеров, мы, безусловно, будем радоваться, наблюдая, как в лесу вырубают гнилые, дряхлые деревья, слишком долго мешавшие другим, имеющим равное право на свой срок жизни, радоваться, как радуешься, видя смерть неизлечимо больного! Недавно мою трагедию «Отец» упрекали за ее трагичность, словно бы тем самым требуя создания веселой трагедии; кругом вопят о радости жизни, и директора театров заказывают фарсы, как будто радость жизни заключается в том, чтобы валять дурака и описывать людей так, точно все они страдают пляской Витта или идиотизмом. Я нахожу радость жизни в сокрушительных, жестоких жизненных битвах, и для меня наслаждение состоит в том, чтобы что-то узнать, чему-то научиться. Поэтому я и выбрал случай необычный, но поучительный, одним словом, исключение,

но исключение великое, которое подтверждает правило, что, наверное, оскорбит тех, кто предпочитает банальности. Немудрящие души оттолкнет и то, что мотивировка происходящего у меня неоднозначна и оценивается оно с разных точек зрения. Любое событие в жизни — и это, пожалуй, открытие! — обусловлено обычно целым рядом более или менее глубоко скрытых мотивов, но зритель, как правило, выбирает наиболее ему понятный или льстящий его умственным способностям. Совершено самоубийство! Неудачная деловая операция! — скажет бюргер. Несчастная любовь! — скажут женщины. Физический недуг! — скажет больной. Разбитые надежды! — скажет неудачник. Но, быть может, поступок был вызван всеми упомянутыми мотивами, а быть может, ни одним из них, и покойник скрыл истинную причину, выдвинув на первый план совершенно иную, дабы обелить себя в памяти потомков!

Трагическую судьбу фрекен Жюли я мотивировал множеством различных обстоятельств: врожденные «дурные» инстинкты матери; неправильное воспитание, данное девочке отцом; собственные природные свойства характера и влияние жениха на слабый, вырождающийся мозг; дальше — больше: праздничное настроение в Иванову ночь; отсутствие отца; ее месячные; уход за животными; будоражащее воздействие танцев; сумрак ночи; распаляющий воображение аромат цветов; и наконец, случай, столкнувший этих двоих в укромном месте, плюс дерзость возбужденного мужчины.

Таким образом, я не сосредоточиваюсь исключительно на физиологии, не углубляюсь фанатично в одну лишь психологию, не только обвиняю наследственность по материнской линии, не только возлагаю вину на месячные, не только пропагандирую «безнравственность», не только проповедую высокую мораль — это последнее я предоставил делать кухарке — за отсутствием священника!

Такое многообразие мотивов я ставлю себе в заслугу, ибо оно соответствует духу времени! А если кто-то меня в этом уже опередил, я ставлю себе в заслугу то, что не одинок в своих парадоксах, как обычно называют все открытия.

Что же касается обрисовки характеров, то я представил своих персонажей довольно-таки бесхарактерными по следующим причинам.

Слово «характер» с течением времени приобрело множественный смысл. Первоначально оно, пожалуй, означало доминирующую черту душевного мира, и его путали с темпераментом. Позднее для среднего класса это слово стало равноценно понятию «автомат»: то есть характером начали называть индивида с навсегда застывшими природными качествами или приспособившегося к определенной роли в жизни, одним словом, остановившегося в своем развитии; а того, кто постоянно изменяется, умелого навигатора по морю жизни, который плывет, не закрепив шкотов, пользуясь попутным ветром, чтобы затем вновь направить судно против ветра, прозвали бесхарактерным. В уничижительном смысле, разумеется, ибо такого человека слишком трудно заарканить, внести в реестр и держать под присмотром. Это буржуазное представление о неподвижности души было перенесено и на сцену, где всегда владычествовала буржуазность. Там характер превратился в раз и навсегда сформировавшегося господина, который был либо неизменно пьян, либо смешон, либо мрачен; и для характеристики персонажа достаточно было лишь придать ему какой-нибудь физический недостаток — изуродованную ступню, деревянную ногу, красный нос или чтобы он повторял выражения типа «прелестно», «Баркис не прочь» и тому подобное. Такой упрощенный взгляд на человека существует даже у великого Мольера. Гарпагон только скуп, хотя он мог быть одновременно и скупцом, и прекрасным финансистом, и отличным отцом, и хорошим членом муниципалите-

та, но, главное, его «физический недостаток» исключительно выгоден как раз его будущему зятю и дочери, которые унаследуют его состояние, и потому им бы не следовало обвинять его, пусть им и придется чуточку подождать, прежде чем прыгнуть в постель. Поэтому я и не верю в элементарные театральные характеры, и натуралисты, знающие, насколько богат душевный мир, и ведающие, что «порок» имеет оборотную сторону, весьма напоминающую добродетель, обязаны бы опровергать такие авторские суммарные оценки людей — этот глуп, тот жесток, этот ревнив, тот скуп.

Поскольку мои персонажи люди современные, живущие в переходное время, более торопливое, истеричное, по крайней мере по сравнению с предыдущей эпохой, я изобразил их как характеры в большей степени неустойчивые, растерзанные или разорванные, соединившие в себе новое и старое, и мне отнюдь не кажется неправдоподобным, что актуальные идеи через газеты и разговоры проникают в ту среду, где обитают слуги. Потому-то у лакея, несмотря на унаследованную им рабскую душу, и случается порой вполне современная отрыжка. И тем, кто упрекает нас за то, что мы позволяем персонажам современных пьес говорить языком дарвинизма, при этом приводя в пример Шекспира, хотел бы напомнить, что могильщик в «Гамлете» говорит языком модной в то время философии Джордано Бруно (Бэкона) — а это намного неправдоподобнее, поскольку средства распространения идей в ту эпоху были скуднее, чем сейчас. Да и «дарвинизм», между прочим, существовал во все времена, начиная с Моисеевой истории творения — от низших видов животных до человека,— но открыли и сформулировали мы его лишь теперь!

Мои души (характеры) представляют собой конгломераты прошлых культурных стадий и современных отрывков из книг и газет, разъятых на части людей, лоскутов праздничных нарядов, теперь превратившихся в тряпье, точно так же, как и сама душа сшита из разных кусочков, но, кроме того, я показы-

ваю в какой-то степени и их эволюцию, позволяя более слабому красть у более сильного его слова, позволяя персонажам заимствовать «идеи», внушения, как они называются, друг у друга, у природы (кровь чижика), у предметов (бритва), и осуществляю «Gedankenübertragung»[1] через неживого медиума (сапоги графа, колокольчик); наконец, я прибегаю к помощи «внушения наяву», варианта внушения во время сна, метода, сегодня столь опошленного и признанного, что он не может вызвать насмешек или недоверия, как случилось бы во времена Месмера.

Фрекен Жюли — современный характер, но не потому, что тип полуженщины, мужененавистницы, не существовал прежде, а потому, что лишь теперь его открыли, лишь теперь он шумно заявил о себе. Жертва заблуждения (поразившего и более сильные умы), будто женщина, эта недоразвитая форма человека на пути к мужчине, владыке творения, творцу культуры, равноценна или может быть равноценна мужчине, запутывается в нелепом стремлении, которое и становится причиной ее гибели. Нелепом потому, что недоразвитая форма, управляемая законами размножения, всегда будет рождаться недоразвитой и не сможет догнать того, кто имеет преимущество, согласно следующей формуле: А (мужчина) и Б (женщина) выходят из одного и того же пункта В; А (мужчина) со скоростью, скажем, 100, и Б (женщина) со скоростью 60. Вопрос: когда Б догонит А? — Ответ: *Никогда!* Ни с помощью одинакового образования, равного избирательного права, разоружения или трезвости — это так же верно, как и то, что две параллельные линии никогда не пересекутся.

Полуженщина — это тип, который пробивает себе дорогу, который продается теперь за власть, ордена, знаки отличия, дипломы, как прежде за деньги, и он свидетельствует о вырождении. Это скверный вид,

---

[1] Передача мыслей *(нем.)*.

ибо он недолговечен, но, к сожалению, он будет еще какое-то время плодиться, распространяя заключенное в нем зло; и благодаря дегенеративным мужчинам, похоже неосознанно останавливающим на них свой выбор, они размножаются, производя на свет существа неопределенного пола, которые всю жизнь мучаются, но, к счастью, погибают — либо от дисгармонии с действительностью, либо от неудержимого прорыва подавленного инстинкта, либо от разбитых надежд на возможность встать вровень с мужчиной. Тип трагический, разыгрывающий драму отчаянной борьбы с природой, трагический, как романтическое наследство, которое сейчас развеивается натурализмом, стремящимся только к счастью; а счастья заслуживают лишь сильные и доброкачественные виды. Но фрекен Жюли — еще и осколок старой военной аристократии, сегодня уступающей место новой аристократии, с крепкими нервами или большими мозгами; жертва дисгармонии, возникшей в семье из-за «преступления» матери; жертва заблуждений своего времени, обстоятельств, недостатков собственной конституции, что в совокупности равносильно старомодному Року или вселенскому Закону, — Вину натуралист вычеркнул вместе с Богом, но последствия поступка — наказание, тюрьму или страх перед ними — он вычеркнуть не может, по той простой причине, что они никуда не деваются, независимо от того, освобождает ли натуралист героя от ответственности или нет, ибо оскорбленные не обладают столь великим смирением, какое с легкостью, за хорошее вознаграждение, проявляют неоскорбленные, стоящие вне, и даже если отец по вынужденным причинам отказался от реванша, дочь все равно должна мстить самой себе, как она делает в пьесе, из-за врожденного или приобретенного понятия, унаследованного высшими классами — откуда? От варварства, от арийского «прадома», от средневекового рыцарства — понятие само по себе прекрасное, но в настоящее время неблагопри-

ятное для сохранения вида. Это — *харакири* аристократа, внутренний закон японца, вынуждающий его вспарывать живот *себе,* когда кто-то другой его оскорбляет, и в измененном виде сохранившийся до наших дней в форме дуэли, привилегии аристократии. Поэтому лакей Жан остается жить, а фрекен Жюли, будучи обесчещенной, жить не может. Преимущество раба перед ярлом состоит в том, что у него нет этого смертельно опасного предрассудка — чести, и во всех нас, арийцах, сидит что-то от аристократа или Дон Кихота, заставляющее нас сочувствовать самоубийце, совершившему бесчестный поступок и, следовательно, потерявшему честь, и в нас достаточно аристократизма, чтобы страдать, видя падение былого величия, как, впрочем, и в том случае, если падший восстановит свою честь и доблестными деяниями возместит утраченное. Лакей Жан — зачинатель вида, в нем наметилось расслоение. Сын статара, он уже сформировался в будущего господина. Он все схватывает на лету, у него тонко развитые органы чувств (обоняние, вкус, зрение) и восприимчивость к красоте. Он уже пробился наверх и достаточно силен, чтобы не смущаться, пользуясь услугами других. Он уже чужой для своего окружения, которое презирает как пройденный этап и которого боится и избегает, поскольку оно знает его тайны, вынюхивает его замыслы, с завистью наблюдает его восхождение и с радостью предвкушает его падение. Отсюда двойственность и неопределенность его характера, колебания между симпатией к высшему и ненавистью к тем, кто там, наверху, сидит. Он, по его собственным словам, аристократ, познавший тайны благородного общества, приобретший внешний лоск, но он неотесан внутри, умеет носить сюртук, но при этом нет никаких гарантий, что он держит в чистоте тело.

Он питает почтение к фрекен, но боится Кристины, ибо той известны его опасные тайны; он достаточно бессердечен и не допустит, чтобы ночные со-

бытия нарушили его планы на будущее. С жестокостью раба и отсутствием сентиментальности, отличающей господина, он способен смотреть на кровь, не падая в обморок, может обломать рога неудаче; поэтому он выходит целым и невредимым из борьбы и закончит, очевидно, хозяином гостиницы, и если даже он сам не станет румынским графом, то сын его, вероятно, будет студентом и, возможно, фогтом.

Жан, кстати, сообщает весьма важные сведения о жизненных взглядах низов, когда говорит правду, а это бывает с ним нечасто, поскольку он чаще говорит то, что ему выгодно, чем правду. Жан, естественно, соглашается с высказанным фрекен Жюли предположением, что люди низших классов, должно быть, все без исключения страдают от тяжкого гнета сверху, ибо его цель — вызвать сочувствие, но тут же поправляется, поняв, что ему выгоднее отделить себя от толпы.

Помимо того что Жан сейчас на подъеме, он стоит выше фрекен Жюли и еще в одном — он мужчина. Принадлежность к мужскому полу делает его аристократом — из-за его мужской силы, тоньше развитых органов чувств и инициативности. Его неполноценность связана главным образом с той социальной средой, в которой он временно обитает и которую, по всей видимости, отбросит вместе с ливреей.

Его рабская натура проявляется в благоговении перед графом (сапоги) и слепой религиозности; но он благоговеет перед графом больше потому, что тот занимает то самое высокое положение, к которому он сам стремится; и сохраняет это благоговение, даже завоевав дочь графа и увидев ничтожество красивой оболочки.

Любовь в «высоком» смысле этого слова между двумя людьми со столь разными душевными качествами, как мне думается, невозможна, и потому у фрекен Жюли выдуманная ею любовь носит оттенок заступничества или извинения; Жан же полагает, что он был бы способен на любовь, находясь в иных социальных условиях. Мне кажется, что любовь напо-

минает гиацинт — чтобы дать жизнеспособный цветок, он *сначала* должен пустить корни в темноте. Здесь же он идет в рост, расцветает и дает семена почти одновременно и потому так скоро умирает.

И наконец, Кристина — рабыня, полностью лишенная какой бы то ни было самостоятельности, отличается тупостью, приобретенной ею у кухонной плиты, позвериному неосознанным лицемерием — переполнена моралью и религией, которые для нее играют роль прикрытия и козла отпущения, в чем более сильный человек не нуждается, поскольку сам способен нести свой грех или оправдать его! Она ходит в церковь, чтобы легко и просто переложить на Иисуса свои домашние кражи и получить новый заряд безгрешности.

Впрочем, она — второстепенный персонаж и потому сознательно обрисована схематично, точно так же, как я поступил с Пастором и Врачом в «Отце», ибо хотел изобразить обычных людей такими, какими в основном и бывают сельские пасторы и провинциальные врачи. И если эти мои второстепенные фигуры кому-то представляются абстрактными, то это обусловлено тем, что обычные люди, исполняющие какие-то профессиональные функции, вообще в определенной степени абстрактны, то есть несамостоятельны, и в процессе выполнения своих профессиональных обязанностей открывают себя лишь с одной стороны, и до тех пор, пока зритель не почувствует необходимости увидеть их с разных сторон, абстрактность моего изображения довольно оправданна.

Наконец, что касается диалога, то тут я несколько нарушил традицию, избавив моих персонажей от роли учителей катехизиса, задающих глупые вопросы, дабы получить остроумный ответ. Я отказался от симметричной, математически выверенной конструкции французского диалога, допустив хаотичную работу мозга, так, как это и происходит в действительности, когда предмет разговора никогда не исчерпывается до дна, а одна мысль цепляется за другую совершен-

но произвольно. Поэтому и диалог блуждает вокруг да около, набирая в первых сценах материал, который потом перерабатывается, возвращается, повторяется, развертывается, дополняется, как тема в музыкальной композиции.

Действие достаточно насыщенно, и, поскольку оно затрагивает, собственно говоря, лишь двух человек, я и сосредоточился на них, введя только одного второстепенного персонажа, кухарку, и позволив несчастному духу отца витать над всем происходящим. Ибо, как мне кажется, людей нового времени больше всего интересует психологический процесс, и наши любознательные души уже не довольствуются просто созерцанием происходящего, а требуют объяснений скрытых пружин! Нам ведь хочется увидеть ниточки, разглядеть механизм, исследовать двойное дно шкатулки, взять в руки волшебное кольцо, чтобы найти шов, заглянуть в карты, чтобы обнаружить, каким образом они краплены.

Образцом в этом случае мне служили монографические романы братьев Гонкуров, которые я ценю выше других во всей современной литературе.

Если говорить о технических моментах композиции, то здесь я на пробу убрал разделение на акты. И сделал это, обнаружив, как мне думается, что антракты, во время которых зритель, получив время на размышления, ускользает тем самым от внушения писателя-гипнотизера, могут стать помехой нашей ослабевающей способности к иллюзии. Моя пьеса идет, вероятно, полтора часа, и если людям под силу столь же долго или еще дольше слушать лекцию, проповедь или съездовские дебаты, то я полагаю, что и полуторачасовой спектакль не утомит зрителя. Еще в 1872 году, в одном из первых своих театральных опытов, пьесе «Отверженный», я опробовал такую концентрированную форму, хотя и без особого успеха. Пьеса в пяти актах была уже завершена, когда я заметил, что она вносит в душу сумятицу и тревогу. Я сжег ее, и из пепла возник один-единственный пере-

работанный акт объемом в пятьдесят печатных страниц на час игрового времени. Таким образом, форма не нова, но, похоже, ее открытие принадлежит мне, и не исключено, что она, благодаря изменчивым законам моды, имеет все шансы стать вполне соответствующей духу времени. В будущем мне бы хотелось видеть в зрительном зале публику, достаточно подготовленную, чтобы суметь высидеть целый одноактный спектакль, но это требует предварительного изучения. Однако, для того чтобы дать зрителям и актерам некоторую передышку, не выпуская при этом публику из плена иллюзии, я использую три художественные формы драматического искусства, а именно монолог, пантомиму и балет, изначально характерные для античной трагедии, превращая монодию в монолог, а хор — в балет.

Монолог сейчас проклят нашими реалистами за его неправдоподобие, но, если я его мотивирую, он будет правдоподобным, и, стало быть, я с успехом смогу его использовать. Когда оратор ходит в одиночестве взад и вперед по комнате и читает вслух свою речь, это ведь вполне правдоподобно, как и правдоподобно, когда актер громко репетирует свою роль, служанка разговаривает со своей кошкой, мать лопочет со своим малышом, старая мамзель болтает со своим попугаем, спящий говорит во сне. И чтобы хоть раз дать актеру возможность самостоятельной работы и на минуту освободить его от указки писателя, я не расписал монологи, а только обозначил их. Ибо, поскольку, в общем-то, не важно, что говорится во сне или кошке, до тех пор пока это не влияет на происходящее, талантливый актер, уже проникшийся определенным настроением и ситуацией, способен, вероятно, сымпровизировать монолог лучше, чем это сделал бы писатель, который не в силах заранее просчитать, насколько длинным и насыщенным может быть текст, чтобы суметь удержать публику в плену иллюзии.

Итальянский театр, как известно, на некоторых сценах вернулся к импровизации, создав тем самым актера-сочинителя, сочиняющего, однако, в соответствии с замыслом писателя, что, возможно, является шагом вперед или новым зарождающимся видом искусства, позволяющим говорить о *созидающем* искусстве.

Там же, где монолог был бы неправдоподобен, я прибегаю к пантомиме, и тут я предоставляю актеру еще бóльшую свободу творить — и добиваться самостоятельной славы. Но все же, чтобы не испытывать публику сверх меры, я отдаю немую сцену во власть музыке — вполне, однако, мотивированной танцами в Иванову ночь, — способной создавать иллюзии, и прошу руководителя оркестра хорошо продумать выбор музыкальной пьесы, чтобы ассоциациями с мелодиями современных оперетт, танцевальным репертуаром или чересчур провинциальными фольклорными мотивами не вызвать посторонних настроений.

Балет, который я ввожу, нельзя заменить так называемой народной сценой, потому что народные сцены, как правило, исполняются из рук вон плохо, и многочисленные плаксивые статисты стремятся воспользоваться случаем, чтобы повыпендриваться, тем самым нарушая иллюзию. Так как народ не привык импровизировать свои насмешливые куплеты, а использует уже готовый материал, который иногда звучит двусмысленно, я не стал сам сочинять издевательскую песенку, а взял не слишком известные куплеты из танца-игры, самолично записанные мной в окрестностях Стокгольма. Слова не совсем точно попадают в цель, но в этом-то и весь смысл, ибо коварство (слабость) раба не допускает прямой атаки. Итак, никаких словоохотливых шутов в серьезном действии, никаких грубых ухмылок по поводу ситуации, опускающей крышку на гроб целого рода.

Что касается декораций, то тут я заимствовал асимметричность, оборванность импрессионистской живописи и, как мне кажется, тем самым выиграл в со-

здании иллюзии; ибо благодаря тому, что зритель видит комнату и мебель лишь частично, открывается простор для предположений, то есть приводится в движение фантазия, которая и домысливает недостающее. Я добился и еще одного преимущества — избавился от утомительных выходов в двери, ведь сценические двери, сделанные преимущественно из холста и раскачивающиеся от малейшего прикосновения, не способны даже выразить гнев разъяренного отца семейства, когда тот после плохого обеда выходит и хлопает дверью, «так что весь дом трясется». (В театре раскачивается!) Таким образом, я придерживаюсь одной-единственной декорации — как для того, чтобы заставить персонажей срастись с обстановкой, так и для того, чтобы порвать с традицией декорационных излишеств. Но, имея дело всего с одной декорацией, можно требовать, чтобы она была правдоподобной. Однако нет ничего труднее, чем создать комнату, которая бы выглядела приблизительно как комната, несмотря на то что художнику ничего не стоит изобразить огнедышащие горы и водопады. Пусть стены будут из холста, но малевать полки и кухонную утварь на холсте — с этим, пожалуй, пора кончать. У нас на сцене и без того хватает условностей, в которые нам предлагается верить, поэтому вовсе ни к чему заставлять нас прилагать дополнительные усилия, чтобы поверить в намалеванные кастрюли.

Задник и стол я установил чуть косо, чтобы актеры, сидя за столом друг напротив друга, были обращены к публике лицом или вполоборота, — я видел скошенный задник в постановке «Аиды», он открывал взгляду невиданную перспективу и вовсе не казался придуманным лишь из духа противоречия против утомительной прямой линии.

Другим, возможно небесполезным, новшеством было бы устранение рампы. Задача такой нижней подсветки заключается вроде бы в том, чтобы сделать лица актеров более упитанными; но я хотел бы спро-

сить: почему у всех актеров должны быть упитанные лица? Разве эта подсветка не стирает многие тонкие черты нижней части лица, особенно скул, не искажает форму носа, не затеняет глаза? Если это даже не так, то одно уж точно: страдают глаза актеров, в результате чего выразительная игра взглядов полностью пропадает, ибо свет рампы попадает на ту часть сетчатки, которая обычно бывает защищена (кроме как у моряков, вынужденных глядеть на отраженные в воде солнечные блики), и поэтому вся игра глаз практически состоит в диких взглядах, бросаемых актером в сторону или вверх, на балкон, когда у него видны одни белки, и не исключено, что по той же причине актрисы в особенности так утомительно хлопают глазами. И человеку на сцене, желающему что-то сказать взглядом, остается один никуда не годный выход — смотреть прямо в зал, вступая таким образом в прямой контакт со зрителем вне пространства, ограниченного занавесом, и эта дурная привычка называется — по праву или без — «приветствовать знакомых»!

Разве достаточно сильный боковой свет (прожектор с отражателем и тому подобное) не подарил бы актеру новую возможность: усилить мимику с помощью самого выразительного средства человеческого лица — игры глаз?

Я не питаю каких бы то ни было иллюзий по поводу того, что можно заставить актера играть для публики, а не с ней, хотя это было бы весьма желательно. Я не мечтаю любоваться спиной актера с начала до конца какой-то важной сцены, но мне бы очень хотелось, чтобы ключевые сцены игрались не у суфлерской будки, словно рассчитанные на аплодисменты дуэты, а исполнялись в указанном месте, ситуационно. Одним словом, никаких вам революций, лишь незначительные модификации, ибо превращение сцены в комнату, не имеющую четвертой стены, из-за чего часть мебели оказывается поверну-

той спинками к залу, пока еще, судя по всему, мешает восприятию.

Начиная разговор о гриме, я не осмеливаюсь надеяться быть услышанным дамами, предпочитающими красоту правдоподобию. Но актер мог бы поразмыслить, выгодно ли ему, накладывая грим, придавать своему лицу абстрактные черты, которые застынут на нем как маска. Представим себе господина, сажей отметившего глубокую холерическую складку между бровями, чтобы таким образом подчеркнуть жестокость своего персонажа, и предположим, что он, произнося какую-то реплику, должен улыбнуться. До чего же чудовищная гримаса получится! И как сумеет актер наморщить свой искусственно гладкий лоб, блестящий, точно, бильярдный шар, чтобы показать гнев старика?

Современную психологическую драму, где самые тонкие движения души должны в большей степени отражаться на лице, чем с помощью жестов и громких криков, наверное, имеет смысл пытаться ставить на маленькой сцене с сильным боковым светом и актерами без грима или по крайней мере с минимальным его использованием.

И если бы нам вдобавок убрать видимый залу оркестр с его мешающим светом и обращенными к публике лицами; если бы поднять партер настолько, чтоб зрители видели что-то выше уровня коленей актера; если бы избавиться от авансцен с их ухмыляющимися, набивающими себе брюхо дамами и господами и тем самым добиться полной темноты во время спектакля, и к тому же — самое главное — получить в свое распоряжение маленькую сцену и маленький зал, тогда, быть может, возникла бы новая драматургия и по крайней мере театр вновь бы стал местом развлечения просвещенной публики. В ожидании же такого театра нам остается лишь писать в стол, пытаясь подготовить будущий репертуар.

Перед вами — результат такой попытки! Если он окажется неудачным, предпримем новую!

ФРЕКЕН ЖЮЛИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Фрекен Жюли, 25 лет.
Жан, лакей, 30 лет.
Кристина, кухарка, 35 лет.

Действие происходит на графской кухне в Иванову ночь.

Просторная кухня; боковые стены скрыты занавесом. Задняя стена слева направо косо перерезает сцену; ближе к левому углу на этой стене — две полки, уставленные медной, железной и цинковой утварью и украшенные по краям бумажными кружевами; правее на три четверти видны большие сводчатые двойные стеклянные двери, а за ними — фонтан с амуром, сирень в цвету и стройные пирамидальные тополя. Слева — угол большой кафельной печи и часть дымохода. Справа выступает край большого соснового стола для челяди и несколько стульев. Плита убрана березовыми ветками; по полу разбросан можжевельник. На краю стола — большая японская ваза с сиренью. Ледник, кухонный столик, раковина. Старинный колокольчик над дверьми, а слева от них — разговорная труба. Кристина стоит у плиты и что-то жарит; она в светлом ситцевом платье, в фартуке; входит Жан в ливрее, вносит сапоги со шпорами для верховой езды и ставит их на пол.

Жан. Сегодня фрекен Жюли опять помешанная какая-то; совсем помешанная!

Кристина. А-а, ты тут уже?

Жан. Я проводил графа на станцию, шел обратно мимо гумна, зашел туда потанцевать, вижу — фрекен с лесничим танцует. Замечает меня, бросается прямо ко мне и приглашает на вальс. И как танцевала! В жизни я такого не видывал. Нет, она помешанная!

Кристина. Да она и всегда такая была, а уж последние две недели особенно, вот как помолвка-то расстроилась.

Жан. Кстати что за история? Он же славный малый, хоть и не из богатых. Ах! Все у них тонкости разные. *(Присаживается к столу.)* Но все-таки удивительно: чтобы барышня — хм! — решилась остаться дома, с людьми, когда отец звал ее вместе поехать к родне, а?

Кристина. Небось появиться стесняется, когда с женихом у нее такая катавасия вышла.

Жан. Может, и так! Зато уж он показал себя молодцом. Ведь знаешь, Кристина, как все у них было? Я же видел, только говорить не хотел.

Кристина. Ишь как — видел?

Жан. Ну да! Были они вечерком в конюшне, и фрекен его тренировала — так это у нее называлось. Хочешь знать, как она это делала? Заставляла его через хлыст прыгать, вроде собачонки. Два раза он прыгнул, и оба раза она вытянула его хлыстом, ну а уж на третий раз он вырвал у нее хлыст, разломал на мелкие кусочки и был таков.

Кристина. Вот ведь как! Подумать!

Жан. Да, вот так-то! Ну, Кристина, чем же ты меня вкусным попотчуешь?

Кристина *(что-то накладывает со сковородки на тарелку и ставит ее перед Жаном)*. Вот тебе — немного почек, я их из жареного теленка вырезала!

Жан *(понюхав)*. Прелесть! Обожаю! *(Щупает тарелку.)* Только отчего тарелка не подогрета?

Кристина. Ишь капризничает — чище самого графа. *(Ласково треплет ему волосы.)*

Жан *(сердито)*. Ой, не тяни ты меня за волосы! Сама знаешь, я человек чувствительный!

Кристина. Ну ладно, ладно, небось ведь я это любя!

Жан принимается за еду. Кристина откупоривает бутылку пива.

Жан. Пиво — в Иванову ночь? Благодарю покорно! У меня найдется кое-что и получше. *(Откры-*

вает ящик стола и достает оттуда бутылку красного вина с желтой сургучной печатью.) Видишь — желтая печать? Дай-ка мне бокал. На тонкой ножке, конечно, для благородного вина!

Кристина *(возвращается к плите, ставит на нее кастрюльку)*. Боже сохрани от такого муженька! Экие капризы!

Жан. Не болтай лишнего! Сама рада-радешенька такого парня подцепить; и, думаю, ты не в обиде, что меня твоим женихом называют! *(Пробует вино.)* Славно! Очень славно! Только чуть-чуть переохладилось! *(Греет бокал в ладонях.)* Мы его покупали в Дижоне; по четыре франка литр без посуды; а ведь еще пошлина! Что это у тебя там за стряпня? Запах убийственный!

Кристина. Чертовщина разная, которой фрекен Жюли кормит Дианку.

Жан. Следила бы ты за своими выражениями, Кристина! Но почему это ты в канун святого праздника должна готовить варево для сучки? Больна она, что ли?

Кристина. Больна, как же! Снюхалась с барбосом дворовым — глядишь, ощенится теперь, фрекен про это и знать не желает.

Жан. Фрекен иной раз бывает чересчур заносчива, а иной раз у нее не хватает гордости, вся в покойную графиню. Та любила побыть в людской да на скотном, зато уж ездила только цугом, ходит, бывало, в грязных манжетах, а непременно чтобы с графскими коронами на запонках. Фрекен, кстати говоря, совсем за собой не следит. Я бы даже сказал, не хватает ей благородства. Вот когда в риге танцевали, она ж просто вырвала лесничего у Анны и сама его пригласила. У нас такого не водится. Когда господа корчат из себя простых — так уж до того делаются просты! Зато она стройная! Дивно! Ах! Плечи! И так далее!

Кристина. А, ладно тебе! Я-то слышала, что Клара говорит, а Клара ее одевает!

Жан. Ха! Клара! Все вы друг дружке завидуете! Я же с нею вместе верхом ездил... А танцует она как!

Кристина. Послушай-ка, Жан! А со мной-то ты потанцуешь, как вот я тут управлюсь?

Жан. О, разумеется.

Кристина. Обещаешь?

Жан. Обещать? Раз сказано, значит, так и будет! А за еду тебе спасибо. Дивно угостила! *(Затыкает бутылку пробкой.)*

Фрекен *(появляется в дверях и кричит кому-то наружу)*. Я сейчас! Подождите меня!

Жан сует бутылку в ящик стола; почтительно встает со стула.

Фрекен *(направляется к Кристине)*. Ну? У тебя все готово?

Кристина знаком показывает ей, что здесь Жан.

Жан *(учтиво)*. У дам, кажется, свои секреты?

Фрекен *(бьет его платком по лицу)*. Какой любопытный!

Жан. Ах, как нежно пахнуло фиалками!

Фрекен *(кокетливо)*. Бессовестный! Он, оказывается, и в духах разбирается? Танцевать — это он, правда, умеет... ну, нечего на меня смотреть! Уходите вон!

Жан *(бойко, учтиво)*. Уж не варят ли дамы колдовской напиток по случаю Ивановой ночи? Чтобы не упустить свою счастливую звезду и свою судьбу не проглядеть?

Фрекен *(резко)*. Для этого главное — иметь хорошее зрение! *(Кристине.)* Слей в бутылку да получше закупори. А теперь пожалуйте со мною на экосез, Жан...

Жан *(в неуверенности)*. Не хочется быть невежей, да только этот танец я уж пообещал Кристине...

Фрекен. Ну она еще с кем-нибудь потанцует, да, Кристина? Ты ведь мне даешь Жана взаймы?

Кристина. Наше дело маленькое. Раз уж фрекен кого почтила, негоже ей отказывать. Иди-ка с нею. Да благодари за честь.

Жан. Говоря откровенно и чтобы вас не обидеть, может, не следовало бы фрекен Жюли два раза подряд с одним кавалером танцевать, особенно если учесть, как здешний народ скор на всякие пересуды...

Фрекен *(вспылив)*. Какие еще? Какие еще пересуды? О чем вы?

Жан *(кротко)*. Ежели фрекен не угодно меня понять, выскажусь определенней. Нехорошо это — отличать одного из своих подданных, когда и другие ждут подобной же редкостной чести...

Фрекен. Отличать? Ну и мысли! Я в изумлении! Я, хозяйка дома, оказываю своим людям честь, присутствую на их танцах, но если уж мне в самом деле хочется потанцевать, ясно — я буду танцевать с тем, кто умеет водить, чтоб не оказаться смешной.

Жан. Как прикажете, фрекен. Я к вашим услугам.

Фрекен *(нежно)*. Не считайте это приказаньем! Сегодня все мы празднуем и веселимся и никаких нет чинов и отличий! Ну, дайте же мне вашу руку! Не тревожься, Кристина! Я не отниму у тебя жениха!

Жан подает фрекен руку и уводит ее.

ПАНТОМИМА

Исполняется так, будто актриса и впрямь одна на сцене; когда надо, поворачивается к публике спиной; не смотрит на зрителей; отнюдь не спешит и нисколько не боится наскучить публике. Кристина одна. В отдалении тихие звуки скрипки. Экосез. Кристина подпевает, убирает со стола, моет тарелку после Жана, вытирает, ставит в шкаф. Потом снимает фартук, вынимает из ящика стола зеркальце, прислоняет к вазе с сире-

нью; зажигает свечу, греет на пламени спицу, подвивает локоны надо лбом. Потом идет к дверям, прислушивается. Возвращается к столу. Обнаруживает забытый платочек фрекен, подносит к лицу, нюхает; потом, будто забывшись, разворачивает платочек, разглаживает, складывает вдвое, вчетверо и т. д.

Жан *(входит, один)*. Ей-богу, она сумасшедшая! Так отплясывать! А люди стоят на пороге и над ней потешаются! Что скажешь, Кристина?

Кристина. Так ведь месячные у нее, в это время она всегда-то чудная. Ну а со мною пойдешь танцевать?

Жан. Ты ведь не сердишься, что я тобой манкировал?..

Кристина. Нет! Нисколечко. Да ты и не думаешь, будто я сержусь. Я-то свое место знаю...

Жан *(обнимает ее за талию)*. Ты, Кристина, понятливая, из тебя славная жена выйдет...

Фрекен *(входит; она неприятно поражена; прикидывается веселой)*. Очаровательный кавалер — вдруг убегает от дамы.

Жан. Напротив того, фрекен Жюли, я, как видите, поспешил к покинутой!

Фрекен *(меняет тему)*. Знаете, а ведь вы танцуете как никто! Только зачем такой вечер — и в ливрее? Сейчас же снимите!

Жан. Но тогда я должен просить фрекен отлучиться на минуточку, мой черный сюртук висит вон там... *(Идет направо.)*

Фрекен. Это он стесняется? В сюртук при мне переодеться! Ну так идите к себе и возвращайтесь! А то останьтесь, я отвернусь!

Жан. С вашего дозволения, фрекен! *(Идет направо; видна его рука, когда он переодевается.)*

Фрекен. Послушай-ка, Кристина, Жан, видно, правда твой жених, раз вы так накоротке?

Кристина. Жених? Ежели угодно. Мы так его называем.

Фрекен. Называете?

Кристина. Ну, у фрекен и у самой был жених...

Фрекен. Мы-то были помолвлены...

Кристина. Ан ничего и не вышло...

Входит Жан; он в черном сюртуке и черной шляпе.

Фрекен. Très gentil, monsieur Jean! Très gentil![1]

Жан. Vous voulez plaisanter, madame![2]

Фрекен. Et vous voulez parler français![3] Где вы ему выучились?

Жан. В Швейцарии, я там официантом служил, в Люцерне, в самом шикарном отеле!

Фрекен. Но вы в этом рединготе истинный джентльмен! Charmant[4]. *(Присаживается к столу.)*

Жан. О, вы мне льстите!

Фрекен *(оскорбленно)*. Льстить? И кому!

Жан. Природная моя робость не позволяет мне поверить, что вы от души говорите любезности такому, как я, а потому я и позволил себе допустить, что вы преувеличили или, как это обыкновенно называют, что вы мне льстите!

Фрекен. Где это вы научились так изъясняться? Верно, часто бывали в театре?

Жан. И там бывал! Где я только не бывал!

Фрекен. Но родом вы из наших мест?

Жан. О! И особенно, помнится, однажды... нет, не могу этого касаться.

Фрекен. Ой! Скажите! Ну! В виде исключения!

Жан. Нет, в самом деле не могу. Может быть, в другой раз как-нибудь.

Фрекен. Не надо мне вашего другого раза! Почему нельзя сказать теперь же? Что тут страшного?

---

[1] Очень мило, мсье Жан! Очень мило! *(фр.)*

[2] Вы изволите шутить, мадам! *(фр.)*

[3] А вы изволите говорить по-французски! *(фр.)*

[4] Прелестно *(фр.)*.

Жан. Страшного ничего, но лучше отложить. Поглядите вон на нее. *(Показывает на Кристину, которая задремала на стуле у плиты.)*

Фрекен. Милая женушка будет! Верно, она и храпит вдобавок?

Жан. Она не храпит, зато говорит во сне.

Фрекен *(цинично)*. Почем вы знаете, что она говорит во сне?

Жан *(нагло)*. Сам слышал.

Пауза. Они разглядывают друг друга.

Фрекен. Отчего вы не сядете?

Жан. Не могу себе этого позволить в вашем присутствии.

Фрекен. Но если я прикажу?

Жан. Мне останется повиноваться.

Фрекен. Сядьте же! Нет, погодите! Не дадите ли вы мне сперва чего-нибудь выпить?

Жан. Не знаю, что тут в леднике найдется. Думаю, пиво одно.

Фрекен. Пиво — это вовсе недурно! Вкус у меня такой простой, что я даже предпочитаю пиво.

Жан *(достает из ледника бутылку пива, откупоривает; ищет в шкафу стакан и тарелку, подает все это ей)*. Угощайтесь!

Фрекен. Благодарю. А вы?

Жан. Я до пива не охотник, но уж как прикажет фрекен!

Фрекен. Прикажет? Я полагаю, как любезный кавалер, вы должны составить даме компанию.

Жан. Это вы верно заметили! *(Откупоривает еще бутылку, берет стакан.)*

Фрекен. Выпейте же мое здоровье!

Жан в нерешительности.

Он, кажется, робеет?

Жан *(опускается на колени, пародийно-рыцарски; поднимает стакан)*. Здоровье моей повелительницы!

Фрекен. Браво! А теперь целуйте туфельку, и все будет прелестно.

Жан колеблется, потом дерзко хватает ее ногу и легонько целует.

Фрекен *(встает)*. Превосходно! Вам бы актером быть.

Жан *(встает)*. Так больше нельзя! Фрекен! Вдруг войдут и увидят.

Фрекен. Ну и что?

Жан. Пойдут болтать, только и всего! А если бы фрекен знала, как они уже распустили языки...

Фрекен. Ну например? Что же они говорят? Перескажите! Да сядьте же вы наконец!

Жан *(садится)*. Не хочу вас огорчать, но они употребляют выражения... которые бросают тень такого рода, что... да вы же сами можете понять. Вы уже не маленькая, и если даму застают, когда она пьет наедине с мужчиной — пусть даже с лакеем — ночью, так уж...

Фрекен. Что — так уж? Да мы и не наедине к тому же, Кристина тут.

Жан. Да — спит!

Фрекен. Так я разбужу ее. *(Встает.)* Кристина! Ты спишь?

Кристина *(во сне)*. Э-э-э!

Фрекен. Кристина! Вот соня!

Кристина *(во сне)*. Сапоги графу почищены... поставить кофе... сейчас, сейчас — ох-ох — пф...

Фрекен *(дергает ее за нос)*. Да проснешься ли ты наконец?

Жан *(строго)*. Нельзя беспокоить спящего!

Фрекен *(резко)*. Что такое?

Жан. Кто весь день простоял у плиты, может и утомиться к ночи. И сон надо уважать...

Фрекен *(меняет тон)*. Высокая мысль, и делает вам честь! Благодарю! *(Протягивает Жану руку.)* Пойдемте в сад, и вы нарвете для меня сирени!

Жан. Я — с вами, фрекен?

Фрекен. Со мной!

Жан. Невозможно! Никак невозможно!

Фрекен. Не пойму я ваших мыслей. Неужто вы что-то вообразили?

Жан. Нет, не я. Люди.

Фрекен. Что же именно? Что я влюблена в лакея?

Жан. Я человек не заносчивый, однако же ведь бывали примеры. Да и для людей нет ничего святого!

Фрекен. А вы аристократ, как я погляжу!

Жан. Да, аристократ.

Фрекен. Я лучше снизойду...

Жан. Не снисходите, фрекен, вот мой совет! Никто вам не поверит, что вы сами решили снизойти; всегда скажут, будто вы пали!

Фрекен. Я лучше вас думаю о людях! Идемте же, испытаем их! *(Долго смотрит на него.)*

Жан. А вы знаете, что вы очень смешная?

Фрекен. Возможно! Но ведь и вы тоже! Впрочем, все на свете смешно! Жизнь, люди — все ведь это одна грязь, и она плывет, плывет по воде, пока вдруг не начнет тонуть, тонуть! Мне часто снится один сон; вот отчего-то вспомнилось. Будто я взобралась на высокий столб, а спуститься нет никакой возможности, как гляну вниз — сразу голова кружится, а мне надо вниз, и броситься не хватает духу; держаться мне не за что, и я даже хочу упасть, да вот не падаю! И я не могу успокоиться, пока не спущусь вниз, вниз, на землю! А если спустилась бы вниз, на землю, мне сразу захотелось бы в нее зарыться... Бывало с вами такое?

Жан. Нет! Мне часто снится, будто я лежу под высоким деревом в темном лесу. И меня тянет вверх, вверх, на вершину, и чтобы оттуда оглядеть светлую округу, залитую солнцем, и разорить птичье гнездо, где лежат золотые яйца. И я взбираюсь, взбираюсь, а ствол такой толстый и скользкий, и до веток так

далеко. Но я-то знаю, что мне бы только уцепиться за первую ветку, и там уж я поднимусь до самого верху легко, как по лесенке. Пока еще мне не случалось туда забираться, но я заберусь непременно — хотя бы во сне!

Фрекен. Но что это я? Стою тут и с вами о снах болтаю... Идемте же! Скорее в сад! *(Берет его под руку, и оба идут к дверям.)*

Жан. Эх, выспаться бы на девяти разных травах в Иванову ночь — и сбудутся все мечты! Фрекен!

Фрекен и Жан оборачиваются в дверях. Жан трет рукою глаз.

Фрекен. Дайте-ка посмотреть, вам что-то в глаз попало?

Жан. О пустяки. Соринка. Сейчас пройдет.

Фрекен. Верно, это я вас рукавом задела; сядьте, сейчас я вам помогу! *(Тянет его за руку и сажает на стул; берет в свои ладони его голову и запрокидывает ее назад; кончиком платка старается выудить из глаза соринку.)* Тихо же, не шевелиться! *(Бьет его по руке.)* Слушаться, я сказала! Что это? Такой сильный, большой — и дрожит? *(Щупает ему плечо.)* С такими плечами!

Жан *(предостерегающе)*. Фрекен Жюли!

Кристина проснулась и, вялая, идет направо, чтобы лечь.

Фрекен. Да-да, мсье Жан?

Жан. Attention! Je ne suis qu'un homme![1]

Фрекен. Будете вы тихо сидеть или нет! Ну вот! И вытащила! Целуйте ручку! Благодарите!

Жан *(встает)*. Фрекен Жюли! Послушайте меня! Кристина ведь ушла и легла в постель! Вы в состоянии слушать?

Фрекен. Сначала целуйте ручку!

Жан. Послушайте!

Фрекен. Сначала ручку!

---

[1] Будьте осторожны. Все-таки я мужчина! *(фр.)*

Жан. Ну так пеняйте же на себя!

Фрекен. За что?

Жан. За что? Не ребенок же вы — в двадцать пять лет! Неужели вы не знаете, что играть с огнем опасно?

Фрекен. Мне не опасно: я застрахована!

Жан *(смело)*. Нет, не застрахована! А если бы и так — рядом с вами легко воспламеняющийся предмет!

Фрекен. То есть вы, надо полагать?

Жан. Да! Не в том дело, что именно я, но поскольку я мужчина и молод...

Фрекен. И хорош собою... Какое, однако, богатое воображение! Быть может, вы Дон Жуан? Или прекрасный Иосиф? Да-да, я уверена, он прекрасный Иосиф!

Жан. Вы уверены?

Фрекен. Даже почти боюсь!

Жан смело подходит к ней и пытается обнять и поцеловать.

(Дает ему пощечину.) Не сметь!

Жан. Вы это в шутку? Или серьезно?

Фрекен. Серьезно!

Жан. Стало быть, и раньше серьезно было! Слишком уж вы серьезно играете, смотрите, это опасно! А мне играть надоело, и прошу меня уволить, я должен вернуться к моим обязанностям. Надо вовремя подать сапоги графу, а сейчас давно уже за полночь.

Фрекен. Оставьте вы эти сапоги!

Жан. Нет! Это моя служба, и я обязан ее нести, да я никогда и не метил к вам в развлекатели, и не буду никогда, я слишком хорош для этого!

Фрекен. Вы гордый!

Жан. В иных случаях да, в иных — нисколько.

Фрекен. Любили вы когда-нибудь?

Жан. У нас это слово не в ходу, но мне многие девушки нравились, а один раз в жизни я даже про-

сто заболел из-за того, что одна девушка для меня была недоступна. Заболел, знаете ли, прямо как эти принцы из «Тысячи и одной ночи» — не ел, не спал от любви!

Фрекен. И кто же была она?

Жан молчит.

Кто же была она?

Жан. А вот этого вы не заставите меня сказать.

Фрекен. Но если я прошу вас, как друга, как равного? Кто была она?

Жан. Это были вы!

Фрекен *(садится)*. Прелестно!

Жан. Да, если угодно! И даже смешно! Это, понимаете ли, та самая история, которой я не хотел касаться, но теперь уж я все расскажу!

Знаете ли вы, каким кажется мир, если смотришь на него снизу? Нет, откуда ж вам знать! Он кажется чем-то похожим на соколов и ястребов, у которых не видно спин, ведь они парят в вышине! Я рос в доме статара, нас было семеро детей, и одна свинья на сером поле, где не стояло ни деревца! Но из окошка я видел стену графского сада и яблони за нею. Как райский сад. И злые ангелы с огненными мечами его стерегли. Я, да и другие мальчишки тоже нашли, однако же, путь к древу жизни — вы презираете меня?

Фрекен. Ах, мальчишки вечно яблоки таскают.

Жан. Это вы только так говорите, а сами меня презираете! Ну да все равно! Как-то раз я пришел в райский сад вместе с матерью, лук полоть. Там, где начинался сад, стоял турецкий павильон в тени жасминов, весь в кустах жимолости. Я не знал, для чего служит этот павильон, но в жизни еще я не видывал такой красоты. В него входили, из него выходили, и однажды дверь оставили открытой. Я проскользнул внутрь и увидел на стенах портреты императоров и королей, а на окнах красные гардины с бахромой — ну, сами понимаете. Я... *(отламывает ветку сирени*

и подает ее фрекен) в замке не бывал, ничего не видел, кроме церкви, но тут было красивей; и куда б ни уносился я потом в мечтах, всегда возвращался обратно — туда. И понемногу мной овладело желание хоть разок увидеть всю эту роскошь — словом, я прокрался туда, смотрел и дивился. И вдруг кто-то входит! Для господ в павильоне был только один выход, ну а для меня сыскался другой, и мне ничего не оставалось, как им воспользоваться!

Фрекен роняет ветку сирени на стол.

Потом я пустился бегом, пробрался сквозь заросли малины, потоптал клубнику и выбежал к розовым кустам. И там увидел я розовое платьице, белые чулочки — это были вы. Я затаился в сорняках, меня колол репейник, от земли ужасно воняло. А я смотрел, как вы проходите среди роз, и думал: если и вправду разбойнику можно было взойти на небо и очутиться среди ангелов, почему же сыну статара здесь, на Божьей земле, нельзя войти в графский парк и поиграть с графской дочкой?!

Фрекен *(задумчиво)*. И вы полагаете, каждый бедный ребенок так же точно подумал бы на вашем месте?

Жан *(сначала неуверенно, потом убежденно)*. Каждый бедный... да! Конечно! Конечно!

Фрекен. Страшное, вероятно, несчастье — быть бедным!

Жан *(с глубокой горечью, шаржированно)*. Ах, фрекен Жюли! Ах! И собаке дано лежать на графской кушетке, лошади дано ощущать мордою нежную ручку юной графини, но мальчишка... *(другим тоном)* да-да, кое у кого и хватит духу выкарабкаться, но часто ли это бывает! Словом, знаете, что я тогда сделал? Я как был, во всей одежонке плюхнулся в мельничный ручей; меня оттуда вытащили и отодрали. Но в воскресенье, когда отец и все домашние собрались в гости к бабушке, я устроил так, чтоб остаться

дома. И тут уж я вымылся мылом и теплой водой, разрядился, как мог и отправился в церковь, где надеялся вас увидеть! Я вас увидел и пошел домой в полной решимости умереть; но умереть красиво и удобно, без боли. И тут я вспомнил, что вредно спать под кустами бузины. У нас был большой куст бузины, и как раз она цвела. Я всю ее оборвал, натолкал в ларь с овсом и улегся там спать. Замечали вы, как гладок овес? Нежный под рукой, словно человеческая кожа!.. Меж тем я закрыл крышку и задремал; проснулся я, и точно, совсем больным. Но не умер — как видите. Сам не знаю, чего я добивался! Вы были совершенно недостижимы — но я понял, глядя на вас, что для меня нет никакой возможности выбиться из того круга, в котором я рожден.

Фрекен. А ведь вы прелестно рассказываете, знаете ли! Вы учились в школе?

Жан. Немного. Но я немало романов прочел и в театры хаживал. Вдобавок я часто слушал разговоры благородных господ и всего более от них научился.

Фрекен. Значит, вы стоите и слушаете наши разговоры?

Жан. Конечно! И чего только я, к примеру, не наслушался! Когда на козлах сижу или на лодке гребу. Как-то раз слушал, как фрекен Жюли разговаривала с подружкой...

Фрекен. Да? И что же такое услышали?

Жан. Ха-ха, об этом лучше помалкивать; я даже удивился, откуда это вы таких выражений набрались. Может, в сущности-то, между людьми различие не столь и большое?

Фрекен. Как не стыдно! Уж у нас не водится такого, как у вас, между женихом и невестой.

Жан *(пристально смотрит на нее)*. Точно ли? Но, по мне-то, вам и незачем оправдываться...

Фрекен. Я отдала свою любовь ничтожеству.

Жан. Это вы всегда так говорите — потом.

Фрекен. Всегда?

Жан. Думаю, что всегда, поскольку много раз слыхивал такие слова при подобных обстоятельствах.

Фрекен. При каких обстоятельствах?

Жан. Как вышеозначенное! Последний раз...

Фрекен *(встает)*. Довольно! Я не желаю больше слушать!

Жан. Вот и *она* не желала! Примечательно. Впрочем, прошу позволения уйти и лечь спать.

Фрекен *(мягко)*. Спать — в Иванову ночь!

Жан. Да! Мне вовсе не хочется отплясывать в их компании.

Фрекен. Так возьмите ключ от лодки и покатайте меня по озеру; хочу посмотреть на восход!

Жан. Разумно ли это будет?

Фрекен. Можно подумать, вы боитесь за свою репутацию!

Жан. Почему бы нет? Я не хочу, чтоб меня подняли на смех, не хочу, чтоб меня прогнали без рекомендательного письма. И кажется, у меня есть кое-какие обязательства по отношению к Кристине.

Фрекен. Ах, ну да, Кристина...

Жан. Но речь и о вас. Послушайтесь моего совета, идите ложитесь спать!

Фрекен. Прикажете вам повиноваться?

Жан. На сей раз — да! Ради вашего же блага! Прошу вас! Глубокая ночь, ужасно спать хочется, горит голова! Идите ложитесь! К тому же, если я не ошибаюсь, сюда идут, это за мной! И если нас застанут — вы погибли!

Хор голосов *(приближаясь)*.

Две девушки шли по дорожке!
Тридири-ра, три-ди-ра.
Одна промочила ножки!
Тридири — ра-ра.

Болтали о мильонах!
Тридири-ра, три-ди-ра,

А ветер пел в карманах!
Тридири — ра-ра.

Тебе венок сплетаю!
Тридири-ра — три-ди-ра.
Но о другом мечтаю!
Тридири — ра-ра.

Фрекен. Я знаю народ и люблю его, да и они меня любят. Пусть войдут, вы сами увидите!

Жан. Нет, фрекен Жюли, не любят они вас. Они едят ваш хлеб, но они и плюют на него! Поверьте! Послушайте, послушайте только, что они поют! Нет, лучше не слушайте!

Фрекен *(вслушиваясь)*. Да что они поют?

Жан. Песенку про нас сочинили!

Фрекен. Это гадко! Фи! Эдак исподтишка!

Жан. Сброд всегда труслив. Но нам надо бежать!

Фрекен. Бежать? Куда же? В сад нельзя! И к Кристине мы не можем!

Жан. Значит — ко мне? Нам ничего другого не остается. И вы можете положиться на меня, я же ваш истинный, верный и преданный друг!

Фрекен. Но подумайте! А вдруг вас искать начнут?

Жан. Я дверь на засов запру, а станут ломиться — стрелять буду! Идемте же. *(Становится на колени)*. Идемте!

Фрекен *(со значением)*. Вы мне обещаете?..

Жан. Клянусь!

Фрекен бросается вправо. Жан спешит за нею.

БАЛЕТ

Крестьяне в праздничных нарядах, с цветами на шляпах; впереди скрипач; ставят на стол большую бочку браги и маленький бочонок водки, разукрашенные зеленью; вынимают стака-

ны. Все пьют. Потом встают в кружок, танцуют и поют «Две девушки шли по дорожке». Затем уходят, продолжая петь.

Фрекен входит одна; видит разгром на кухне; всплескивает руками; потом вынимает пудреницу и пудрится.

Жан *(входит, возбужденно)*. Видите! И вы же слышали! И вы считаете, что можно здесь оставаться?

Фрекен. Нет! Я этого не считаю! Но что же нам делать?

Жан. Бежать, уехать, далеко-далеко!

Фрекен. Уехать? Но куда?

Жан. В Швейцарию, на итальянские озера; бывали вы там?

Фрекен. Нет! Там хорошо?

Жан. О, вечное лето, апельсины, лавры — о!

Фрекен. Но что мы там делать будем?

Жан. Я открою отель самого высшего разряда для самых отборных посетителей.

Фрекен. Отель?

Жан. Вот это жизнь — уж поверьте; без конца новые лица, разная речь; ни минуты свободной для тоски и нервного расстройства; не надо искать занятий — работы хватает; день и ночь звенит колокольчик, свистит поезд, приходит и отходит омнибус, а золотые так и сыплются на конторку. Вот это жизнь!

Фрекен. Да, жизнь. А как же я?

Жан. Хозяйка дома, украшенье фирмы. С вашей-то внешностью... и вашим воспитанием — о! — верный успех! Колоссальный электрический звоночек — и приводите в движение рабов; посетители проходят перед вашим троном и робко слагают перед вами свои сокровища — вы не поверите, как люди дрожат, когда берут в руки счета — уж я им их подперчу. Зато вы подсластите своей прелестной улыбкой — ах, уедем отсюда! *(Вытаскивает из кармана расписание поездов.)* Сейчас! С первым же поездом! Мы будем в Мальмё в шесть тридцать; рано поутру, в восемь сорок, —

мы уже в Гамбурге; Франкфурт — Базель — это один день, и — до Комо по Готтардской дороге, постойте-ка — три дня. Три дня!

Фрекен. Все это превосходно! Но, Жан, ты уж подбодри меня. Скажи, что любишь! Ну обними меня!

Жан *(неуверенно)*. Хотел бы — да не смею! Не здесь. Я люблю вас — без сомненья, как можете вы сомневаться?

Фрекен *(робко, по-женски)*. «Вы»! Говорите мне «ты»! Какие теперь церемонии! Говори мне «ты»!

Жан (с *болью)*. Не могу! Церемонии остаются, пока мы здесь, в этом доме. Есть прошлое, есть граф — а я никогда ни к кому не питал такого почтения: только увижу на стуле его перчатки — и уже чувствую свое ничтожество, только услышу звонок наверху — и сразу вздрагиваю, будто пугливый конь, и сейчас вот вижу, как стоят его сапоги — прямо, дерзко,— и у меня аж мурашки по спине! *(Толкает ногой сапоги.)* Да, суеверия, предрассудки, которые вдолбили нам с детства, но их ведь легко и забыть. Только уехать в другую страну, где республика, и там будут пресмыкаться перед моим швейцаром, да, пресмыкаться! Но сам-то я не таков! Я не рожден пресмыкаться, во мне есть твердость, есть характер, мне только уцепиться за первую ветку — и вы увидите, как я полезу наверх! Сегодня я слуга, а на другой год, глядишь, предприниматель, через десять лет стригу купоны, а там уеду в Румынию, выхлопочу орденок и могу — заметьте, я говорю «могу» — кончить графским титулом!

Фрекен. Прекрасно, прекрасно!

Жан. Ах, в этой Румынии графские титулы продаются, так что вы будете все равно графиня! Моя графиня!

Фрекен. Зачем мне все, что я сама сейчас отринула! Скажи, что любишь, — не то... не то что же будет со мной?

Жан. Скажу, скажу, еще тысячу раз скажу, но потом! Не здесь! А покамест — никаких чувств, или все пропало! Мы должны смотреть на вещи холодно, как люди разумные. *(Берет сигару, обрезает и закуривает).* Сядьте вот тут! А я сяду тут, и поговорим, будто ничего не произошло.

Фрекен *(отчаянно).* Господи! Что же вы, совсем бесчувственный?

Жан. Я-то? Да чувствительней меня никого нет; просто я умею сдерживаться.

Фрекен. Только что целовал мои туфли — и вот!

Жан *(строго).* То — раньше! А теперь о другом надо подумать.

Фрекен. Не говори со мной так жестоко!

Жан. Не жестоко! Просто умно. Одну глупость сделали, и довольно. Граф может явиться с минуты на минуту, и до тех пор надо решить нашу судьбу. Какого вы мнения о моих планах? Нравятся они вам?

Фрекен. Планы неплохие, но вот вопрос: для такого большого дела требуется и большой капитал; есть он у вас?

Жан *(жует сигару).* У меня? Еще бы! У меня сноровка, мой неслыханный опыт, знание языков! Неплохой, я думаю, капиталец!

Фрекен. На который не купишь и железнодорожного билета.

Жан. Совершенно справедливо-с; потому мне и нужен антрепренер, который бы меня снабдил деньгами.

Фрекен. Где же его так скоро найдешь?

Жан. Это уж вам искать, если вы хотите быть моим компаньоном!

Фрекен. Нет, это я не могу, и у самой у меня ничего нет.

Пауза.

Жан. Тогда предприятие рушится...

Фрекен. И?..

Жан. И все будет по-прежнему!

Фрекен. Неужто вы думаете, что я останусь в этом доме — вашей наложницей? И буду смотреть, как в меня тычут пальцами! И осмелюсь взглянуть в глаза своему отцу! Нет! Прочь отсюда, от унижения, позора! Ох, что я наделала! Господи! Господи! *(Плачет.)*

Жан. Ну вот, начинается! Что вы такое наделали? Не вы первая, не вы последняя.

Фрекен *(кричит, сама не своя)*. И вы же и презираете меня! Я падаю, падаю!

Жан. Падайте на меня, я вас подниму!

Фрекен. Какой страшной властью меня к вам влекло? Что это было? Тяготенье слабого к сильному? Падающего к восходящему? Или то была любовь? И это — любовь? Да знаете ли вы, что такое любовь?

Жан. Я-то? О, уж не сомневайтесь! Думаете, я до вас и не был ни с кем?

Фрекен. Какие слова, какие мысли!

Жан. Так уж я учен, таков уж я есть! Ну, не будем нервничать и благородство корчить, мы ведь одним миром мазаны! Послушай-ка, милочка, иди-ка сюда, я тебя винцом попотчую! *(Открывает ящик стола, вынимает вино; наливает в немытые стаканы.)*

Фрекен. Откуда у вас это вино?

Жан. Из погреба!

Фрекен. Бургундское моего отца!

Жан. А для зятя его слишком жирно? Как?

Фрекен. А я пью пиво!

Жан. Это доказывает лишь одно — что вкус ваш грубее моего.

Фрекен. Вор!

Жан. Желаете на меня донесть?

Фрекен. Ох! Пособница домашнего воришки! Уж не напилась ли я, не во сне ли я все это сделала? Иванова ночь! Праздник невинных забав...

Жан. Да уж, невинных!

Фрекен *(ходит по кухне)*. Есть ли сейчас на свете человек несчастнее меня?

Жан. Отчего это вы так несчастны? После эдакой победы? Подумали б хоть про Кристину! У нее ведь тоже небось чувства есть!

Фрекен. Да, раньше я так думала, теперь уж не думаю. Нет, плебей остается плебеем!

Жан. А шлюха — шлюхой!

Фрекен *(падает на колени, ломает руки)*. Ох, Господи, возьми Ты у меня эту ненужную жизнь! Возьми меня из грязи, в которой я увязаю! Спаси меня! Спаси меня! Господи!

Жан. Не скрою, мне вас жаль! Когда я лежал на грядке с луком и смотрел, как вы гуляете среди роз, у меня... теперь-то уж можно признаться... были точно такие же нечистые мысли, как и у любого другого мальчишки.

Фрекен. И вы хотели из-за меня умереть!

Жан. От бузины-то? Да это я так, наболтал.

Фрекен. Вы солгали?

Жан *(сонно)*. Вроде того! Собственно, я вычитал в газете историю про одного трубочиста, который улегся в дровяной ларь, набитый сиренью, когда его приговорили к уплате денег на ребенка...

Фрекен. Вот вы, значит, какой...

Жан. А что мне было еще придумать; женщины, известное дело, падки на разные побрякушки!

Фрекен. Негодяй!

Жан. Дрянь!

Фрекен. Да, увидали ястреба со спины-с...

Жан. Ну почему же со спины...

Фрекен. И я оказалась первой веткой...

Жан. Ветка-то гнилая...

Фрекен. И мне назначалось стать отельной вывеской...

Жан. А мне — отелем...

Фрекен. Сидеть за вашей конторкой, приманивать ваших клиентов, писать фальшивые счета...

Жан. Это я бы уж и сам...

Фрекен. Какой же грязной может быть душа человеческая!

Жан. Вот бы и постирали ее!

Фрекен. Лакей, слуга, встать, когда я с тобой говорю!

Жан. Лакейская полюбовница, подружка слуги, заткни глотку и проваливай. Ты еще будешь упрекать меня в низости! Уж так низко, как ты себя сегодня вела, ни одна бы из простых девушек себе не позволила. Думаешь, наши девушки так лезут к мужчинам? Видала ты когда, чтоб девушка из простого звания так предлагалась? Такое я видел только у зверей да потаскух!

Фрекен *(потерянно)*. Да, правда, бей меня, топчи. Я лучшего не заслужила. Я дрянь. Но помоги мне. Помоги мне из этого выбраться, если только возможно!

Жан *(мягче)*. Ну соблазнил я вас, да, не стану отнекиваться от эдакой чести. Но неужто же вы думаете, что человек в моем положении осмелился бы на вас даже глаза поднять, если б вы сами его не поощряли! Я до сих пор изумлен...

Фрекен. И горд...

Жан. Отчего бы нет? Хотя, должен признаться, победа далась мне чересчур легко, чтобы как следует опьянить.

Фрекен. Добивайте!

Жан *(встает)*. Нет! Напротив, вы уж извините мне все, что я тут наговорил! Я не бью безоружного, тем более женщину. Не буду отрицать, мне даже приятно было увидеть, что золото, ослеплявшее нас, оказалось сусальным, что спина-то у ястреба тоже серенькая, что нежные щечки напудрены, под полированными ноготками траур, что платочек-то хоть надушен, а грязноват... Но, с другой стороны, я разочарован, что предмет моих воздыханий не оказался повыше, покрепче, я с тоскою гляжу на то, как низко вы пали, стали ниже гораздо вашей кухарки; с тоскою гляжу,

будто на моих глазах сорвало ветром осенние цветы и они смешались с грязью.

Фрекен. Вы так говорите, будто вы уже выше меня.

Жан. А что же? Я бы еще мог из вас сделать графиню, а вы меня графом никогда.

Фрекен. Зато я рождена от графа, а это уж вам не дано!

Жан. Верно. Но от меня могли бы родиться графы — если б...

Фрекен. Но вы вор. А я нет.

Жан. Вор — это еще не самое худшее! Бывает похуже! К тому же, когда я служу в доме, я себя почитаю в некотором роде членом семейства, я тогда как бы его чадо, и разве это воровство, если чадо сорвет одну ягодку с пышного куста! *(В нем вдруг снова пробуждается страсть.)* Фрекен Жюли! Вы дивная женщина, вы чересчур для меня хороши! Вы оказались во власти опьянения и хотите скрыть от себя свою ошибку, воображая, будто любите меня! Не любите вы меня, ну разве что привлекает моя внешность... а тогда любовь ваша ничуть не лучше моей... но я-то никогда не соглашусь быть для вас просто животным, любви же вашей истинной мне не вызвать вовек.

Фрекен. Вы убеждены?

Жан. Вы хотите сказать, что это возможно! То, что я мог бы вас полюбить, — о да, это несомненно! Вы такая красивая, изящная *(подходит и берет ее за руку)*, образованная, обходительная, когда пожелаете, и уж кто воспылает к вам, тот никогда не погаснет. *(Обнимает ее за талию.)* Вы как горячее вино с пряностями, один ваш поцелуй... *(Пытается увести ее; она тихонько высвобождается.)*

Фрекен. Пустите меня! Уж этак-то вы меня не завоюете!

Жан. Но как же? Не этак! Не лаской, не красивыми словами. Не заботой о будущем, спасеньем от позора! Как же?

Фрекен *(воспрянув)*. Бежать? Да, бежим! Но я так устала! Дайте мне стакан вина!

Жан наливает вино. Она смотрит на часики.

Но прежде поговорим; у нас есть еще немного времени. *(Выпивает вино; снова протягивает ему стакан.)*

Жан. Нельзя так много пить, напьетесь пьяная!

Фрекен. Ну и что же?

Жан. И что же? Это плебейство — напиваться! Так о чем вы хотели поговорить?

Фрекен. Бежать! Бежать! Но сначала нам нужно поговорить, то есть это я буду говорить, вы уже достаточно наговорили. Всю свою жизнь рассказали, ну а теперь я расскажу вам свою, нам нужно хорошенько друг друга узнать, прежде чем вместе пускаться в странствие.

Жан. Минуточку! Простите! Подумайте, как бы вам потом не раскаяться, что выдали тайны вашей жизни!

Фрекен. Разве вы не друг мне?

Жан. В некотором роде! Но не следует вам на меня полагаться.

Фрекен. Это вы только так говорите. Да и к тому же — тайны мои ни для кого не секрет. Знаете ли — мать моя не из дворян, она из совсем простой семьи. Она воспитывалась в духе своего времени, была напичкана идеями о равенстве, свободе женщины и тому подобном и питала просто отвращение к браку. И когда отец посватался к ней, она ответила, что никогда не выйдет за него замуж, но согласна стать его любовницей. Он возражал, что не хочет, чтобы любимая им женщина пользовалась меньшим уважением, чем он сам. Она объясняла, что не дорожит уважением света, и, под влиянием страсти, он принял ее условия. Но он лишился привычных своих знакомств, вынужден был ограничить жизнь домашним кругом и стал томиться. Я появилась на свет,

насколько могу понять, вопреки воле матери. И вот она принялась меня воспитывать как дитя природы, да вдобавок учила еще всему тому, чему учат мальчиков, чтобы на моем примере, значит, доказать, что женщина не хуже мужчин. Меня одевали как мальчика, учили ходить за лошадьми и близко не подпускали к скотному; я чистила лошадей, запрягала, я ездила на охоту, занималась земледелием, даже скот забивала — какая мерзость! И вообще, у нас мужчины делали женскую работу, а женщины — мужскую, и скоро имение наше начало разоряться, а вся округа смеялась над нами. В конце концов отец прозрел и восстал, и все переменилось по его воле. Родители потихоньку обвенчались. Мать заболела — что это за болезнь, не знаю, но у нее часто бывали судороги, она пряталась на чердаке, в саду, иногда по целым ночам там оставалась. И тогда-то случился пожар, про который вы слышали. Дом сгорел, конюшни, скотный, и обстоятельства наводили на мысль о поджоге, потому что несчастье произошло на следующий же день после того, как вышел срок квартальному платежу по страховке, а взнос, посланный отцом, задержался по нерадивости посыльного. *(Наполняет стакан и пьет.)*

Жан. Больше не пейте!

Фрекен. Ах, да не все ль равно! Мы всего лишились, мы ночевали в каретах. Отец не знал, где раздобыть денег, чтобы отстроить дом, ведь он раззнакомился со старыми друзьями, и они забыли его. И тут мать дает ему совет взять взаймы у одного ее друга юности, хозяина кирпичной фабрики, тут неподалеку. Отец берет взаймы, и, к его великому изумлению, с него не требуют никаких процентов. Так и отстроили дом! *(Снова пьет.)* А знаете, кто поджег?

Жан. Госпожа матушка ваша!

Фрекен. А знаете, кто был хозяин кирпичной фабрики?

Жан. Любовник вашей матушки?

Фрекен. А знаете, чьи были деньги?

Жан. Постойте-ка... Нет, не знаю.

Фрекен. Моей матери!

Жан. Стало быть, и графа, ведь так по брачному договору?

Фрекен. Брачного договора нет никакого. У матери было свое небольшое состояние, она не хотела, чтоб отец наложил на него руку, и потому отдала... другу.

Жан. Который все и слямзил!

Фрекен. Совершенно справедливо! Он оставил деньги себе! И вот все доходит до сведения отца, но не может же он начинать тяжбу, не платить любовнику жены, доказывать, что деньги ее! Он тогда застрелиться хотел! Говорили, даже пытался, но неудачно! Но он остается жить, а мать расплачивается за свои поступки. В этом прошло пять лет моей жизни! Я любила отца, но была на стороне матери, я же ничего не знала. Она и научила меня презирать и ненавидеть мужчин — сама-то она, как вы сейчас слышали, их ненавидела, — и я ей поклялась, что никогда не стану рабой мужчины.

Жан. То-то вы и обручились с фогтом!

Фрекен. Именно, чтобы сделать его своим рабом.

Жан. Ну а он не захотел?

Фрекен. Очень даже захотел, да не вышло у него. Он мне надоел!

Жан. Да, я все видел — в конюшне.

Фрекен. Что вы видели?

Жан. А то и видел, как он помолвку порвал.

Фрекен. Ложь! Это я порвала! Неужто он, подлец, утверждает, будто бы он порвал?

Жан. Никакой он не подлец! Вы, фрекен, ненавидите мужчин?

Фрекен. Да, обычно! Но иногда, когда на меня находит слабость, ох!..

Жан. И меня, стало быть, ненавидите?

Фрекен. Безмерно! Я бы вас велела пристрелить, как зверя...

Жан. «Преступник осуждается к двум годам каторжных работ, а зверь пристрелен!» Не так ли?

Фрекен. Именно так!

Жан. Но прокурора нет. Да и зверя здесь нет! Что ж нам делать?

Фрекен. Бежать!

Жан. Чтоб вконец истерзать друг друга?

Фрекен. Нет, чтобы два дня, восемь дней — сколько сможем — наслаждаться, а после — умереть...

Жан. Умереть? Какие глупости! Лучше уж открыть отель!

Фрекен *(продолжает, не слушая его)*. ...на озере Комо, где зеленеет лавр на Рождество и апельсины рдеют.

Жан. На озере Комо вечно хлещут дожди, апельсины я там видел только в лавках зеленщиков; зато иностранцам там раздолье, влюбленным парочкам охотно сдают виллы, и это весьма выгодно — знаете отчего? О, контракт они заключают на полгода, а съезжают недели через три!

Фрекен *(простодушно)*. Почему же недели через три?

Жан. Да расходятся. А все равно платят! Виллу сразу же сдают снова. И так без конца — любви хватает, хоть она всякий раз и коротенькая!

Фрекен. Вы не хотите умереть вместе со мной?

Жан. Я вообще не хочу умирать! Поскольку я люблю жизнь, а кроме того, я считаю самоубийство грехом против Провидения, даровавшего нам жизнь.

Фрекен. И вы — вы — в Бога веруете?

Жан. Конечно верую! Я каждое воскресенье в церковь хожу. Но, говоря откровенно, я уже от всего этого устал, и сейчас я иду спать.

Фрекен. И вы полагаете, я это допущу? Знаете ли вы, в каком долгу мужчина перед женщиной, которую он обесчестил?

Жан *(вынимает из бумажника и швыряет на стол серебряную монету)*. Вот! Не хочу оставаться в долгу!

Фрекен *(стараясь не замечать оскорбления)*. Знаете ли вы, к чему обязывает закон...

Жан. К сожалению, закон не наказывает женщину, которая соблазнила мужчину!

Фрекен. Видите ли вы какой-то иной выход, кроме того, чтоб нам уехать, обвенчаться и развестись?

Жан. А если я уклонюсь от такого мезальянса?

Фрекен. Мезальянса...

Жан. Да, для меня! Сами поймите: мой род благороднее вашего, у нас поджигателей не было!

Фрекен. Откуда вам знать?

Жан. Но и противоположного нельзя знать, у нас нет родословного древа — разве что в полиции! Зато насчет вашей родословной я вычитал в дворянском справочнике. Знаете, кто основал ваш род? Мельник, с женой которого провел одну ночь король во время датской войны. Нет, у меня-то нет таких предков! У меня и вообще-то нет предков, я зато сам могу предком стать!

Фрекен. Вот мне — за то, что я открыла сердце недостойному, предала фамильную честь...

Жан. Выдала позор семейный! Видите — я же говорил! Нечего пить, от спиртного язык развязывается. А кое-кому не следовало бы болтать!

Фрекен. О, как я казню себя! Как раскаиваюсь! И если бы вы хоть любили меня!

Жан. В последний раз спрашиваю — чего вам от меня надо? Рыдать мне, прыгать через хлыст, целовать вас, умыкнуть на три недели к озеру Комо, а после... Так, что ли? Чего вам надо? Это уже делается несносно! Да, нечего было совать нос в бабьи дела! Фрекен Жюли! Я вижу — вы несчастны, я вижу — вы мучаетесь, но я не могу вас понять. У нас этих тонкостей не водится; но у нас и ненависти этой нет!

Для нас любовь — игра, когда время позволяет, только мы же не болтаемся без дела день и ночь, как вы!

Фрекен. Вы не должны меня обижать; и наконец-то вы заговорили как человек.

Жан. Да, но будьте сами-то человеком! Сами на меня плюете, а не даете утереться — об вас!

Фрекен. Помоги мне, помоги. Только скажи — что мне делать? Куда деваться?

Жан. Господи Иисусе, если б я знал!

Фрекен. Я рехнулась, я с ума сошла, но неужто же мне нет никакого спасения!

Жан. Оставайся тут и успокойся! Никто ничего не знает!

Фрекен. Нельзя! Люди знают! Кристина знает!

Жан. Ничего они не знают, они б даже и не поверили!

Фрекен *(запинаясь)*. Но ведь это может повториться!

Жан. Верно!

Фрекен. А последствия?

Жан *(испугавшись)*. Последствия! И где была моя голова! Да, тогда только одно — подальше отсюда! Сейчас же! Я с вами не еду, не то все пропало, езжайте одна — куда угодно!

Фрекен. Одна? Куда? Не могу!

Жан. Надо! И скорей, пока не вернулся граф! Останетесь — сами знаете, что из этого выйдет! Кто однажды согрешил, станет рабом греха... И будет все смелей и смелей, и глядишь — попался! Скорей уезжайте! А после напишете графу и покаетесь во всем, только меня не выдавайте! Сам он не догадается! Да и не очень-то ему надо дознаваться!

Фрекен. Я еду, если вы со мною!

Жан. С ума вы, что ль, сошли? Фрекен Жюли удрала с лакеем! Послезавтра газеты все пропечатают, и графу этого не пережить!

Фрекен. Не могу я ехать! И остаться не могу! Помоги! Я устала, я так безмерно устала... Приказы-

вай! Подтолкни меня! Я уж ни думать, ни действовать больше не могу!..

Жан. Видите, какие вы скоты! И зачем только пыжиться и носы задирать, будто вы творцы мироздания! Ладно! Приказываю! Идите к себе, оденьтесь. Захватите денег на дорогу и спускайтесь обратно!

Фрекен *(тихо)*. Пойдем со мной!

Жан. В вашу комнату? Ну вот, опять вы с ума сходите! *(Секунду помедлив.)* Нет! Живо идите! *(Выводит ее за руку со сцены.)*

Фрекен *(на ходу)*. Жан! Не надо так со мной говорить!

Жан. Приказ — всегда грубость! *Пора* и вам это узнать! *Пора!*

Жан один. Он испускает вздох облегчения; садится к столу; вынимает блокнот и перо; вслух что-то подсчитывает; затем немая мимическая игра, пока не входит Кристина. Она приоделась, собирается в церковь, в руке у нее манишка и белый галстук.

Кристина. Господи Иисусе! Ну и картина! Что это вы тут делали?

Жан. А-а, это фрекен людей зазвала. Ты что — так спала крепко? Неужели не слыхала ничего?

Кристина. Спала как убитая!

Жан. И уже для церкви разрядилась?

Кристина. И-и! А ведь и ты обещался со мной нынче к исповеди пойти!

Жан. Что верно, то верно! Ты уж, гляжу, мне и облачение принесла! Иди-ка сюда! *(Садится.)*

Кристина прилаживает на нем манишку и белый галстук. Пауза.

(Говорит сонно.) Какое сегодня Евангелие?

Кристина. Да будто б про усекновение главы Иоанна Предтечи!

Жан. Ух, это такая тягомотина! Ой, не царапайся! Ах, как спать хочется, как хочется спать!

Кристина. И чего это ты всю ночь-то не ложился? Аж зеленый весь.

Жан. Я тут сидел и беседовал с фрекен Жюли.

Кристина. А ей и невдомек, как полагается прилично себя вести!

Пауза.

Жан. Послушай-ка, Кристина!

Кристина. Ну, чего?

Жан. Да просто удивления достойно, как подумаешь... Она!

Кристина. Что — удивления достойно?

Жан. Да все!

Пауза.

Кристина *(видит на столе стаканы с остатками вина)*. Так вы тут вдвоем выпивали?

Жан. Да!

Кристина. Фу-ты! А ну глянь-ка мне в глаза!

Жан. Да!

Кристина. Неужели же? Неужели?

Жан *(подумав)*. Да! Именно!

Кристина. Ух! Вот уж не гадала! Нет! Ух!

Жан. Ты ведь меня к ней не ревнуешь?

Кристина. К ней-то! Да будь это Клара или Софи — уж я б тебе глаза повыцарапала! Такие дела. А почему — и сама не знаю. Ух, гадость-то какая!

Жан. Ты что — злишься на нее?

Кристина. Да на тебя же! Нехорошо, ах, как нехорошо! Бедная! Нет, знаешь что! Не хочу я больше жить в этом доме, если тут не уважают собственных хозяев.

Жан. А за что их уважать-то?

Кристина. Да, скажи-ка, ты ведь у нас больно хитер! Небось и самому служить неохота тем, которые себя ведут неприлично? А? Даже стыдно, как я погляжу.

Жан. Да, но ведь это для нас утешенье, что другие ничуть нас не чище!

Кристина. Ничего не утешение; ведь если уж они не чище, так зачем и стараться-то почище стать. И про графа подумай! Сколько он, бедный, в свое время горя натерпелся! Нет, не хочу я больше оставаться в этом доме. Да вдобавок с таким, как ты! Добро бы еще с королевским фогтом; добро бы с кем почище...

Жан. Это еще что?

Кристина. Да! Да! Не так уж ты и плох, конечно, но нельзя же равнять людей со скотиной! Нет! Я этого никогда не забуду! Фрекен! Гордая фрекен, так всегда не любила мужчин, я уж думала, она вовек ни с кем и не будет... и вот на! Дианку, бедную, пристрелить хотела за то, что та с дворовым кобелем снюхалась! И надо же! Нет, не останусь я тут и к двадцать четвертому октября уберусь отсюда.

Жан. Ну а дальше что?

Кристина. Да, коли уж об этом речь зашла, пора бы тебе приискать себе что-нибудь, раз мы собираемся пожениться.

Жан. Чего приискивать? Другого такого места мне женатому не видать.

Кристина. Уж это само собою! Но можно в швейцары наняться или сторожем куда-нибудь на фабрику. На казенных хлебах не больно разъешься, зато вернее они, да и пенсия жене и детишкам положена...

Жан *(поморщившись)*. Все это прелестно, но не в моем это духе — заранее думать о смерти ради обеспечения жены и детей. Признаться, у меня виды поинтересней.

Кристина. «Виды!» Скажите! У тебя небось и обязанности есть! Вот и подумай про них!

Жан. Не зли ты меня этими своими разговорами про обязанности. Без тебя знаю, что мне надо делать! *(Прислушивается.)* У нас еще будет время обо всем потолковать. Иди собирайся, и пойдем вместе в церковь.

Кристина. Кто там ходит наверху?

Жан. Не знаю. Может, Клара?

Кристина *(уходя)*. Не граф же это, неужели же он вернулся — и чтоб никто не слыхал.

Жан *(испуганно)*. Граф? Нет, не может быть, он бы сразу позвонил.

Кристина *(уходя)*. Ох, Господи! Ну и дела.

Уже взошло солнце, осветило макушки деревьев; постепенно свет разливается и входит в окна. Жан идет к дверям и подает знак. Фрекен входит, она в дорожном платье, несет птичью клетку, прикрытую платком, и ставит ее на стул.

Фрекен. Ну вот, я готова.

Жан. Тсс! Кристина проснулась!

Фрекен *(всю последующую сцену она очевидно нервничает)*. Не догадалась?

Жан. Ничего не знает! Господи, что у вас за вид!

Фрекен. Что такое? Какой вид?

Жан. Вы бледная как смерть, и — прошу прощенья-с, но у вас лицо грязное.

Фрекен. Так надо умыться! *(Идет к умывальнику, умывается.)* Дай мне полотенце! О! Уже и солнце встало!

Жан. И ночному троллю пришел конец!

Фрекен. Да, это все были его проделки! Но послушай меня, Жан! Едем вместе, у меня теперь есть средства!

Жан *(неуверенно)*. И достаточные?!

Фрекен. Достаточные — для начала! Едем вместе, одна я не могу сегодня ехать. Подумай — праздник, переполненный вагон, толчея, и все будут глазеть на меня. И надо торчать на станциях, когда поскорее улететь хочется. Нет, не могу, не могу! И еще воспоминанья. Детские воспоминанья об этом празднике. Церковь убрана зеленью — березовыми ветками и сиренью. Потом обед за праздничным столом. Родственники, друзья. Вечер в саду, танцы, музыка, цветы, игры! Ох! Бежишь, а воспоминанья следуют за тобой в багажном вагоне, и раскаянье, и угрызения совести!

Жан. Хорошо, я еду. Но немедля, пока не поздно. Сейчас же!

Фрекен. Тогда собирайтесь. *(Берет в руки клетку.)*

Жан. И никакого багажа! Не то мы погибли!

Фрекен. Да, никакого. Только то, что можно взять в купе.

Жан *(берется за шляпу)*. Но что это у вас такое?

Фрекен. Это просто мой чижик! Я его не могу бросить!

Жан. Ну и ну! Тащить с собой птичью клетку! Да вы с ума сошли! Оставьте вы ее!

Фрекен. Единственное, что я беру с собою из дому; единственное живое существо, привязанное ко мне, ведь даже Диана предала меня! Не будь таким жестоким! Позволь мне взять его с собой!

Жан. Сказано — оставьте клетку! Да не надсаживайтесь вы так — Кристина услышит!

Фрекен. Нет, я не оставлю его в чужих руках! Уж лучше убейте его!

Жан. Ну, давайте сюда эту тварь, я сверну ей шею!

Фрекен. Только чтоб не больно! Нет... не могу я, нет!

Жан. Давайте! Я зато могу!

Фрекен *(вынимает птичку из клетки и целует)*. Ох, Серина, миленькая моя, твоя же хозяйка тебя и убьет, да?

Жан. Премного буду вам обязан — не закатывайте мне тут сцен; речь идет ведь о вашей собственной жизни, о вашем благополучии! Ну, живей! *(Вырывает птицу у нее из рук, несет к разделочной доске и берет кухонный нож.)*

Фрекен отворачивается.

Вам бы научиться цыплят забивать, чем револьвером баловаться *(рубит)*, тогда вы б не падали в обморок из-за одной капли крови.

Фрекен *(кричит)*. И меня убейте! Убейте! Если вы недрогнувшей рукой можете убить невинное созданье. О, я ненавижу вас, вы мне гадки. Между нами — кровь! Будь проклят тот час, когда я вас увидела, будь проклят тот час, когда я родилась на свет!

Жан. Ладно, что толку проклинать! Идемте!

Фрекен *(подходит к разделочной доске, будто ее тянет туда против воли)*. Нет, мне не пора еще. Я не могу... мне надо посмотреть... Тсс! Карета подъехала... *(Прислушивается, не отрывая глаз от ножа и доски.)* Так вы думаете, я не могу видеть крови? Думаете, я слабая... о! — увидеть бы твою кровь, твой мозг на плахе, увидеть бы, как все ваше проклятое семя плавает в таком вот море... так бы, кажется, и пила из твоего черепа, ноги мыла б в твоей грудной клетке, так бы зажарила целиком и сожрала твое сердце! Ты думаешь, я слабая, думаешь, я тебя люблю, раз нутро мое возжаждало твоего семени; думаешь, я стану носить под сердцем твое отродье и питать его своею кровью — рожу тебе ребенка и приму твое имя! Слышишь ты, как тебя там? Я в жизни и не слыхивала твоей фамилии — у тебя небось и нет ее! Я бы стала фру Сторож или мадам Лакей — ты пес, и ты носишь мой ошейник, ты холоп, заклейменный моим гербом, и чтоб я тебя делила со своей кухаркой, стала соперницей своей служанки! Ох! Думаешь, я струшу, я удеру! Нет, я останусь, и пусть ударит гром! Отец вернется... увидит взломанное бюро... хватится денег! Он позвонит — вот в этот самый звонок... позвонит два раза, призовет лакея, пошлет его за ленсманом... а я во всем признаюсь! Во всем! О, какое счастье — покончить со всем! Только бы покончить! С ним будет удар, он умрет! Вот и настанет конец... и покой... и вечный мир! И над его гробом сломают наш герб — графский род угаснет... а лакейское отродье попадет в приют, будет пожинать лавры под забором и кончит за решеткой!

Жан. Ага, королевская кровь заговорила! Браво, фрекен Жюли! А мельника подальше упрячьте!

Входит Кристина, приодевшаяся для церкви, с молитвенником в руке. Фрекен бросается к ней на грудь, как бы ища у нее защиты.

Фрекен. Кристина, помоги! Спаси меня от этого человека!

Кристина *(холодно, невозмутимо)*. Что это вы за представление затеяли в праздник! *(Смотрит на разделочную доску.)* И насвинячили-то как! Это зачем? А еще орете!

Фрекен. Кристина! Ты женщина, и ты мне друг! Берегись этого мерзавца!

Жан *(несколько смутившись, робко)*. Если дамам угодно потолковать, я, пожалуй, пойду побреюсь. *(Ускользает направо.)*

Фрекен. Ты должна меня понять. И ты должна меня выслушать!

Кристина. Не пойму я никогда этого ничего. По мне — так надо себя блюсти. И чего это вы дорожное платье надели, куда собрались? А он тоже в шляпе! А?

Фрекен. Выслушай, Кристина! Выслушай меня, и я тебе все расскажу...

Кристина. Не хочу я этого знать...

Фрекен. Ты должна меня выслушать...

Кристина. Да про что речь? Про баловство про ваше с Жаном? Мне-то какое до этого дело? А вот если вы затеяли его за собой сманить — тут уж ничего у вас не получится!

Фрекен *(очень нервно)*. Кристина! Постарайся успокоиться и выслушай меня! Я не могу здесь оставаться, и Жан не может здесь оставаться, значит, нам надо уехать...

Кристина. Гм...

Фрекен *(вдруг ободрившись)*. Знаешь, что мне сейчас в голову пришло? Вот если б нам поехать

всем вместе, втроем... за границу... в Швейцарию... И мы бы вместе открыли отель... знаешь, ведь у меня есть деньги... мы с Жаном вели бы все дело, а ты, я подумала, хозяйничала бы на кухне... Разве плохо! Скажи же — да! Едем вместе, и все устроится! Ну скажи — да. *(Обнимает Кристину.)*

Кристина *(холодно и неуверенно)*. Гм...

Фрекен *(все быстрей)*. Ты ведь никогда не путешествовала, Кристина, тебе надо увидеть мир. Ты не поверишь, Кристина, какая это радость — ехать в поезде... беспрестанно новые лица... новые места... и вот мы приедем в Гамбург, пойдем в Зоологический сад... тебе там понравится... потом в театр... в оперу... а потом приедем в Мюнхен — там ведь музеи, и там Рубенс, Рафаэль, два величайших художника, ты сама знаешь... Ты ведь слышала про Мюнхен, там жил король Людвиг, король, который еще потом с ума сошел... и мы увидим его замки, знаешь, у него замки совершенно как сказочные... а оттуда уже и до Швейцарии рукой подать, и там, подумай, там Альпы стоят под снегом среди лета, и там растут апельсины и лавры, они зеленые круглый год...

Жан показывается справа, он правит бритву, держа ремень зубами и левой рукой, он слушает и время от времени одобрительно кивает.

(Говорит еще быстрей.) И там мы откроем отель... я сижу за конторкой, а Жан стоит, принимает гостей... ну, ходит за покупками... письма пишет... О, это жизнь, поверь... то поезд свистит, то омнибус приходит, то в номерах звонят, то в ресторане... а я пишу счета, и уж я сумею их подперчить... ты не поверишь, как люди дрожат, когда берут в руки счета! А ты... ты сидишь королевой на кухне... Конечно, тебе не придется самой стоять у плиты... и ты сможешь показаться на люди нарядная и аккуратная... и с твоей внешностью... нет, я не льщу... ты в один прекрасный день подцепишь мужа... богатого англичанина, знаешь,

их ведь так легко *(медленней)* пленить... и вот мы богаты... мы строим виллу на озере Комо... там, правда, иногда дожди, но *(совсем вяло)* иной раз и солнце проглянет... хотя и пасмурно... а то... можно и домой вернуться... *(пауза)* сюда... или куда-нибудь еще...

Кристина. Послушайте! Сами-то вы в это верите?

Фрекен *(уничтоженная)*. Верю ли я?

Кристина. Да!

Фрекен *(устало)*. Не знаю. Я теперь ни во что, ни во что не верю. *(Падает на скамью, облокачивается на стол и роняет голову на руки.)* Ни во что! Ни во что!

Кристина *(поворачиваясь направо, к Жану)*. Надо же! Удрать хотел!

Жан *(резко)*. Будь любезна, выбирай выражения, когда говоришь в присутствии своей госпожи! Ясно?

Кристина. Госпожи!

Жан. Да!

Кристина. Ах, скажите! Послушайте его!

Жан. Нет, это ты послушай, а говори поменьше! Фрекен Жюли — твоя госпожа, а за то, за что ты ее презираешь, тебе бы следовало ведь и себя презирать!

Кристина. Себя-то я всегда так уважала...

Жан. ...что можешь презирать других!

Кристина. ...что никогда не роняла себя. Подика кто скажи, что графская кухарка путалась с конюхом либо с пастухом! Скажи!

Жан. Ну, тебе достался кое-кто почище; тебе счастье подвалило!

Кристина. «Кое-кто почище!» Который овсом из графской конюшни торговал...

Жан. А теперь расскажи про того, кто наживался на овощах и получал взятки с мясника!

Кристина. Чего?

Жан. И ты еще будешь презирать своих хозяев? Ты! Ты!

Кристина. Идешь ты в церковь или нет? После эдаких подвигов добрая проповедь небось не повредит!

Жан. Нет, не пойду я сегодня. Иди сама, кайся в своих геройствах!

Кристина. А что ж, и покаюсь, и приду домой с отпущеньем грехов, так что и на тебя хватит! Спаситель терпел и умер на кресте за наши грехи, и если мы к Нему приближаемся со страхом Божиим и с верою, так Он весь наш грех берет на Себя.

Фрекен. Ты в это веришь, Кристина?

Кристина. Это моя живая вера, детская вера, я ее сохранила от юности моей, фрекен Жюли. Если грех велик — велика и милость Божия!

Фрекен. Ах, если бы только я могла в это верить...

Кристина. Вера не дается просто так, а по великой милости Господней, и не каждому дано верить...

Фрекен. Но кому же дано?

Кристина. Тайна сия велика есть, фрекен. И Господь людей не разбирает, просто последние станут первыми...

Фрекен. Значит, разбирает Он все-таки, кто же последний?

Кристина. ...и легче верблюду пройти в игольное ушко, чем богатому войти в Царствие Небесное! Вот как, фрекен Жюли! А я покамест пойду — одна — да скажу конюху, чтобы не давал лошадей, если кто захочет куда ехать, покуда граф не вернулся! Адье! *(Уходит.)*

Жан. О черт! И все из-за чижика!

Фрекен *(вяло)*. Чижика оставьте. Видите вы какой-нибудь выход, предполагаете какой-то конец?

Жан *(подумав)*. Нет!

Фрекен. Что сделали бы вы на моем месте?

Жан. На вашем? Постойте. Графского рода, женщина, и... падшая. Не знаю. Хотя... Знаю!

Фрекен *(берет бритву, делает соответствующий жест)*. Вот эдак?

Жан. Да! То есть я бы лично не стал этого делать. Заметьте. И тут вся разница!

Фрекен. Оттого что вы мужчина, а я женщина? В чем же разница?

Жан. Та и разница, какая... вообще между мужчиной и женщиной.

Фрекен *(с бритвой в руке)*. Хотела бы! Но не могу! И отец не мог, когда ему нужно это было.

Жан. Нет, не нужно ему это было! Ему нужно было сперва отомстить!

Фрекен. А теперь мать снова мстит. Через меня.

Жан. Разве вы не любили отца, фрекен Жюли?

Фрекен. О, безмерно, но я ведь и ненавидела его! Конечно, ненавидела, сама того не сознавая! Это же он воспитал меня в презрении к моему полу, вырастил полуженщиной-полумужчиной! Чья вина в том, что со мной случилось? Отца, матери, моя собственная! Моя собственная? Но у меня нет ничего своего! Ни единой мысли, которую я бы не взяла у отца, ни единого чувства, которое бы не перешло ко мне от матери, ну а эту последнюю блажь — что все люди равны — я взяла у него, у жениха, и за это я называю его мерзавцем! О какой же собственной вине может идти речь? Сваливать грех на Христа, как вот Кристина, — нет, для этого я чересчур горда и чересчур умна — спасибо отцовским наставлениям... А насчет того, что богатому не попасть в Царствие Небесное, — так это ложь, и, во всяком случае, уж Кристина-то сама, у которой деньги есть в банке, туда не попадет! Кто же виноват? Ах, да не все ль равно! Мне одной отвечать и за грех, и за последствия...

Жан. Да, но...

Резко звонят дважды. Фрекен вздрагивает.
Жан надевает ливрею.

Граф! А вдруг Кристина... *(Идет к разговорной трубе, слушает.)*

Фрекен. Он уже видел свое бюро?

Жан. Это Жан! Господин граф! *(Слушает; зрителю не слышно слов графа.)* Да, ваше сиятельство! *(Слушает.)* Да, ваше сиятельство! Сию минуту. *(Слушает.)* Хорошо-с, ваше сиятельство! *(Слушает.)* Да-с! Через полчаса!

Фрекен *(в тревоге)*. Что он говорит? Господи Иисусе, что он говорит?

Жан. Желает кофе и сапоги через полчаса.

Фрекен. Значит, через полчаса! Ах, как я устала. Ничего не могу — не могу каяться, не могу бежать, оставаться, жить не могу, не могу умереть! Помогите же мне! Приказывайте, и я буду слушаться, как собака. Окажите мне последнюю услугу, спасите мою честь, спасите его имя! Вы же знаете, чего мне надо хотеть, да я не хочу... Сами этого пожелайте и прикажите мне исполнить!

Жан. Не знаю... нет, теперь уж я тоже не могу... не понимаю... Будто из-за этой ливреи я сразу... я не могу вам приказывать... вот граф поговорил со мною, и я... трудно объяснить... никуда не денешься от своего рабства! Наверно, если бы граф сейчас спустился... и приказал мне перерезать собственную глотку, я бы сразу послушался.

Фрекен. Так вообразите ж себя на его месте, а меня на вашем! Вы давеча так славно играли роль, когда стояли передо мною на коленях — изображали рыцаря... или — видели вы когда-нибудь в театре гипнотизера?

Жан утвердительно кивает головой.

Он говорит медиуму: возьми метлу — и тот берет; он говорит — мети, и тот метет...

Жан. Но он же сперва усыпить его должен!

Фрекен *(с восторгом)*. Я сплю уже! Вся комната будто в дыму, вы — будто печь железная... как

кто-то длинный, черный, в цилиндре... и глаза ваши сверкают, как угли, когда угасает пламя, и лицо — будто белая кучка золы. *(Солнечный луч падает на Жана.)* Как тепло, как хорошо *(потирает руки, словно греет у огня)* и как светло... и покойно!

Жан *(подает ей бритву)*. Вот метла! Пока не стемнело... идите на гумно и... *(Шепчет ей на ухо.)*

Фрекен *(очнувшись)*. Благодарю! Скоро я отдохну! Только скажи... что и первые тоже сподобятся милости Божьей. Скажи, даже если сам не веришь.

Жан. Первые? Нет, не могу! Хотя постойте... фрекен Жюли... вот! Вы уже не среди первых... вы среди последних!

Фрекен. Правда. Я среди самых последних. Самая последняя! О! Но я уже не могу уйти. Еще раз вели мне уйти!

Жан. Но теперь я тоже не могу! Не могу!

Фрекен. И первые станут последними!

Жан. Не думайте, не надо! Вы всю силу у меня отнимаете, я делаюсь трусом... Что это? Мне показалось — звонок! Сейчас заткнуть его! Надо же — так дрожать, так бояться звонка! Но это не просто звонок... кто-то же звонит в него, чья-то рука его дергает... и что-то же дергает эту руку — да заткните же уши, заткните уши! Ох, как он его дергает! И будет звонить, пока не добьется ответа — но поздно! Ленсман придет, и... вот.

Раздается два резких звонка. Жан вздрагивает, распрямляется.

Ужасно! Но другого выхода нет! Ступайте!

Фрекен решительно выходит за дверь.

Пляска смерти

ЧАСТЬ I

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Э д г а р, капитан крепостной артиллерии.
А л и с, его жена, бывшая актриса.
К у р т, начальник карантина.

Второстепенные персонажи:

Е н н и.
С т а р у х а.
Ч а с о в о й (без слов).

Внутреннее помещение круглой крепостной гранитной башни. На заднем плане — массивные ворота с застекленными дверями, через которые видны морской берег с расположенными на нем батареями и море.

По обе стороны ворот — окна, на подоконниках — цветы и клетки с птицами.

Справа от ворот — пианино; ближе к просцениуму — столик для рукоделия и два кресла.

Слева, в середине сцены — письменный стол, на котором установлен телеграфный аппарат; на переднем плане — этажерка, на ней стоит фотография в рамке. Возле этажерки — кушетка. У стены — буфет.

Под потолком — лампа. На стене возле пианино, по обе стороны от портрета женщины в театральном костюме, висят два больших лавровых венка, перевязанные лентой.

Рядом с дверью стоит вешалка, на ней предметы военного обмундирования, сабли и т. п. Возле вешалки — секретер. Слева от двери висит ртутный барометр.

Теплый осенний вечер. Крепостные ворота распахнуты настежь, вдали виден артиллерист, стоящий на посту возле береговой батареи, на нем — каска с султаном; время от времени в багровых лучах заходящего солнца поблескивает его сабля. Чернеет неподвижная гладь воды.

В кресле слева от столика для рукоделия сидит К а п и т а н, крутя в пальцах погасшую сигару. На нем — поношенная по-

левая форма и кавалерийские сапоги со шпорами. На лице — выражение усталости и тоски.

В кресле справа расположилась Алис. У нее усталый вид, она ничем не занята, но как будто чего-то ждет.

Капитан. Может, сыграешь что-нибудь?

Алис *(равнодушно, но без раздражения)*. Что именно?

Капитан. Что сама хочешь!

Алис. Мой репертуар тебе не во вкусу!

Капитан. А тебе мой!

Алис *(уклончиво)*. Двери не закрыть?

Капитан. Как тебе будет угодно! По-моему, тепло.

Алис. Тогда пусть их!.. *(Пауза.)* Почему ты не куришь?

Капитан. Перестал выносить крепкий табак.

Алис *(почти дружелюбно)*. Так кури послабее! Это ведь твоя единственная радость, сам говоришь.

Капитан. Радость? Что это за штука такая?

Алис. Ты меня спрашиваешь? Мне об этом известно не больше твоего!.. Виски тебе еще не пора?

Капитан. Чуть погодя!.. Что у нас на ужин?

Алис. Откуда мне знать! Спроси Кристин!

Капитан. Почему-то скумбрия еще не пошла; на дворе ведь осень!

Алис. Да, осень!

Капитан. И на дворе, и дома! Конечно, с осенью наступят холода — и на дворе, и дома, — но полакомиться жаренной на решетке скумбрией с долькой лимона и бокалом белого бургундского весьма недурственно!

Алис. Какое вдруг красноречие!

Капитан. У нас в винном погребе осталось бургундское?

Алис. Насколько я знаю, последние пять лет наш погреб пуст...

Капитан. Ты никогда ничего не знаешь. А ведь нам *непременно* надобно сделать запасы к серебряной свадьбе...

Алис. Ты в самом деле намерен ее отмечать?

Капитан. Естественно!

Алис. Намного естественнее было бы скрыть от чужих глаз наш семейный ад, наш двадцатипятилетний ад...

Капитан. Дорогая Алис, ад адом, но ведь у нас бывали и хорошие минуты! Так давай воспользуемся отпущенным нам кратким сроком, ибо потом — конец всему!

Алис. Конец! Если бы!

Капитан. *Конец!* Только и останется, что вывезти на тачке и унавозить огород!

Алис. И столько суеты из-за огорода!

Капитан. Да, именно так; я тут ни при чем!

Алис. *Столько суеты! (Пауза.)* Почту получил?

Капитан. Получил!

Алис. Счет от мясника пришел?

Капитан. Пришел!

Алис. Большой?

Капитан *(вынимает из кармана бумажку, надевает очки, но тут же откладывает их в сторону).* Посмотри сама! Я плохо вижу...

Алис. А что у тебя с глазами?

Капитан. Не знаю!

Алис. Старость.

Капитан. Вздор! Это я-то старый?!

Алис. Ну не я же!

Капитан. Гм!

Алис *(проглядывает счет).* Оплатить можешь?

Капитан. Могу; но не сейчас!

Алис. Значит, потом! Через год, когда выйдешь в отставку с крошечной пенсией и будет поздно! Потом, когда тебя вновь одолеет болезнь...

Капитан. Болезнь? Да я сроду не болел, один раз нехорошо стало, вот и все! Я еще двадцать лет проживу!

Алис. У врача другое мнение!

Капитан. У врача!

Алис. А кто же лучше разбирается в болезнях?

Капитан. Нет у меня никаких болезней и никогда не было. И не будет, ибо я умру в одночасье, как и положено старому солдату!

Алис. Кстати, о враче. У доктора-то сегодня званый вечер, слышал?

Капитан *(возмущенно)*. Ну и что из того! Нас не пригласили, поскольку мы не общаемся с семейством доктора, а не общаемся потому, что не желаем, потому, что я презираю их обоих. Подонки!

Алис. У тебя кругом одни подонки!

Капитан. А кругом одни подонки и есть!

Алис. Кроме тебя!

Капитан. Да, кроме меня, ибо я во всех жизненных обстоятельствах веду себя пристойно. Посему я не подонок!

Пауза.

Алис. Сыграем в карты?

Капитан. Давай!

Алис *(вынимает из ящика стола колоду карт и начинает ее тасовать)*. Надо же, доктор-то! Сумел заполучить на свой званый вечер военный оркестр!

Капитан *(гневно)*. А все потому, что стелется ужом перед полковником в городе! Вот именно, стелется! Мне бы такие способности!

Алис *(сдает)*. Я Герду подругой считала, а она оказалась насквозь фальшивой...

Капитан. Все они фальшивые!.. Какие козыри?

Алис. Надень очки!

Капитан. Не помогают!.. Да, да!

Алис. Козыри пики!

Капитан *(недовольно)*. Пики?..

Алис *(ходит)*. Да, как бы там ни было, а жены молодых офицеров сторонятся нас словно зачумленных!

Капитан *(делает ход и берет взятку)*. Ну и что с того? Мы званых вечеров не устраиваем, так что

никакой разницы! Я вполне могу обходиться один... и всегда обходился!

Алис. Я тоже! Но дети! Дети растут без общества!

Капитан. Ничего, пусть сами ищут, в городе!.. Эту я взял! У тебя остались козыри?

Алис. Один! Эта взятка моя!

Капитан. Шесть и восемь будет пятнадцать...

Алис. Четырнадцать, четырнадцать!

Капитан. Шесть и восемь — четырнадцать... Я, похоже, и считать разучился! И два — итого шестнадцать... *(Зевает.)* Тебе сдавать!

Алис. Ты устал?

Капитан *(сдает)*. Ничуть!

Алис *(прислушивается)*. Музыка аж сюда доносится! *(Пауза.)* Как думаешь, Курт тоже приглашен?

Капитан. Он приехал утром, так что фрак распаковать успел, а вот к нам зайти не успел!

Алис. Начальник карантина! Здесь что, карантинный пост будет?

Капитан. Да!..

Алис. Как бы там ни было, а он мой кузен, когда-то и я носила ту же фамилию...

Капитан. Велика честь...

Алис. Ну вот что... *(резко)* оставь в покое моих родственников, если хочешь, чтобы и твоих не трогали!

Капитан. Ну ладно, ладно! Не будем заводить старую песню!

Алис. Начальник карантина — это значит врач?

Капитан. Нет! Что-то вроде гражданского лица, управляющего или бухгалтера, ведь из Курта-то так ничего и не вышло!

Алис. Бедняжка...

Капитан. Который обошелся мне в кругленькую сумму... А уйдя от жены и детей, он покрыл себя позором!

Алис. Не суди так строго, Эдгар!

Капитан. Да, позором!.. И чем он потом там в Америке занимался? А? Не могу сказать, чтобы я осо-

бенно по нему стосковался! Но он был приличный юноша, я любил с ним побеседовать!

Алис. Потому что он тебе всегда уступал...

Капитан *(высокомерно)*. Уступал или нет, а с ним, по крайней мере, можно было разговаривать... Здесь, на острове, ни одна сволочь не понимает того, что я говорю... просто сборище идиотов...

Алис. Удивительно, надо же было Курту приехать как раз к нашей серебряной свадьбе... не важно, будем ли мы ее отмечать или нет...

Капитан. Что же тут удивительного!.. Ах да, это ведь он свел нас, или выдал тебя замуж, как это называлось!

Алис. Дурацкая затея...

Капитан. Расплачиваться за которую пришлось нам, а не ему!

Алис. Да, подумать только, если бы я не ушла из театра! Все мои подруги стали знаменитостями!

Капитан *(встает)*. Ну ладно!.. Пора выпить грога! *(Идет к буфету, делает себе грог и стоя пьет.)* Сюда бы перекладину, чтобы ногу поставить, и можно было бы представить, что находишься в Копенгагене, в «American Bar»!

Алис. Сделаем тебе перекладину, лишь бы это напоминало тебе о Копенгагене. Как-никак, а то были наши лучшие денечки!

Капитан *(судорожно пьет)*. Точно! Помнишь рагу из барашка с картофелем у «Нимба»! *(Причмокивает.)* Мм-а!

Алис. Нет, зато помню концерты в Тиволи!

Капитан. Ну ясно, у тебя ведь такой изысканный вкус!

Алис. Должен бы радоваться, что у твоей жены есть вкус!

Капитан. Я и радуюсь...

Алис. Изредка, когда тебе надо ею похвастаться...

Капитан *(пьет)*. У доктора, наверное, танцуют... Бас-трубы играют на три четверти... бом... бом-бом!

Алис. Вальс «Алькасар». Да... давненько я не танцевала вальс...

Капитан. Силенок-то еще хватило бы?

Алис. Еще?

Капитан. Ну да! Разве твое время, как и мое, не миновало?

Алис. Я на десять лет моложе тебя!

Капитан. Стало быть, мы ровесники, ибо женщине полагается быть моложе на десять лет!

Алис. Постыдился бы! Ты ведь старик; а я в самом расцвете лет!

Капитан. Ну разумеется, ты, когда захочешь, само очарованье... с другими.

Алис. Зажжем лампу?

Капитан. Пожалуйста!

Алис. Тогда позвони!

Капитан, с трудом передвигая ноги, подходит к письменному столу и звонит.

* * *

Енни входит справа.

Капитан. Енни, будь добра, зажги лампу.

Алис *(резко)*. Зажги верхнюю лампу!

Енни. Слушаюсь, ваша милость! *(Возится с лампой под пристальным взглядом Капитана.)*

Алис *(неприязненно)*. Стекло хорошо протерла?

Енни. Да чуток протерла!

Алис. Это что еще за ответ!

Капитан. Послушай... послушай...

Алис *(Енни)*. Убирайся! Я сама зажгу! Так оно будет лучше!

Енни *(идет к двери)*. По-моему, тоже!

Алис *(встает)*. Убирайся!

Енни *(медлит)*. Интересно, что вы скажете, если я совсем уйду?

Алис молчит.

Енни уходит.

Капитан, подойдя к лампе, зажигает ее.

Алис *(обеспокоенно)*. Думаешь, она уйдет?

Капитан. Нисколько не удивлюсь, но тогда нам придется туго...

Алис. Это ты виноват, ты их балуешь!

Капитан. Ничего подобного! Сама видишь — со мной они неизменно вежливы!

Алис. Потому что ты перед ними пресмыкаешься! Впрочем, ты вообще пресмыкаешься перед подчиненными, поскольку ты деспот с рабской натурой.

Капитан. Да ну!

Алис. Да, пресмыкаешься перед своими солдатами и унтер-офицерами, а вот с равными тебе по положению и с начальниками ужиться не можешь.

Капитан. Ух!

Алис. Под стать всем тиранам!.. Думаешь, она уйдет?

Капитан. Непременно, если ты сейчас же не пойдешь и не поговоришь с ней по-доброму!

Алис. Я?

Капитан. Если пойду я, ты скажешь, что я увиваюсь за служанками!

Алис. А вдруг она и правда уйдет! Все хозяйство опять, как в прошлый раз, ляжет на меня, и я испорчу руки!

Капитан. Беда не в этом! Уйдет Енни, уйдет и Кристин, и тогда прислуги нам здесь, на острове, больше не видать! Штурман с парохода запугает любого, кто приедет сюда искать места... а он не сделает, мои капралы об этом позаботятся!

Алис. Ох уж эти мне капралы... я их корми у себя на кухне, а у тебя духу не хватает выставить их за дверь...

Капитан. Не хватает, потому что иначе никто не останется служить на следующий срок... и оружейную лавочку придется закрывать!

Алис. И мы разоримся!

Капитан. Посему офицерский корпус решил обратиться к его королевскому величеству с просьбой выделить пособие на провиант...

Алис. Для кого?

Капитан. Для капралов!

Алис *(смеется)*. Ты ненормальный!

Капитан. Посмейся, посмейся! Это полезно.

Алис. Я скоро совсем разучусь смеяться...

Капитан *(зажигает сигару)*. Никак нельзя... и без того тоска сплошная!

Алис. Да уж, веселого мало!.. Сыграем еще?

Капитан. Нет, карты меня утомляют.

Пауза.

Алис. Знаешь, меня все-таки бесит, что мой кузен, новый начальник карантина, перво-наперво отправляется к нашим недругам!

Капитан. Велика важность!

Алис. А ты видел в газете список прибывающих пассажиров? Он записан там как *рантье*. Выходит, разжился деньжатами!

Капитан. Рантье! Та-ак! Богатый родственничек; воистину первый в этом семействе!

Алис. В твоем — первый! А в моем — богатых много.

Капитан. Коли разжился деньгами, значит, задрал нос, но я его поставлю на место! Мне он на шею не сядет!

Застучал телеграфный аппарат.

Алис. Кто это?

Капитан *(замирает)*. Помолчи, пожалуйста!

Алис. Ну подойди же!

Капитан. Я и так слышу, я слышу, что они говорят!.. Это дети! *(Подходит к аппарату и выстукивает ответ, после чего аппарат работает еще какое-то время, Капитан отвечает.)*

Алис. Ну-у?

Капитан. Подожди!.. *(Отстукивает знак «конец приема».)* Это дети, телеграфируют из штаба. Юдифи опять нездоровится, она сидит дома, в школу не ходит.

Алис. Опять! Что еще?

Капитан. Деньги, естественно!

Алис. И чего это Юдифь так торопится? Сдала бы экзамен на следующий год, ничего страшного!

Капитан. Попробуй скажи ей это, увидишь, будет ли толк!

Алис. Ты скажи!

Капитан. Сколько раз говорил! Но ты ведь знаешь, дети всегда поступают по-своему!

Алис. По крайней мере, в этом доме!

Капитан зевает.

Не стыдно зевать при жене?

Капитан. А что делать?.. Ты не замечаешь, что мы изо дня в день говорим одно и то же? Вот ты сейчас произнесла свою излюбленную реплику: «По крайней мере, в этом доме», на что мне следовало бы ответить, как я обычно отвечаю: «Это не только мой дом». Но поскольку я отвечал так раз пятьсот, не меньше, я зевнул. Мой зевок может означать, что мне лень отвечать, или: «Ты права, мой ангел», или: «Все, хватит».

Алис. А знаешь, доктор-то — заказал ужин из города, из «Гранд-отеля»!

Капитан. Ну да?! Значит, лакомятся рябчиками! *(Причмокивает.)* Мм-а! Рябчик — птица наиизысканнейшая, но жарить его в свином сале — варварство!..

Алис. Фу! Говорить о еде!

Капитан. Ну, тогда о винах? Интересно, что эти варвары пьют к рябчикам?

Алис. Поиграть тебе?

Капитан *(садится за письменный стол)*. Последний резерв! Что ж, давай, только уволь меня от своих похоронных маршей и элегий... больно нарочитая музыка. А я обычно сочиняю к ней текст: «Вот какая я несчастная!» Мяу, мяу! «Вот какой у меня чудовищный муж!» Брр, брр, брр! «Ах, если бы он поскорее отдал концы». Радостная дробь барабана,

фанфары; финал вальса «Алькасар»! Галоп «Шампанское»! Кстати, о шампанском — у нас вроде осталось две бутылки. Давай откроем — сделаем вид, будто у нас гости, а?

Алис. Нет, не откроем, это мои бутылки; их мне подарили!

Капитан. Бережливая ты у меня!

Алис. А ты — крохобор, по крайней мере по отношению к жене!

Капитан. Уж и не знаю, что придумать!.. Станцевать, что ли?

Алис. Спасибо, уволь. Твое время, пожалуй, миновало.

Капитан. Почему бы тебе не завести себе подружку?

Алис. Благодарю покорно! А почему бы тебе не завести себе дружка?

Капитан. Благодарю покорно! Уже опробовано, к взаимному неудовольствию. Но эксперимент был не без интереса — стоило в доме появиться постороннему, и мы были счастливы... поначалу...

Алис. Зато потом!

Капитан. Да, и не говори!

В дверь слева стучат.

Алис. Кто бы это так поздно?

Капитан. Енни обычно не стучит.

Алис. Пойди открой, только не кричи «войдите», словно ты в мастерской!

Капитан *(направляется к двери слева)*. Ах, как мы не любим мастерские!

Снова раздается стук.

Алис. Открой же!

Капитан *(открывает и берет протянутую визитную карточку)*. Это Кристин... Что, Енни ушла? *(Поскольку ответ зрителям не слышен, обращается к Алис.)* Енни ушла!

Алис. И я снова становлюсь служанкой!

Капитан. А я батраком!

Алис. А нельзя кого-нибудь из солдат взять на кухню?

Капитан. Не те времена!

Алис. Но карточку-то ведь не Енни прислала?

Капитан *(разглядывает карточку через очки, потом протягивает ее Алис)*. Прочитай, я не вижу!

Алис *(читает карточку)*. Курт! Это Курт! Иди же, приведи его!

Капитан *(выходит в левую дверь)*. Курт! Какая радость!

Алис поправляет прическу, похоже, она воспряла духом.

* * *

Капитан *(входит слева с Куртом)*. Вот он, наш изменник! Добро пожаловать, дружище! Дай тебя обнять!

Алис *(Курту)*. Добро пожаловать в мой дом, Курт!

Курт. Спасибо... Давненько мы не виделись!

Капитан. Это сколько же? Пятнадцать лет! И мы успели состариться...

Алис. Ну, Курт, по-моему, ничуть не изменился!

Капитан. Садись, садись!.. Первым делом твоя программа! Ты вечером идешь в гости?

Курт. Я приглашен к доктору, но прийти не обещал!

Алис. В таком случае остаешься у родственников!

Курт. Это было бы самым естественным, но доктор как бы мой начальник, у меня потом будут неприятности!

Капитан. Вздор! Я никогда не боялся начальников...

Курт. Бойся не бойся, а неприятностей все равно не избежать!

Капитан. Здесь, на острове, я хозяин! Держись меня, и тебя никто и пальцем не посмеет тронуть!

Алис. Помолчи, Эдгар! *(Берет Курта за руку.)* Хозяева, начальники — бог с ними, ты остаешься у нас. Никто не посмеет упрекнуть тебя в нарушении приличий и правил!

Курт. Что ж, так тому и быть!.. Особенно учитывая, что мне здесь, кажется, рады.

Капитан. А почему бы нам не радоваться?.. Мы на тебя зла не держим...

Курт не может скрыть некоторой подавленности.

Да и с чего бы? Ты, конечно, был шалопай, но то в молодости, и я все забыл! Я не злопамятен!

Алис стоит со страдальческим выражением на лице. Все трое садятся за столик для рукоделия.

Алис. Ну, поездил по белу свету?

Курт. Поездил, а теперь вот очутился у вас...

Капитан. У тех, кого ты сосватал двадцать пять лет назад.

Курт. Ничего подобного, но это не важно. Но я рад, что ваш брак держится вот уже четверть века...

Капитан. Да, тянем лямку; бывало по-всякому, но, как сказано, держимся. И Алис жаловаться грех: без дела не сидит и деньги рекой текут. Ты, наверное, не знаешь, что я известный писатель, автор учебника...

Курт. Как же, помню, помню — еще до того, как наши пути разошлись, ты выпустил удачный учебник по стрелковому оружию! Им все еще пользуются в военных училищах?

Капитан. Да, он по-прежнему на первом месте, хотя его пытались заменить другим, намного хуже... сейчас, правда, занимаются по этому, новому, но он никуда не годится!

Мучительное молчание.

Курт. Я слышал, вы побывали за границей!

Алис. Да, пять раз ездили в Копенгаген, представляешь!

Капитан. Да-да! Видишь ли, тогда я забрал Алис из театра...

Алис. Забрал?

Капитан. Да, забрал тебя, как положено брать жену...

Алис. Ишь как расхрабрился!

Капитан. За что потом и нахлебался сполна, поскольку прервал ее блестящую карьеру... гм... Мне пришлось взамен пообещать своей супруге свозить ее в Копенгаген... и я... честно сдержал слово! Пять раз мы там были! Пять! *(Вытягивает левую руку с растопыренными пальцами.)* А ты бывал в Копенгагене?

Курт *(с улыбкой)*. Нет, я все больше в Америке...

Капитан. В Америке? Говорят, разбойная страна, верно?

Курт *(подавленно)*. Да уж не Копенгаген, конечно!

Алис. От детей... ничего не слышно?

Курт. Нет!

Алис. Прости меня, пожалуйста, но все-таки бросать их вот так было необдуманно...

Курт. Я и не бросал, суд присудил их матери...

Капитан. Хватит об этом! По-моему, ты только выиграл, уйдя подальше от всех этих передряг!

Курт *(Алис)*. А как поживают твои дети?

Алис. Спасибо, хорошо! Учатся в школе, в городе; скоро совсем взрослыми станут!

Капитан. Да, они у меня молодцы, а у сына — так просто блестящая голова! Блестящая! Пойдет в Генеральный штаб!

Алис. Если примут!

Капитан. Его-то? Да он военным министром будет!

Курт. Да, кстати!.. Здесь устраивается карантинный пост... чума, холера и все такое прочее. Доктор, как вы знаете, мой начальник... Что он за человек?

Капитан. Человек? Он не человек, а бездарный бандит!

Курт *(Алис)*. Весьма для меня огорчительно!

Алис. Не все так страшно, как утверждает Эдгар, но не могу отрицать, что мне он несимпатичен...

Капитан. Бандит и есть! И остальные тоже — начальник таможни, почтмейстер, телефонистка, аптекарь, лоцман... как его там... начальник лоцманской станции — все бандиты, и посему я с ними не общаюсь!

Курт. Ты в ссоре со всеми?

Капитан. Со всеми!

Алис. С этими людьми и правда *невозможно* общаться!

Капитан. Можно подумать, что на этот остров сослали тиранов со всей страны!

Алис *(с иронией)*. Это уж точно!

Капитан *(добродушно)*. Гм! На меня намекаешь? Я не тиран! По крайней мере, не в семье!

Алис. Духу не хватает!

Капитан *(Курту)*. Не слушай ее! Я вполне приличный муж, а моя старушка — лучшая жена в мире!

Алис. Курт, выпьешь чего-нибудь?

Курт. Спасибо, не сейчас, я соблюдаю меру!

Капитан. Ты что, заделался американцем?

Курт. Ага!

Капитан. А я меры не соблюдаю — или все, или ничего. Настоящий мужчина должен уметь пить!

Курт. Возвращаясь к вашим соседям здесь, на острове! По своему положению мне придется иметь дело со всеми... и лавировать, полагаю, будет нелегко, ведь как ни старайся, а тебя все равно втянут в интриги.

Алис. Иди, иди к ним, к нам ты всегда успеешь — ведь здесь у тебя настоящие друзья!

Курт. Ужасно, должно быть, жить так вот, как вы, среди недругов?

Алис. Веселого мало!

Капитан. Ничего ужасного! Я всю жизнь прожил среди недругов, но вреда от них не видел, наоборот, одну пользу! И когда однажды пробьет мой смертный

час, я смогу сказать, что никому ничего не должен и да ром мне никогда ничего в жизни не доставалось. Вс что я имею, я добыл собственным горбом.

Алис. Да, путь Эдгара не был усыпан розами...

Капитан. Колючками и камнями он был усы пан, кремнем... но я полагался на собственные силы Знаешь, что это такое?

Курт *(просто)*. Знаю, их скудость я осознал де сять лет назад!

Капитан. Бедняга!

Алис. Эдгар!

Капитан. Да, бедняга, коли не может положиться на собственные силы! Конечно, когда механизм выйдет из строя, останется лишь тачка и огород, это верно, но пока он работает, надо брыкаться и драться, руками и ногами, насколько тебя хватит! Вот моя философия.

Курт *(улыбается)*. Забавно рассуждаешь...

Капитан. Но ты так не считаешь?

Курт. Не считаю.

Капитан. И тем не менее это так!

Во время последней сцены поднимается сильный ветер, и сейчас створка ворот на заднем плане с громким стуком захлопывается.

(Встает.) Ветер поднимается! Как чувствовал! *(Идет, закрывает ворота, потом пальцем стучит по стеклу барометра.)*

Алис *(Курту)*. Останешься ужинать?

Курт. С удовольствием!

Алис. Но ужин будет без изысков, наша экономка ушла!

Курт. И отлично!

Алис. Ах, милый Курт, ты воистину неприхотлив!

* * *

Капитан *(у барометра)*. Посмотрели бы, как падает барометр! Я нутром чувствовал!

Алис *(Курту, заговорщицки)*. Он нервничает!

Капитан. Не пора ли ужинать?

Алис *(встает)*. Как раз собиралась пойти что-нибудь приготовить. А вы посидите, пофилософствуйте... *(Курту, заговорщицки.)* Только не возражай ему, а то у него настроение испортится. И не спрашивай, почему он не дослужился до майора!

Курт кивает в знак согласия.

Алис идет направо.

Капитан *(присаживается рядом с Куртом за столик для рукоделия)*. Приготовь нам чего-нибудь вкусненького, старушка!

Алис. Дай денег, получишь вкусненькое!

Капитан. Вечно эти деньги!

Алис выходит.

* * *

Капитан *(Курту)*. Деньги, деньги, деньги! День-деньской таскаюсь с портмоне, такое чувство, будто я сам превратился в портмоне! Тебе это знакомо?

Курт. Еще как! С одной разницей — мне казалось, будто я — бумажник!

Капитан. Ха-ха! Да, ты тоже испил сей чаши! Ох уж эти мне женщины! Ха-ха! А тебе к тому же и экземпляр достойный попался!

Курт *(терпеливо)*. Оставим эту тему!

Капитан. Настоящий бриллиант!.. Мне-то все-таки — несмотря ни на что! — досталась хорошая жена: надежная, несмотря ни на что!

Курт *(добродушно улыбается)*. Несмотря ни на что!

Капитан. Не смейся!

Курт *(с тем же выражением)*. Несмотря ни на что!

Капитан. Да, она верная супруга... прекрасная мать, превосходная... правда *(бросает взгляд на пра-*

вую дверь)... правда, характерец — не приведи господи. Знаешь, бывают моменты, когда я проклинаю тебя за то, что ты повесил ее мне на шею!

Курт *(добродушно)*. Да не делал я этого! Послушай же...

Капитан. Та-та-та, глупости болтаешь, пытаешься забыть то, что неприятно вспоминать! Не обижайся, видишь ли, я привык командовать и шуметь, но ты ведь меня знаешь и не будешь сердиться!

Курт. Конечно не буду! Но жену не я тебе сосватал, наоборот!

Капитан *(не дает перебить себя)*. Тебе не кажется, что жизнь все-таки странная штука?

Курт. Пожалуй!

Капитан. Взять хотя бы старость — веселого мало, но интересно! Я-то еще не старик, но возраст *начинает* давать о себе знать! Знакомые умирают один за другим, наступает одиночество!

Курт. Счастлив тот, кому дано стареть бок о бок с женой!

Капитан. Счастлив? Да, это счастье; ибо дети тебя тоже покидают. Не надо было тебе уходить от своих!

Курт. А я и не уходил. Их у меня отняли...

Капитан. Не сердись, что я тебе это говорю...

Курт. Но ведь все было не так...

Капитан. Как бы там ни было, это в прошлом; но ты одинок!

Курт. Ко всему привыкаешь, мой дорогой!

Капитан. И можно... можно привыкнуть... и к полному одиночеству?

Курт. Посмотри на меня!

Капитан. Чем ты занимался все эти пятнадцать лет?

Курт. Ну и вопрос! Все эти пятнадцать лет!

Капитан. Говорят, ты разбогател...

Курт. Разбогатеть не разбогател...

Капитан. Я не собираюсь просить взаймы...

Курт. Если понадобится, я готов...

Капитан. Большое спасибо, но у меня есть чековая книжка. Видишь ли *(бросает взгляд на правую дверь)*, этот дом должен быть полная чаша; а в тот день, когда у меня не будет денег... она уйдет!

Курт. Да не может быть!

Капитан. Не может быть? Мне лучше знать! Представляешь, она только и ждет момента, когда я окажусь на мели, чтобы иметь удовольствие уличить меня в неспособности обеспечить семью.

Курт. Но если мне не изменяет память, ты говорил, что у тебя большие доходы.

Капитан. Конечно большие... но их не хватает.

Курт. Значит, не особенно они большие в обычном понимании...

Капитан. Жизнь — странная штука, и мы тоже странные!

Застучал телеграф.

Курт. Что это?

Капитан. Просто сигнал времени.

Курт. Разве у вас нет телефона?

Капитан. Есть, на кухне; но мы пользуемся телеграфом, потому что служанки разбалтывают все наши разговоры.

Курт. Ужасная, должно быть, здесь, на острове, жизнь.

Капитан. И не говори, просто чудовищная! Жизнь вообще чудовищная штука! Вот ты веришь в ее продолжение, неужто ты и впрямь полагаешь, что потом наступит покой?

Курт. Там тоже, наверное, будут бури и борьба!

Капитан. Там тоже — если «там» существует! Лучше уж уничтожение!

Курт. А ты уверен, что уничтожение пройдет безболезненно?

Капитан. Я умру в одночасье, без боли!

Курт. Вот как, ты в этом уверен?

Капитан. Уверен!

Курт. Ты, похоже, не слишком доволен своей жизнью?

Капитан *(вздыхает)*. Доволен? Доволен я буду в тот день, когда умру!

Курт. Этого тебе знать не дано!.. Скажи мне лучше — чем вы тут, собственно, занимаетесь? Что происходит? Стены этого дома словно источают яд, в голове мутится, стоит зайти сюда! Не пообещай я Алис остаться, ушел бы немедленно. Тут где-то под полом гниют трупы. И ненависть сгустилась так, что трудно дышать.

Капитан обмяк, взгляд устремлен в пустоту.

Что с тобой? Эдгар!

Капитан не реагирует.

(Хлопает Капитана по плечу.) Эдгар!

Капитан *(приходит в себя)*. Ты что-то сказал? *(Оглядывается.)* Мне показалось, что это Алис!.. Так это ты?.. Послушай... *(Снова впадает в прострацию.)*

Курт. Ужасно! *(Идет к правой двери, открывает ее.)* Алис!

* * *

Алис *(входит, на ней фартук)*. В чем дело?

Курт. Не знаю! Посмотри на него!

Алис *(спокойно)*. Это с ним бывает, отключается!.. Сейчас я ему поиграю, и он очнется!

Курт. Нет-нет, не надо! Не... Позволь мне!.. Он слышит? Видит?

Алис. В данный момент и не слышит, и не видит!

Курт. И ты так спокойно об этом говоришь!.. Алис, да что же у вас тут творится?

Алис. Спроси вон того!

Курт. Вон того?.. Ведь это твой муж!

Алис. Для меня он чужой человек, такой же чужой, каким был двадцать пять лет назад! Я про него ничего не знаю... кроме...

Курт. Молчи! Он может услышать!

Алис. Сейчас он ничего не слышит!

Снаружи доносится звук трубы.

Капитан *(вскакивает, берет саблю и фуражку).* Извините! Я только проверю посты! *(Выходит через ворота на заднем плане.)*

* * *

Курт. Он болен?

Алис. Не знаю!

Курт. С головой не в порядке?

Алис. Не знаю!

Курт. Пьет?

Алис. Больше похваляется!

Курт. Садись и рассказывай, только спокойно и всю правду!

Алис *(садится).* А что рассказывать?.. Что я всю жизнь просидела взаперти под присмотром человека, которого всегда ненавидела, а сейчас ненавижу так, что в ту минуту, когда он отдаст Богу душу, громко расхохочусь?

Курт. Почему вы не развелись?

Алис. Спроси что-нибудь полегче! Мы два раза разрывали помолвку, а с тех пор, как поженились, каждый день собираемся разводиться... но мы скованы одной цепью и не в силах освободиться! Однажды мы разошлись — не разъезжаясь — на целых пять лет! Теперь же нас только смерть разлучит; мы это понимаем и потому ждем ее как избавления!

Курт. Почему вы так одиноки?

Алис. Потому что он никого не подпускает ко мне! Сначала он вытравил из дома моих сестер и братьев — это его собственное словечко «вытравил», — потом моих подруг и всех прочих...

Курт. А его родных? Их вытравила ты?

Алис. Да, поскольку они, сперва лишив меня чести и достоинства, намеревались лишить и жиз-

ни... В конце концов я была вынуждена поддерживать связь с миром и людьми с помощью вот этого телеграфа — ибо телефон прослушивается прислугой... я научилась обращаться с аппаратом, и он этого не знает. Пожалуйста, не проговорись, а то он меня убьет.

Курт. Чудовищно! Просто чудовищно!.. Но почему он возлагает вину за ваш брак на меня? Вот послушай, как было дело!.. В юности мы дружили с Эдгаром. Потом он увидел тебя и влюбился с первого взгляда! И явился ко мне с просьбой замолвить за него словечко. Я, ни секунды не колеблясь, ответил отказом. Мне ведь, моя милая Алис, был хорошо известен твой тиранический и жестокий нрав, поэтому я его предостерег... но он не отставал, и я посоветовал ему взять в сваты твоего брата.

Алис. Я тебе верю, но он все эти годы ломал комедию сам перед собой, так что теперь тебе его не переубедить.

Курт. Тогда пусть продолжает все валить на меня, если это хоть как-то облегчает его страдания.

Алис. Это уж слишком...

Курт. Я привык... но меня удручают его несправедливые обвинения — что я, дескать, бросил своих детей...

Алис. Такой уж он человек: говорит, что в голову взбредет, и потом сам в это верит. Но ты, похоже, пришелся ему по душе, главным образом потому, что не перечишь... Постарайся выдержать нас. Мне кажется, нам повезло с твоим приездом; можно сказать, само Провидение тебя послало... Курт! Пожалуйста, не бросай нас, ибо мы самые несчастные люди на земле! *(Плачет.)*

Курт. Наблюдал я вблизи одну супружескую пару... это было невыносимо! Но вы, пожалуй, еще хуже!

Алис. Ты так считаешь?

Курт. Да!

Алис. И кто в этом виноват?

Курт. Алис! Перестань задавать вопрос, кто виноват, и у тебя сразу камень с души свалится. Попытайся смотреть на это как на данность, как на выпавшее на твою долю испытание...

Алис. Не могу! Это выше моих сил! *(Встает.)* Безнадежно!

Курт. Бедные вы, бедные... Ты хоть понимаешь, почему вы ненавидите друг друга?

Алис. Нет! Это какая-то нелепая ненависть, без причин, без цели, но и без конца. Знаешь, почему его так пугает смерть? Он боится, что я снова выйду замуж.

Курт. Значит, он тебя любит!

Алис. Наверное! Но это не мешает ему ненавидеть меня!

Курт *(как бы про себя)*. Любовь-ненависть — вот что это такое, порождение ада!.. Он любит, когда ты ему играешь?

Алис. Любит, но только всякую гадость... к примеру, этот жуткий «Марш бояр». Как заслышит, делается словно одержимый и желает танцевать.

Курт. Он танцует?

Алис. Да, иногда он бывает очень забавным!

Курт. Один вопрос — прости, что спрашиваю. Где дети?

Алис. Ты, вероятно, не знаешь, что двое умерли?

Курт. Тебе и через это пришлось пройти?

Алис. Через что я только не прошла!

Курт. Ну а двое других?

Алис. В городе! Им нельзя было оставаться дома! Потому что он настраивал их против меня...

Курт. А ты — против него.

Алис. Естественно. И началось — образование партий, борьба за голоса, взятки... ну и, дабы не погубить детей, мы с ними расстались! Вместо того чтобы быть связующим звеном, они стали яблоками раздора, благословение семьи превратилось в проклятие... да, порой мне кажется, что наш род проклят!

Курт. После грехопадения так оно и есть!

Алис *(ядовито, резко)*. Какого грехопадения?

Курт. Первых людей!

Алис. А я думала, ты о другом!

Смущенное молчание.

(Сцепив пальцы.) Курт! Мой брат, друг моей юности! Я не всегда относилась к тебе так, как должна была бы! Но теперь я наказана, и ты отмщен!

Курт. Какое отмщение? Ни слова о мести! Замолчи!

Алис. Помнишь, как-то в воскресенье, вскоре после вашей помолвки, я пригласила вас на обед!

Курт. Молчи!

Алис. Дай мне выговориться, сжалься!.. К вашему приходу нас не оказалось дома, и вы ушли несолоно хлебавши!

Курт. О чем тут говорить — вас ведь самих пригласили в гости!

Алис. Курт! Приглашая тебя сегодня, вот только что, остаться к ужину, я была уверена, что у нас есть какие-то запасы! *(Закрывает лицо руками.)* А оказалось — ничего, даже корки хлеба!.. *(Плачет.)*

Курт. Бедная, бедная Алис.

Алис. А вот когда он, вернувшись домой голодным, узнает, что есть нечего... он придет в ярость. Ты не видел его в ярости!.. О Боже, какое унижение!

Курт. Разреши мне... уладить дело?

Алис. Здесь, на острове, ничего не достать!

Курт. Надо что-то придумать — не ради меня, ради вас... что-то придумать... обернуть все в шутку, когда он придет... Я предложу ему выпить, а тем временем что-нибудь придумаю... Постарайся привести его в хорошее настроение, сыграй ему любую ерунду, что угодно... садись за пианино и приготовься!

Алис. Посмотри на мои руки — разве такими руками можно играть! Я драю кастрюли, вытираю посуду, топлю печи, убираю...

Курт. Но у вас же двое слуг!

Алис. Да, по рангу ему положено... но они у нас не удерживаются, и временами... по большей части... мы остаемся без всякой помощи. Как же мне быть... с ужином? О, если бы дом загорелся...

Курт. Перестань, Алис, замолчи!

Алис. Если бы море вышло из берегов и поглотило нас!

Курт. Нет, нет, нет, даже слушать тебя не хочу!

Алис. Что он скажет, что он скажет?.. Не уходи, Курт, не оставляй меня одну!

Курт. Конечно, дружочек... я *никуда* не уйду!

Алис. Да, но когда уйдешь...

Курт. Он тебя бьет?

Алис. Меня? О нет, он знает, что тогда я его брошу! Надо же иметь хоть каплю гордости!

Снаружи слышится: «Стой! Кто там? — Друг!»

Курт *(встает)*. Он?

Алис *(испуганно)*. Да, он!

Пауза.

Курт. Черт, что же нам делать?

Алис. Не знаю, не знаю!

* * *

Капитан *(появляется из ворот задника, бодро)*. Вот я и освободился!.. Ну а она уже успела тебе нажаловаться! Несчастная женщина, правда?

Курт. Как погода?

Капитан. Штормит! *(Приоткрывает одну половинку ворот, шутливо.)* Рыцарь Синяя Борода и заточенная в башне девица; а снаружи с саблей наголо ходит страж, караулит красавицу... Тут появляются ее братья, но страж на месте, видите?! Раз, два! Замечательный страж! Смотрите! Тарам-па-па, тарам-парам-пам-пам! Станцуем танец с мечами? Есть на что поглядеть, Курт!

Курт. Ну, давай лучше «Марш бояр»!

Капитан. Неужто знаешь?.. Алис в фартуке, иди сюда, сыграй нам! Иди, я сказал!

Алис неохотно подходит к пианино.

(Щиплет ее за руку.) Наговорила про меня гадостей!

Алис. Я?

Курт отворачивается.

Алис играет «Марш бояр».

Капитан по другую сторону письменного стола изображает что-то вроде венгерского танца, звенит шпорами и падает на пол. Курт и Алис, которая доигрывает марш до конца, ничего не замечают.

Алис *(не оборачиваясь)*. Повторить?

Молчание.

(Поворачивается и видит лежащего без сознания Капитана, скрытого от зрителя письменным столом.) Господи Иисусе! *(Стоя со скрещенными на груди руками, шумно вздыхает, словно бы с благодарностью и облегчением.)*

Курт *(оборачивается, бросается к Капитану)*. Что такое? Что случилось?

Алис *(напряжена до предела)*. Он умер?

Курт. Не знаю! Помоги!

Алис *(не двигается с места)*. Не могу притронуться к нему... Он мертв?

Курт. Нет, жив!

Алис вздыхает.

Курт помогает Капитану встать и сесть в кресло.

Капитан. Что произошло?

Молчание.

Что произошло?

Курт. Ты упал.

Капитан. Что-то случилось?

Курт. Ты упал на пол. Как ты сейчас?

Капитан. Я? Да никак! Со мной все в порядке! Чего вы уставились?

Алис. Ты болен!

Капитан. Вздор! Играй, Алис... Ох, вот опять! *(Хватается за голову.)*

Алис. Видишь, ты болен!

Капитан. Не ори! Простой обморок!

Курт. Надо вызвать врача!.. Я иду звонить!..

Капитан. Никаких врачей!

Курт. Надо! Ради нас, иначе нам отвечать придется!

Капитан. Пусть только явится, я выставлю его за дверь!.. Пристрелю!.. Ох, опять! *(Хватается за голову.)*

Курт *(направляется к правой двери)*. Я иду звонить! *(Выходит.)*

* * *

Алис снимает с себя фартук.

Капитан. Воды не подашь?

Алис. Да уж деваться некуда! *(Дает ему стакан с водой.)*

Капитан. Очень любезно с твоей стороны!

Алис. Ты болен?

Капитан. Извини, пожалуйста, что я нездоров.

Алис. В таком случае, может, начнешь следить за собой?

Капитан. Тебе, кажется, этого страшно не хочется!

Алис. Да уж будь уверен!

Капитан. Настала минута, которой ты так долго ждала!

Алис. Да, и которая, как ты полагал, никогда не наступит!

Капитан. Не злись на меня!

* * *

Курт *(входит справа)*. Прискорбно...

Алис. Что он сказал?

Курт. Дал отбой, безо всяких!

Алис *(Капитану)*. Вот к чему привела твоя безграничная спесь!

Капитан. Мне, кажется, становится хуже!.. Вызови врача из города!

Алис *(подходит к телеграфу)*. Тогда воспользуемся телеграфом!

Капитан *(приподнимается, пораженный)*. Ты... умеешь... телеграфировать?

Алис *(телеграфирует)*. Умею!

Капитан. Вот как?.. Ну что ж, давай!.. Какая лицемерка! *(Курту.)* Подойди, сядь рядом!

Курт садится рядом с Капитаном.

Возьми меня за руку! Того гляди, грохнусь на пол, представляешь! Лечу куда-то вниз — поразительно!

Курт. У тебя бывали раньше такие приступы?

Капитан. Никогда!..

Курт. Пока вы тут ждете ответа из города, я схожу к доктору и поговорю с ним. Он тебя прежде пользовал?

Капитан. Пользовал!

Курт. Стало быть, твой организм знает!.. *(Идет к левой двери.)*

Алис. Ответ придет с минуты на минуту! Ты так добр, Курт! Только возвращайся поскорее!

Курт. Ни секунды лишней не задержусь! *(Выходит.)*

* * *

Капитан. Славный он человек, этот Курт! И так изменился!

Алис. И в лучшую сторону! Только жалко его — угодил прямехонько в наш ад, и именно теперь.

Капитан. С поздравлениями!.. Интересно, как у него самого дела? Ты обратила внимание, что он избегает рассказывать о себе?

Алис. Обратила; правда, по-моему, его никто и не спрашивал!

Капитан. Представляю, что у него за жизнь была!.. А у нас! Неужели все так живут?

Алис. Вполне возможно, только, в отличие от нас, они в том не признаются!

Капитан. Иногда мне кажется, что несчастья липнут исключительно к несчастным, а счастливые бегут от беды! Потому-то мы ничего, кроме несчастий, и не видели!

Алис. А ты встречал хоть одного счастливого человека?

Капитан. Дай подумать!.. Пожалуй, нет!.. Хотя, да, встречал... Экмарки!

Алис. Что ты такое говоришь! Ее ведь в прошлом году оперировали...

Капитан. Верно! Ну, тогда не знаю... впрочем, вот — фон Краффты.

Алис. Да, до пятидесяти лет они наслаждались семейной идиллией — достаток, уважение, хорошие дети, удачные браки. Потом появляется кузен, совершает преступление и попадает в тюрьму, со всеми вытекающими отсюда последствиями, — и конец миру и покою. Родовое имя обесчещено газетами... Из-за убийства, совершенного одним из Краффтов, знаменитое семейство не может больше показываться на люди; детей приходится забрать из школы... О Боже!

Капитан. Интересно, что у меня за болезнь!

Алис. А ты как думаешь?

Капитан. Сердце или голова! Состояние такое, словно душа вот-вот вылетит наружу и развеется дымным облаком!

Алис. А аппетит не потерял?

Капитан. Нет! Как насчет ужина?

Алис *(нервно ходит из угла в угол)*. Спрошу Енни!

Капитан. Она же ушла!

Алис. Ну да, да, да!

Капитан. Позвони, вызови Кристин, пусть принесет мне стакан свежей воды!

Алис *(звонит)*. Надо же... *(Звонит еще раз.)* Не слышит!

Капитан. Пойди посмотри... а вдруг она тоже ушла!

Алис *(подходит к левой двери и открывает ее).* Это еще что такое? Ее чемодан стоит в коридоре!

Капитан. Значит, ушла!

Алис. Ад, а не жизнь! *(Разражается слезами, потом падает на колени и, положив голову на стул, всхлипывает.)*

Капитан. И все разом!.. А тут еще и Курта угораздило явиться, своими глазами узреть наши злоключения! Уж коли суждено испить чашу унижений до конца, пусть приходит поскорее, немедленно!

Алис. Знаешь, какое у меня закралось подозрение! Курт не вернется!

Капитан. С него станется!

Алис. Да, мы прокляты...

Капитан. О чем это ты?

Алис. Разве ты не видишь, что от нас бегут как от чумы?

Капитан. Плевать мне на это! *(Стучит телеграфный аппарат.)* Отвечают! Тихо, дай послушать!.. Ни у кого нет времени! Отговорки!.. Подонки!

Алис. Это тебе за то, что презирал врачей... не платил им гонорара!

Капитан. Неправда...

Алис. Не платил, даже имея деньги, потому что ни во что не ставил их труд, как и мой, и всех остальных!.. Они не хотят приезжать! И телефон отключен, поскольку для тебя это ничего не стоящая безделица. Для тебя все безделица, кроме твоих ружей да пушек!

Капитан. Хватит болтать...

Алис. Как аукнется, так и откликнется!

Капитан. Что это еще за бредни... точно старая бабка!

Алис. Сам убедишься!.. Ты помнишь, что мы задолжали Кристин жалованье за полгода?

Капитан. Ровно столько, на сколько она наворовала!

Алис. А я еще заняла у нее наличные.

Капитан. С тебя станется!

Алис. Какой же ты неблагодарный! Ведь знаешь же, что я занимала на отъезд детей!

Капитан. И Курт хорош! Такой же бандит! И трус вдобавок! Не хватило смелости признаться, что сыт по горло, что на балу у доктора намного веселее. Небось решил, что у нас вкусно не поешь!.. Негодяем был, негодяем и остался!

* * *

Курт *(поспешно входит из левой двери)*. Ну, мой милый Эдгар! Дело обстоит следующим образом!.. Доктор знает твое сердце вдоль и поперек...

Капитан. Сердце?

Курт. Да, у тебя застарелый склероз сердца...

Капитан. Каменное сердце!

Курт. И...

Капитан. Это опасно?

Курт. Да, то есть...

Капитан. Опасно!

Курт. Да!

Капитан. Смерть?

Курт. Тебе надо соблюдать осторожность! Прежде всего: долой сигару!

Капитан бросает сигару.

Потом, долой виски!.. И — в постель!

Капитан *(испуганно)*. Нет, только не это! Только не в постель! Иначе — конец! Тогда я больше не встану! Сегодня я буду спать на кушетке. Что он еще сказал?

Курт. Он был очень любезен и сказал, что, если ты его позовешь, явится тотчас же!

Капитан. Так этот лицемер был любезен? Видеть его не хочу!.. А есть мне можно?

Курт. Не сегодня! И в последующие дни только молоко!

Капитан. Молоко! Да я его в рот не беру!

Курт. Придется научиться!

Капитан. Нет, я слишком стар, чтобы учиться! *(Хватается за голову.)* Ох, опять! *(Впадает в прострацию.)*

Алис *(Курту)*. Что сказал доктор?

Курт. Что он может умереть!

Алис. Слава Тебе, Господи!

Курт. Не зарывайся, Алис! Не зарывайся!.. Иди, принеси подушку и плед, я его уложу здесь на кушетке! А сам подежурю на стуле!

Алис. А я?

Курт. А ты ляжешь спать. Твое присутствие, похоже, лишь усугубляет его состояние!

Алис. Приказывай; я подчиняюсь, ибо ты желаешь добра нам обоим! *(Идет налево.)*

Курт. Заметь, именно обоим, и в партийных дрязгах я не участвую! *(Берет графин и выходит направо.)*

* * *

Слышно, как завывает на улице ветер; потом ворота на заднем плане распахиваются, и в комнату заглядывает бедно одетая старуха отталкивающей внешности.

Капитан *(приходит в себя, встает, оглядывается)*. Так, оставили меня одного, бандиты! *(Замечает старуху, пугается.)* Кто вы? Что вам нужно?

Старуха. Я только хотела закрыть ворота, господин хороший.

Капитан. Почему? Зачем?

Старуха. Потому что они распахнулись, как раз когда я мимо шла!

Капитан. Стащить что-нибудь вздумала!

Старуха. Да тут тащить-то нечего! Кристин сказывала!

Капитан. Кристин!

Старуха. Спокойной ночи, господин хороший, сладких снов! *(Закрывает ворота и уходит.)*

* * *

Алис появляется слева с подушками и пледом.

Капитан. Кто это там был? Там был кто-нибудь?

Алис. Да старая Майя из дома призрения мимо прошла.

Капитан. Ты уверена?

Алис. Испугался?

Капитан. Я? Испугался? Нисколько!

Алис. Не хочешь идти в постель, ложись здесь.

Капитан *(идет и ложится на кушетку)*. Вот тут и буду спать! *(Хочет схватить Алис за руку, но та увертывается.)*

Курт входит с графином в руках.

Курт, не оставляй меня!

Курт. Я буду рядом всю ночь! Алис, иди спать!

Капитан. Спокойной ночи, Алис!

Алис *(Курту)*. Спокойной ночи, Курт!

Курт. Спокойной ночи!

* * *

Курт *(берет стул и садится рядом с ложем Капитана)*. Может, снимешь сапоги?

Капитан. Нет! Солдату полагается всегда быть в боевой готовности!

Курт. Ожидаешь баталии?

Капитан. Возможно!.. *(Приподнимается с подушек.)* Курт! Ты единственный, кому я открываюсь! Послушай! Если я сегодня ночью умру... позаботься о моих детях!

Курт. Непременно!

Капитан. Спасибо! На тебя я полагаюсь.

Курт. А ты можешь объяснить, почему ты на меня полагаешься?

Капитан. Мы с тобой не были друзьями, ибо я не верю в дружбу, и семьи наши постоянно враждовали...

Курт. И тем не менее ты на меня полагаешься?

Капитан. Да! И сам не знаю почему!

Молчание.

* * *

Капитан. Как думаешь, я умру?

Курт. Как и все мы! Для тебя исключения не будет!

Капитан. Преисполнен горечи?

Курт. Да!.. Боишься смерти? Тачка и огород!

Капитан. А вдруг это не конец?

Курт. Многие так считают!

Капитан. И что потом?

Курт. Полагаю, сплошные сюрпризы!

Капитан. Но ведь точно-то не известно.

Курт. Нет, в том-то и дело. Поэтому надо быть готовым ко всему.

Капитан. Надеюсь, ты не так наивен, чтобы верить... в ад?

Курт. А разве ты в него не веришь? Ведь в самом пекле живешь!

Капитан. Это всего лишь метафора!

Курт. Свой ад ты изобразил с такой достоверностью, что тут и речи быть не может о метафорах — ни о поэтических, ни о каких-либо еще!

Молчание.

Капитан. Знал бы ты, какие муки я терплю.

Курт. Физические?

Капитан. Нет, не физические!

Курт. Значит, душевные, ибо третьего не дано!

Пауза.

Капитан *(приподнимается с дивана)*. Я не хочу умирать!

Курт. Недавно ты желал уничтожения!

Капитан. Да, если оно безболезненно!

Курт. Но это не так!

Капитан. Что же, стало быть, это и есть уничтожение?

Курт. Его начало!

Капитан. Спокойной ночи!

Курт. Спокойной ночи.

Занавес

Декорация та же, но лампа почти погасла, в окна и застекленные двери задника сочится хмурый рассвет; море штормит. На батарее, как и прежде, выставлен часовой. На кушетке спит Капитан. Курт сидит рядом на стуле, бледный, измученный.

Алис *(входит слева)*. Спит?

Курт. Заснул на рассвете.

Алис. Как прошла ночь?

Курт. Временами он задремывал, а так все больше говорил.

Алис. О чем?

Курт. Рассуждал о религии, словно школьник, но с таким видом, будто разрешил все мировые загадки! И наконец под утро изобрел бессмертие души.

Алис. Себе на потребу!

Курт. Безусловно! Никогда не встречал подобного высокомерия. «Я существую, следовательно, Бог есть».

Алис. До тебя таки дошло!.. Посмотри на эти сапоги! Дай ему волю, он бы ими расплющил землю в плоский блин! Ими он топтал чужие поля и угодья, ими наступал людям на ноги, а мне — на голову!.. Вот и настигла тебя пуля, медведь-шатун!

Курт. Он был бы смешон, не будь в нем трагизма, однако, при всем его ничтожестве, в нем есть черты величия! Неужели у тебя не найдется ни единого доброго слова для него?

Алис *(садится)*. Найдется, лишь бы он не услышал: от малейшей похвалы спесь буквально ударяет ему в голову.

Курт. Он ничего не слышит, я дал ему морфий!

Алис. Эдгар вырос в бедном доме с целым выводком детей и с ранних лет был вынужден помогать семье, давая уроки, поскольку отец был шалопай, если не хуже. Отказаться от утех молодости и горбить

спину ради выводка неблагодарной ребятни, к тому же не им самим произведенной на свет, нелегкое испытание для юноши. Я была совсем девчонкой, когда впервые увидела его — без верхнего платья, зимой, в двадцатипятиградусный мороз... а на сестренках — красивые теплые пальтишки... я восхищалась им, но его уродство приводило меня в ужас. Он ведь поразительно безобразен, правда?

Курт. Да, и в его уродстве есть что-то богомерзкое! Оно особенно бросалось в глаза во время наших с ним стычек; а потом, когда Эдгара не было рядом, образ его разрастался до чудовищных размеров и форм и буквально преследовал меня, точно привидение!

Алис. А мне каково, представляешь?!. Между тем годы, пока он ходил в младших офицерах, были для него настоящей пыткой! Правда, время от времени ему помогали — кое-кто из денежных людей. В этом он признаваться не желает и помощь принимает как должное, не выказывая ни малейшей благодарности!

Курт. Мы же собирались говорить о нем хорошее!

Алис. После его смерти! Ну ладно!.. Больше я ничего не помню!

Курт. По-твоему, он злой человек!

Алис. Да. Но в то же время бывает добрым и чувствительным!.. Не дай Бог иметь такого врага!

Курт. Почему он не стал майором?

Алис. Неужели не понятно? К чему им начальник, который, еще будучи подчиненным, проявил себя тираном! Но упаси тебя Бог заговорить с ним на эту тему; сам он утверждает, что не хотел становиться майором... Про детей упоминал?

Курт. Да, страшно тоскует по Юдифи.

Алис. Еще бы! О! Знаешь, что такое Юдифь? Точная его копия, и он выдрессировал ее, чтобы натравливать на меня! Представь себе, моя собственная дочь... подняла на меня руку!

Курт. Ну, это уж слишком!

Алис. Тихо! Он пошевелился!.. А вдруг он все слышал?.. Ему ведь коварства не занимать!

Курт. И правда, просыпается!

Алис. На тролля похож, а? Я боюсь его!

Пауза.

Капитан *(ворочается, просыпается, встает и обводит взглядом комнату)*. Утро! Наконец-то!

Курт. Как ты?

Капитан. Плохо!

Курт. Врача вызвать?

Капитан. Не надо!.. Я хочу увидеть Юдифь! Мою девочку!

Курт. Может, не мешало бы распорядиться насчет дома, пока не поздно, пока ничего не случилось?

Капитан. О чем это ты? Что может случиться?

Курт. То, что случается со всеми!

Капитан. Э, вздор! Так легко я не умру, не надейтесь! Не радуйся раньше времени, Алис!

Курт. Подумай о детях! Составь завещание, чтобы твоей жене хоть было на чем спать!

Капитан. Выходит, она получит наследство при живом муже?

Курт. Нет, нет! Но если что-нибудь случится, ее не выкинут на улицу! Должна же та, кто двадцать пять лет убирала дом, протирала и полировала мебель, иметь хоть какое-то право на все это! Позволь, я приглашу аудитора?

Капитан. Нет!

Курт. Какой же ты жестокий, хуже, чем я думал!

Капитан. Вот, опять! *(Падает на кушетку без сознания.)*

* * *

Алис *(идет направо)*. На кухне люди, мне нужно идти! Курт. Иди! Здесь делать особо нечего!

Алис выходит.

Капитан *(приходя в себя)*. Ну, Курт, как ты намерен организовать свой карантин?

Курт. Да уж как-нибудь справлюсь!

Капитан. Нет, я комендант острова, и тебе иметь дело со мной — не забывай!

Курт. Ты когда-нибудь видел карантинный пост?

Капитан. Это я-то? Да тебя еще на свете не было! И я дам тебе совет: не размещай дезинфекционные печи слишком близко к берегу.

Курт. А я как раз собирался расположиться поближе к воде...

Капитан. Сразу видно, как ты разбираешься в своем деле! Вода ведь бациллоносная среда, жизнетворная стихия.

Курт. Но соленая морская вода необходима для смывания нечистот!

Капитан. Идиот!.. Ну, получишь жилье, бери к себе детей.

Курт. Думаешь, они согласятся?

Капитан. Естественно, если ты хоть немного мужчина! И на окружающих это произведет благоприятное впечатление — покажешь себя человеком долга и в этом пункте...

Курт. Я никогда не пренебрегал своим долгом в этом пункте!

Капитан *(повышает голос)*. ...и в этом пункте, самом твоем уязвимом...

Курт. Я же сказал...

Капитан *(продолжает)*. ...потому что детей таким образом не бросают...

Курт. Давай, продолжай!

Капитан. Я, как твой родственник, твой старший родственник, имею определенное право говорить тебе правду, даже если это горькая правда... И пожалуйста, не обижайся...

Курт. Ты не проголодался?

Капитан. Проголодался!..

Курт. Хочешь чего-нибудь легкого?

Капитан. Нет, крепкого.

Курт. Тогда тебе конец!

Капитан. Мало того что болеешь, так еще и голодай.

Курт. Что делать!

Капитан. И пить нельзя, и курить нельзя! Какой тогда толк в жизни!

Курт. Смерть требует жертв, иначе она мешкать не станет!

* * *

Алис *(входит с цветами, телеграммами и письмами)*. Это тебе! *(Бросает цветы на письменный стол.)*

Капитан *(польщенный)*. Мне!.. Дай-ка посмотреть!..

Алис. Всего лишь от унтеров, музыкантов и капралов!

Капитан. Ты завидуешь!

Алис. Чему? Будь это лавровые венки... дело другое, но тебе венков никогда не получить!

Капитан. Гм!.. Телеграмма от полковника... Ну-ка, прочитай, Курт! Полковник, что ни говори, джентльмен... хоть и чуточку идиот!.. Вот, от... Что здесь написано? Это от Юдифи!.. Пожалуйста, отбей телеграмму, чтобы приезжала следующим пароходом!.. да! Что ни говори, а друзья-то все-таки у меня есть, и какие! Не забыли про больного, человека заслуженного, поднявшегося над своим сословием, человека без страха и упрека!

Алис. Не понимаю! Они тебя что, поздравляют с болезнью?

Капитан. Гиена!

Алис *(Курту)*. У нас тут был один врач, его так все ненавидели, что, когда он уехал с острова, устроили банкет — не в его честь, а в честь его отъезда.

Капитан. Поставь цветы в вазы... Я не отличаюсь легковерностью, и люди — подонки, но это скром-

ное чествование, видит Бог, вполне искренне... не может не быть искренним!

Алис. Глупец!

Курт *(читает телеграмму)*. Юдифь сообщает, что приехать не сумеет, поскольку пароход из-за шторма не ходит!

Капитан. Это все?

Курт. Не-ет! Тут еще приписка!

Капитан. Читай!

Курт. Ну, она просит папочку не пить так много!

Капитан. Какой стыд!.. Вот они, дети! Моя единственная любимая дочь... моя Юдифь! Мое божество!

Алис. И подобие!

Капитан. Вот она, жизнь! И ее высшее блаженство. Тысяча чертей!

Алис. Что посеял, то и пожал. Ты натравливал ее на мать, теперь она идет против отца! Говори после этого, что Бога нет!

Капитан *(Курту)*. Что пишет полковник?

Курт. Он без лишних слов удовлетворил прошение об отпуске!

Алис. Это я просила!

Капитан. Я в отпуск не пойду!

Алис. Приказ уже составлен!

Капитан. Это меня не касается!

Алис. Видишь, Курт, для этого человека не существует ни законов, ни конституции, ни норм человеческого поведения... Он стоит над всем и всеми, Вселенная создана для его личного пользования, Солнце и Луна вращаются лишь для того, чтобы вознести его славу к звездам; таков мой муж! Жалкий капитанишка, не сумевший даже стать майором, его напыщенность вызывает смех, а он воображает, будто страх; эта кляча боится темноты и верит барометрам, и ко всему этому заключительный акт: тачка навоза, да еще и не лучшего качества!

Капитан *(обмахивается в полном самоупоении букетом, не слушая Алис)*. Ты Курта завтраком накормила?

Алис. Нет!

Капитан. Иди и скоренько приготовь два, два отличных бифштекса.

Алис. Два?

Капитан. Один — мне!

Алис. Но нас же трое!

Капитан. Ты тоже будешь? Ну, тогда три!

Алис. А откуда я их возьму? Вчера ты пригласил Курта поужинать, а в доме не было даже корки хлеба; Курт просидел возле тебя всю ночь на голодный желудок и кофе не мог выпить, поскольку кофе нет, а в кредит нам больше не отпускают!

Капитан *(Курту)*. Она злится на меня за то, что я вчера не умер!

Алис. Нет, за то, что ты не умер двадцать пять лет назад, что не умер прежде, чем я появилась на свет!

Капитан *(Курту)*. Вот, послушай ее!.. Вот что получается, когда заключаешь брак, мой милый Курт! А этот уж точно заключен не на небесах!

Алис и Курт обмениваются многозначительными взглядами.

(Встает с кушетки и направляется к двери.) Кстати! Вы как хотите, а я отправляюсь на службу! *(Надевает старомодную артиллерийскую каску с султаном, перевязь с саблей и шинель.)* Если меня будут спрашивать, я на батарее!

Алис и Курт тщетно пытаются его остановить.

Прочь с дороги! *(Выходит.)*

Алис. Иди, иди! Ты всегда уходишь, чувствуя, что сражение проиграно, поворачиваешься спиной, а жене предоставляешь прикрывать отступление — герой во хмелю, хвастун без удержу, лжец. Пропади ты пропадом!

* * *

Курт. Неслыханно!

Алис. Ты еще не знаешь всего!

Курт. Неужели есть и еще что-то?

Алис. Но мне стыдно...

Курт. Куда он сейчас пошел? Откуда силы взял?

Алис. Тебе бы только вопросы задавать! К унтерам отправился, поблагодарить за цветы... останется с ними выпить и закусить! И будет поливать грязью офицеров... Если бы ты знал, сколько раз ему угрожали отставкой! Его держат лишь из сострадания к семье! А он воображает, будто из-за страха перед его превосходством! И бедных офицерских жен, всячески нам помогавших, он ненавидит и говорит про них гадости!

Курт. Должен признаться — я добивался этого назначения в надежде обрести здесь, у моря, покой... о ваших отношениях я ничего не знал...

Алис. Бедный Курт!.. Где же ты поешь?

Курт. Э, пойду к доктору, а вот ты-то как? Позволь, я все устрою.

Алис. Только чтоб он не пронюхал, а то он меня прикончит!

Курт *(смотрит в окно)*. Смотри, стоит на валу, на самом ветру!

Алис. Жалко его... ну почему он такой!

Курт. Вас обоих жалко!.. Чем вам можно помочь?

Алис. Не знаю... Пришла еще целая пачка счетов! Он их и не заметил!..

Курт. Иногда не видеть — счастье!

Алис *(у окна)*. Распахнул шинель, подставил грудь ветру! Он хочет умереть!

Курт. Не думаю, ибо только что, чувствуя, как жизнь покидает его, он начал цепляться за мою, принялся расспрашивать о моих делах, словно хотел влезть в меня и жить моей жизнью.

Алис. Вот она, его вампирская натура... вмешиваться в чужие судьбы, высасывать интерес из чужих жизней, устраивать чужие дела, поскольку его собственная жизнь ему совершенно неинтересна. И запомни, Курт, ни в коем случае не подпускай его к своей семье, не знакомь его со своими друзьями, ибо он от-

нимет их у тебя и приберет к рукам... В этом он настоящий колдун!.. Приведись ему встретиться с твоими детьми, и у него, как ты скоро убедишься, никого ближе их не будет, он начнет давать им советы и воспитывать их по собственному разумению, но прежде всего — против твоего желания.

Курт. Алис! А не он ли, случаем, лишил меня детей при разводе?

Алис. Поскольку все уже в прошлом — да, он!

Курт. Я подозревал это, но не был уверен! Значит, он!

Алис. Когда ты, полностью доверяя моему мужу, отправил его посредником к своей жене, он принялся обхаживать ее и научил, как отобрать у тебя детей!

Курт. О Господи!.. Боже правый! Алис. Вот тебе еще одна его сторона!

Молчание.

Курт. Знаешь, сегодня ночью... он, думая, что умирает... взял с меня обещание позаботиться о его детях!

Алис. Но ты, надеюсь, не собираешься мстить моим детям?

Курт. Исполнив обещание? Конечно! Я буду заботиться о ваших детях!

Алис. Страшнее мести ты и выдумать не мог, ибо сильнее всего на свете он ненавидит благородство!

Курт. Стало быть, я могу считать себя отомщенным! Не прибегая к мести!

Алис. Для меня месть — орудие справедливости, и я ощущаю душевный подъем, видя, как бывает наказано зло!

Курт. Ты по-прежнему стоишь на своем!

Алис. И буду стоять до конца! И если я когда-нибудь прощу или полюблю врага, можешь назвать меня лицемеркой!

Курт. Алис! Человек иногда обязан о чем-то умолчать, чего-то не заметить! Это называется снисхождением, и мы все в нем нуждаемся!

Алис. Только не я! Моя жизнь чиста и открыта, и я никогда не играла краплеными картами.

Курт. Сильно сказано!

Алис. Нет, слишком слабо! Ведь сколько незаслуженных мучений я претерпела ради этого человека, которого никогда не любила...

Курт. Почему ты вышла за него?

Алис. Знать бы!.. Потому что он взял меня! Соблазнил! Понятия не имею! И потом, мне хотелось выбиться наверх, в сливки общества...

Курт. И ты бросила свое искусство!

Алис. Всеми презираемое!.. Но, знаешь, он меня обманул! Сулил красивую жизнь... уютный семейный очаг! А оказалось — одни долги... золото блестит лишь на мундире, да и то не золото вовсе! Он обманул меня!

Курт. Погоди, погоди! Молодой влюбленный обычно с надеждой смотрит в будущее... а если надежды не всегда сбываются, его надо простить! У меня на совести такой же обман, но я не считаю себя обманщиком!.. Что ты там на валу высматриваешь?

Алис. Смотрю, не упал ли он.

Курт. Что, упал?

Алис. К сожалению, нет! Вечно он меня обманывает!

Курт. Тогда я иду к доктору и судье!

Алис *(садится у окна)*. Иди, мой милый Курт. Я посижу здесь и подожду. А ждать я научилась!

Антракт

Та же декорация при дневном освещении. На батарее по-прежнему расхаживает часовой. Алис сидит в кресле справа; у нее седые волосы.

Курт *(постучав, входит слева)*. Добрый день, Алис!

Алис. Добрый день, друг мой! Присаживайся!

Курт *(садится в кресло слева)*. Пароход причаливает!

Алис. Представляю, что будет, если он с ним приехал!

Курт. Он приехал — я видел, как блеснула его каска... Что он делал в городе?

Алис. Можно вычислить. Он надел парадный мундир, значит, был у полковника, прихватил перчатки — стало быть, наносил визиты.

Курт. Ты заметила, какой он вчера был спокойный? С тех пор как бросил пить и во всем соблюдает умеренность, он стал другим человеком — уравновешенным, сдержанным, внимательным...

Алис. Знаем мы эти штучки, но будь он трезвым все время — вот был бы кошмар для человечества. Пожалуй, человечеству повезло, что виски делает его смешным и безвредным!

Курт. Зеленый змий укротил его!.. Но ты обратила внимание, что, после того как смерть отметила его своей печатью, он держится с каким-то возвышенным достоинством? Не исключено, что открывшаяся ему идея бессмертия заставила его переменить взгляд на жизнь.

Алис. Ты заблуждаешься! Он порождает зло! Не верь тому, что он говорит, потому что он намеренно лжет! И никто лучше него не владеет искусством интриг...

Курт *(разглядывает Алис)*. Алис! Что это? Ты поседела за последние две ночи!

Алис. Нет, друг мой, я уже давно седая; просто перестала красить волосы, потому что мой муж умер! Двадцать пять лет в крепости... Ты слыхал, что здесь когда-то была тюрьма?

Курт. Тюрьма! Стены и впрямь тюремные!

Алис. А моя кожа! Даже у детей лица приобрели здесь тюремный цвет!

Курт. С трудом представляю себе детский лепет в этих стенах!

Алис. А лепета почти и не было! И те двое, что умерли, погибли от недостатка света!

Курт. Как ты думаешь, что теперь будет?

Алис. Решающее сражение, с нами обоими! Когда ты читал телеграмму от Юдифи, в его глазах сверкнула знакомая мне молния. Предназначавшаяся, естественно, ей, но, как тебе известно, Юдифь неприкосновенна, и посему заряд ненависти ударил в тебя!

Курт. И что, по-твоему, он собирается предпринять против меня?

Алис. Трудно сказать, но он обладает невероятной способностью или везением вынюхивать чужие тайны... и ты, наверное, заметил, как весь вчерашний день он буквально жил твоим карантином, как высасывал интерес из твоей жизни, живьем пожирал твоих детей... Настоящий людоед, я его знаю. Его собственная жизнь покидает его или уже покинула...

Курт. Мне тоже показалось, что он уже по другую сторону. Лицо как будто фосфоресцирует, точно он начал разлагаться... и глаза горят, словно блуждающие могильные или болотные огоньки... Он идет! Скажи, тебе никогда не приходило в голову, что он ревнует?

Алис. Нет, ему высокомерие не позволяет!.. «Покажи мне того, к кому мне стоило бы ревновать!» Это его слова!

Курт. Тем лучше; у него даже недостатки отличаются определенными достоинствами!.. Пойти мне все-таки встретить его?

Алис. Не проявляй учтивости, иначе он обвинит тебя в двуличии! А когда он примется врать, сделай вид, будто веришь; я прекрасно умею переводить его ложь и с помощью собственного словаря всегда выуживаю правду!.. Я предчувствую что-то ужасное... Курт, только не выходи из себя!.. В нашей долгой борьбе у меня было единственное преимущество — я была трезва и потому не теряла присутствия духа... А он всегда проигрывал — из-за виски!.. Ну, сейчас увидим!

* * *

Капитан *(входит слева, на нем парадный мундир, каска, шинель, белые перчатки. Спокойный, дер-*

жится с достоинством, но лицо бледное, глаза ввалились. Нетвердыми шагами пересекает сцену и садится, не снимая каски и шинели, далеко от Алис и Курта, с правой стороны. Во время разговора держит саблю между коленями). Добрый день!.. Извините, что вот так сразу сажусь, но я немного устал!

Алис и Курт. Добрый день, с приездом!

Алис. Как ты себя чувствуешь?

Капитан. Превосходно! Просто немного устал!..

Алис. Что нового в городе?

Капитан. Всего помаленьку! Был, между прочим, у врача, и он сказал, что у меня ничего серьезного и что я проживу еще двадцать лет, если буду следить за собой.

Алис *(Курту).* Врет! *(Капитану.)* Приятно слышать, дорогой!

Капитан. Ну-с, с этим, значит, все!

Пауза, во время которой Капитан смотрит на Алис и Курта, точно моля их заговорить.

Алис *(Курту).* Молчи, пусть первый заговорит, раскроет карты!

Капитан *(Алис).* Ты что-то сказала?

Алис. Нет, ничего!

Капитан *(медленно).* Послушай-ка, Курт!

Алис *(Курту).* Вот видишь, решился!

Капитан. Я... я, как ты знаешь, был в городе!

Курт согласно кивает головой.

Э-э, ну и кое с кем познакомился... в частности... с молодым адъюнктом *(медлит)*... артиллеристом! *(Пауза, Курт проявляет признаки беспокойства.)* И поскольку... у нас здесь нет адъюнктов, я договорился с полковником, чтобы его прислали сюда!.. Тебя это известие должно обрадовать, тебя в особенности, если учесть, что речь идет... о... твоем сыне!

Алис *(Курту).* Вампир! Убедился?

Курт. При нормальных обстоятельствах это, безусловно, обрадовало бы любого отца, но в моем положении я испытываю лишь мучительную неловкость!

Капитан. Не понимаю!

Курт. А тебе и не надо понимать, хватит и того, что я этого не хочу!

Капитан. Вот как, неужели?! Так знай: молодой человек уже получил назначение и с этой минуты находится у меня в подчинении!

Курт. В таком случае я заставлю его перевестись в другой полк!

Капитан. Этого ты сделать не можешь, поскольку не имеешь прав на сына!

Курт. Не имею?

Капитан. Нет, суд присудил детей матери!

Курт. Значит, свяжусь с матерью!

Капитан. Ни к чему!

Курт. Ни к чему?

Капитан. Да, потому что я уже сам это сделал! Да-с!

Курт встает, но тут же вновь опускается на сиденье.

Алис *(Курту)*. Он должен умереть!

Курт. Людоед!

* * *

Капитан. Ну-с, и с *этим* все! *(Непосредственно к Алис и Курту.)* Вы что-то сказали?

Алис. Ничего! Ты что, оглох?

Капитан. Немножко!.. Но ежели ты подойдешь поближе, я кое-что тебе скажу, с глазу на глаз!

Алис. Ни к чему! И свидетель может пригодиться обеим сторонам!

Капитан. Тут ты права — свидетелей иметь полезно!.. Но сначала один вопрос: завещание готово?

Алис *(протягивает ему документ)*. Аудитор сам составил!

Капитан. В твою пользу!.. Прекрасно! *(Читает бумагу, после чего тщательно рвет ее на мелкие кусочки и бросает их на пол.)* И с этим все! Да-с!

Алис *(Курту)*. Ну, видел этого человека?..

Курт. Это не человек!

* * *

Капитан. Так вот, хотел бы сказать тебе, Алис, следующее!..

Алис *(с беспокойством)*. Пожалуйста!

Капитан *(по-прежнему спокоен)*. В связи с тем, что ты давно выражала желание покончить с этой несчастной жизнью в неудачном браке, и в связи с тем, что ты не проявляла любви ни к супругу, ни к детям, а также в связи с той безалаберностью, с какой ты вела хозяйство, я воспользовался поездкой в город, чтобы подать в городской суд заявление о разводе!

Алис. Да ну-у? А причина?

Капитан *(с прежним спокойствием)*. Помимо уже названных причин, у меня есть и чисто личные! Поскольку теперь выяснилось, что я могу прожить еще двадцать лет, я имею намерение сменить этот неудачный брачный союз на более подходящий, то есть соединить свою судьбу с женщиной, которая наряду с преданностью супругу сумеет принести к семейному очагу молодость и, скажем так, определенную красоту!

Алис *(снимает с пальца кольцо и бросает его Капитану)*. Пожалуйста!

Капитан *(поднимает кольцо и кладет его в кармашек жилета)*. Она бросила кольцо! Свидетель, будьте добры отметить этот факт!

Алис *(встает, возмущенно)*. И ты собираешься выкинуть меня и привести в мой дом другую женщину?

Капитан. Да-с!

Алис. Что ж, тогда поговорим начистоту!.. Курт, мой кузен, этот человек виновен в покушении на жизнь жены!

Курт. Покушении?

Алис. Да, он столкнул меня в море!

Капитан. Без свидетелей!

Алис. Он врет! Юдифь видела!

Капитан. И что из того?

Алис. Она даст показания!

Капитан. Не даст, она скажет, что ничего не видела!

Алис. Ты научил девочку лгать!

Капитан. Мне это было ни к чему — ты научила ее этому гораздо раньше!

Алис. Ты встречался с Юдифью?

Капитан. Да-с!

Алис. Боже! О Боже!

* * *

Капитан. Крепость пала! Неприятелю дается десять минут на то, чтобы беспрепятственно покинуть территорию! *(Кладет на стол часы.)* Десять минут; часы на столе! *(Замирает, схватившись за сердце.)*

Алис *(подбегает к Капитану и берет его за руку)*. Что с тобой?

Капитан. Не знаю!

Алис. Дать чего-нибудь, хочешь выпить?

Капитан. Виски? Нет, я умирать не желаю! Ты!.. *(Выпрямляется.)* Не прикасайся ко мне!.. Десять минут, или гарнизон будет обезглавлен! *(Обнажает саблю.)* Десять минут! *(Выходит через задник.)*

* * *

Курт. Что он за человек!

Алис. Это демон, а не человек!

Курт. Что ему нужно от моего сына?

Алис. Хочет сделать его заложником, дабы прибрать к рукам тебя; ему нужно изолировать тебя от островного начальства... А знаешь, что жители называют этот остров «маленьким адом»?

Курт. Правда?.. Алис, ты первая женщина, пробудившая во мне сострадание; все другие, как я считал, заслужили свою судьбу!

Алис. Не оставляй меня сейчас! Не покидай меня, иначе он меня побьет... Он бил меня все двадцать пять лет... на глазах у детей... столкнул в море...

Курт. Теперь, после всего, что ты мне рассказала, я начинаю с ним борьбу! Я приехал сюда, не тая в душе злобы, забыв прежние унижения и клевету с его стороны! Даже узнав от тебя, что именно он разлучил меня с моими детьми, я простил его — ведь он был при смерти... но теперь, когда он вознамерился забрать у меня сына, он должен умереть — или он, или я.

Алис. Прекрасно! Крепость не сдается! Мы взорвем ее вместе с ним, даже если придется погибнуть самим! Я позабочусь о порохе!

Курт. Я не таил злобы, приехав сюда, и, почувствовав, что ваша взаимная ненависть грозит заразить меня, собирался сбежать, но сейчас у меня появилась непреодолимая потребность возненавидеть этого человека с той же силой, с какой я всегда ненавидел зло!.. Что надо делать?

Алис. Тактике он меня научил! Барабанным боем созвать его врагов! И найти союзников!

Курт. Подумать только — он разыскал мою жену! И почему они не встретились в молодости! Вот это была бы схватка — земля задрожала бы!

Алис. Но теперь их души обрели друг друга... и их необходимо разлучить! Я подозреваю, в чем его слабое место, давно подозревала...

Курт. Кто его злейший враг здесь, на острове?

Алис. Начальник оружейных мастерских!

Курт. Он порядочный человек?

Алис. Да, вполне!.. И ему *известно* то, что я тоже... знаю!.. Ему известно кое-что о делишках Капитана и штык-юнкера!

Курт. О делишках?.. Ты имеешь в виду?..

Алис. Растрату!

Курт. Чудовищно! Нет, с этим я не хочу иметь ничего общего! Не желаю влезать!..

Алис. Ха! Тоже мне мужчина! Не можешь поразить противника!

Курт. Мог когда-то, а теперь нет!

Алис. Почему?

Курт. Потому что обнаружил, что... справедливость все равно восторжествует!

Алис. Жди, жди! А он отобрал у тебя сына! Погляди на мои седые волосы... кстати, пощупай, какие густые!.. Он намерен заключить новый брак! И тогда я буду вольна... сделать то же самое!.. Я свободна! Через десять минут он окажется там, внизу, под арестом; там, внизу *(топает ногой)*, внизу... и я буду танцевать на его голове, буду танцевать «Марш бояр»... *(Раскинув руки, делает несколько танцевальных па.)* Ха-ха-ха! И буду играть на пианино так, что он непременно услышит! *(С силой бьет по клавишам.)* О! Ворота башни открыты, и не меня будут сторожить с саблей наголо, а его... тарам-па-па тарам-парам-пам-пам! Его, его, его! Будут сторожить!

Курт *(глядит на нее распаленным взглядом)*. Алис! Ты тоже дьявол?

Алис *(вскакивает на стул и снимает лавровые венки)*. Их я, уходя, заберу с собой... лавры триумфа! С развевающимися лентами! Чуть запылившиеся, но вечно зеленые!.. Как и моя молодость!.. Я ведь еще не старая, Курт!

Курт *(со сверкающими глазами)*. Ты дьявол!

Алис. В маленьком аду!.. Слушай, сейчас я приведу себя в порядок *(распускает волосы)*... две минуты, чтобы одеться... две минуты, чтобы сходить к начальнику мастерских... и — крепость взлетит на воздух!

Курт. Ты дьявол!

Алис. Ты и в детстве называл меня так! Помнишь, как мы обручились, когда были детьми! Ха-ха-ха! Ты, разумеется, был робок...

Курт *(серьезно)*. Алис!

Алис. Да, да, робок! И тебе это шло. Видишь ли, некоторым неистовым женщинам нравятся робкие мужчины, и... говорят, некоторым робким мужчинам нравятся неистовые женщины!.. Я тебе тогда все же чуточку нравилась! Верно ведь?

Курт. Господи, куда я попал!

Алис. К актрисе, отличающейся вольными манерами, но в остальном отличной женщине. Вот так! Но нынче я свободна, свободна, свободна!.. Отвернись, я надену другую блузку! *(Расстегивает блузку.)*

Курт кидается к ней, хватает в объятия и, подняв на руки, впивается зубами ей в шею так, что она вскрикивает. После чего он бросает ее на кушетку и поспешно выходит налево.

Занавес

Та же декорация вечером. В окна задника по-прежнему виден часовой на батарее.

Лавровые венки висят на спинке стула. Горит лампа под потолком. Тихая музыка.

Капитан, бледный, с ввалившимися глазами, одетый в поношенную полевую форму и кавалерийские сапоги, сидит за столиком для рукоделия и раскладывает пасьянс.

На носу — очки.

Музыка, игравшая во время антракта, продолжает играть и после поднятия занавеса вплоть до появления нового персонажа.

Капитан, раскладывая пасьянс, время от времени вздрагивает, поднимает голову и боязливо прислушивается.

Судя по всему, пасьянс у него не выходит; потеряв терпение, он смешивает карты, подходит к левому окну, открывает его и выбрасывает колоду. Распахнутые створки окна со скрипом раскачиваются на крючках.

Капитан, отошедший к буфету, в страхе оборачивается на шум, издаваемый окном, посмотреть, в чем дело. Потом вынимает три четырехугольные бутылки виски, внимательно их разглядывает и выбрасывает в окно. Вытаскивает ящички с сигарами и, понюхав один, тоже выбрасывает в окно. После чего снимает очки, протирает их и примеряет — хорошо ли

в них видно. И выбрасывает в окно; натыкаясь на мебель, словно он плохо видит, подходит к секретеру и зажигает канделябр с шестью свечами. Замечает лавровые венки, снимает их со спинки стула и идет к окну, но возвращается. Взяв с пианино скатерку, осторожно заворачивает в нее венки, находит на письменном столе булавки, закалывает ими углы скатерки и кладет сверток на стул.

Подойдя к пианино, кулаком бьет по клавишам, закрывает крышку и выбрасывает ключ в окно. И зажигает свечи на пианино. Снимает с этажерки фотографию жены и, внимательно поглядев на нее, рвет на мелкие кусочки и бросает на пол. Створки окна хлопают на крючках, и он снова пугается.

Успокоившись, берет фотографии сына и дочери и, прикоснувшись к ним губами, прячет в нагрудный карман. Остальные фотографии локтем сбрасывает на пол и сапогом сгребает в кучку.

Утомившись, садится за письменный стол и берется за сердце. Зажигает свечу на столе, вздыхает; сидит, уставившись прямо перед собой, словно увидел что-то омерзительное... Встает, подходит к секретеру. Поднимает откидную крышку, вынимает пачку писем, перевязанную голубой шелковой лентой, и бросает в кафельную печь. Закрывает крышку.

Телеграфный аппарат вдруг издает сигнал и тут же замолкает. Капитан, дернувшись в смертельном ужасе, замирает, держась за сердце, напряженно ждет. Телеграф молчит, и тогда капитан переключает внимание на левую дверь. Подходит, открывает ее и, шагнув в проем, возвращается с кошкой на руках, которую гладит по спине. Затем выходит в правую дверь. Музыка затихает.

* * *

Алис появляется из дверей задника, на ней уличный костюм, на черных волосах шляпа, на руках перчатки, вид кокетливый; с удивлением разглядывает зажженные повсюду свечи.

Курт входит слева, он нервничает.

Алис. Прямо сочельник!

Курт. Ну-у?

Алис *(протягивает руку для поцелуя)*. Благодари меня!

Курт неохотно целует ее руку.

Шесть свидетелей, из них четверо надежны как скала. Заявление ушло, ответ придет сюда по телеграфу — сюда, в самое сердце крепости!

Курт. Вот как!

Алис. Что это за «вот как»! Скажи лучше спасибо!

Курт. С чего это он зажег столько свечей?

Алис. Темноты боится!.. Посмотри на этот телеграфный ключ! Правда, похож на ручку кофейной мельницы? Я мелю и мелю, а зерна крошатся, как зубы в щипцах дантиста...

Курт. Чем это он тут занимался?

Алис. Похоже, собрался переезжать! Переедешь — туда, в подвал, переедешь!

Курт. Алис, не надо так! Все это ужасно грустно... в молодости мы дружили, и он не раз оказывал мне услуги в трудную минуту... Жалко его!

Алис. А меня нет? Я-то никому зла не причинила, я пожертвовала своей карьерой ради этого чудовища!

Курт. А карьера и в самом деле была такая блестящая?

Алис *(в бешенстве)*. Да как ты смеешь! Ты что, не знаешь, кто я, кем я была?

Курт. Ну ладно, ладно!

Алис. И ты начинаешь, уже?

Курт. Уже?

Алис бросается Курту на шею, целует его.

Курт поднимает ее на руки и кусает в шею, она вскрикивает.

Алис. Ты укусил меня!

Курт *(вне себя)*. Да, я, как рысь, жажду вонзиться зубами тебе в шею и испить твоей крови! Ты, ты пробудила во мне дикого зверя, которого я годами пытался задушить лишениями и самоистязанием! Приехав сюда, я решил было, что я немножко лучше вас, а оказался подлецом из подлецов! С той минуты, как я увидел тебя во всей твоей жуткой наготе и страсть помрачила мое зрение, я ощутил истинную силу зла; безобразное становится прекрасным, добро превращается

в уродство и слабость!.. Сейчас я задушу тебя... поцелуем! *(Обнимает ее.)*

Алис *(показывает ему левую руку)*. Видишь след от кандалов — ты разорвал их. Я была рабыней, и вот свободна!..

Курт. Но я свяжу тебя...

Алис. Ты?

Курт. Я!

Алис. Мне на миг показалось, что ты...

Курт. Сектант!

Алис. Да, ты болтал о грехопадении...

Курт. Неужели?

Алис. И я подумала, что ты приехал читать проповеди...

Курт. Неужели?.. Через час мы будем в городе! И ты увидишь, кто я...

Алис. А вечером пойдем в театр! Покажемся на люди! Если я сбегу из семьи, позор падет на него. Понимаешь?

Курт. Начинаю понимать! Значит, одной тюрьмы недостаточно...

Алис. Недостаточно! Он должен пережить и позор!

Курт. Какой странный мир! Ты совершаешь позорный поступок, а опозорен он!

Алис. Что поделаешь, если мир настолько глуп!

Курт. Эти тюремные стены словно впитали в себя все худшие преступления; и с первым же вздохом они проникают в самое нутро! У тебя в мыслях, я полагаю, театр и ужин! А у меня — сын!

Алис *(бьет его перчаткой по губам)*. Дурак!

Курт заносит руку для пощечины.

(Отшатывается.) Tout beau![1]

Курт. Прости!

Алис. На колени!

Курт падает на колени.

---

[1] Здесь: прочь! *(фр.)*

Лицом на пол!

Курт утыкается лбом в пол.

Целуй мне ногу!

Курт целует ногу.

И больше никогда так не делай!.. Встать!

Курт *(поднимается)*. Куда я попал? Где я?

Алис. Сам знаешь!

Курт *(в ужасе обводит глазами комнату)*. Мне кажется... я в аду!

* * *

Капитан *(появляется справа, вид жалкий, опирается на палку)*. Курт, мне нужно поговорить с тобой! С глазу на глаз!

Алис. О нашем беспрепятственном отбытии?

Капитан *(садится за столик для рукоделия)*. Курт, пожалуйста, присядь на минутку! А ты, Алис, не будешь ли ты так добра оставить нас ненадолго... в покое?

Алис. Что бы это значило?.. Новые сигналы! *(Курту.)* Пожалуйста! Присаживайся!

Курт неохотно садится.

И послушай мудрые откровения старости!.. Когда придет телеграмма... позови меня! *(Выходит налево.)*

* * *

Капитан *(после паузы, с достоинством)*. Постиг ли ты суть человеческой судьбы — моей, нашей судьбы?

Курт. Нет, как не постиг сути и своей собственной!

Капитан. Какой же тогда смысл во всей этой чепухе?

Курт. В самые светлые минуты моей жизни мне представлялось, что смысл именно в том и состоит, чтобы мы не ведали смысла, но тем не менее покорились...

Капитан. Покорились! Не имея точки опоры вне себя, я не могу покориться.

Курт. Совершенно верно; но ведь, как математик, ты, наверное, способен отыскать эту неизвестную точку, если тебе даны другие, известные...

Капитан. Я искал ее — и не нашел!

Курт. Значит, допустил ошибку в расчетах; начни сначала!

Капитан. Начну!.. Скажи, откуда у тебя такое смирение?

Курт. У меня его не осталось! Не переоценивай меня!

Капитан. Ты, должно быть, заметил, как я понимаю искусство жизни — уничтожение! То есть — перечеркнуть и идти дальше! Еще в юности я изготовил себе мешок, куда складывал все унижения. А когда он наполнился до верха, выбросил его в море!... Думаю, никому не довелось перенести столько унижений, сколько мне. Но я перечеркнул их и пошел дальше, и теперь их больше нет!

Курт. Я заметил, как ты сочиняешь собственную жизнь и жизнь окружающих!

Капитан. А как бы я иначе смог жить? Как бы сумел выдержать? *(Берется за сердце.)*

Курт. Тебе плохо?

Капитан. Плохо! *(Пауза.)* Но наступает момент, когда способность сочинять, как ты выражаешься, умирает. И тогда действительность предстает перед тобой во всей своей наготе!.. Это ужасно! *(Говорит плачущим стариковским голосом, челюсть отвисла.)* Видишь ли, друг мой... *(Овладел собой, нормальным голосом.)* Извини!.. Врач, у которого я был в городе, *(снова плачущим голосом)* сказал, что здоровье у меня подорвано... *(нормальным голосом)* и я долго не протяну!

Курт. Так и сказал?

Капитан *(плачущим голосом)*. Так и сказал!

Курт. Значит, это неправда?

Капитан. Что? А-а, это... неправда!

Пауза.

Курт. И другое тоже?

Капитан. Что именно, брат?

Курт. Что мой сын получил назначение сюда адъюнктом?

Капитан. Ничего про это не слышал.

Курт. Знаешь, твоя способность перечеркивать собственные преступления просто безгранична!

Капитан. Не понимаю, о чем ты, брат!

Курт. В таком случае ты конченый человек!

Капитан. Да, недолго уже осталось!

Курт. Слушай, а ты, может, и заявление о разводе, позорящем твою жену, не подавал?

Капитан. Разводе? Слыхом не слыхивал!

Курт *(встает)*. Так ты признаешься, что солгал?

Капитан. Какие сильные слова, брат! Все мы нуждаемся в снисхождении!

Курт. Ты осознал это?

Капитан *(решительно, отчетливо)*. Осознал!.. Поэтому — прости меня, Курт! Прости за все!

Курт. Вот это по-мужски!.. Но мне не за что прощать тебя! И я совсем не тот, за кого ты меня принимаешь! Уже не тот! И во всяком случае, никоим образом не достоин твоих признаний!

Капитан *(отчетливо)*. Странная была у меня жизнь! Строптивая, злобная, с самых ранних лет... и люди были злы, вот и я тоже озлобился...

Курт нервно ходит из угла в угол, посматривая на телеграф.

Куда это ты смотришь?

Курт. А телеграф можно отключить?

Капитан. Нет, лучше не надо!

Курт *(с возрастающим беспокойством)*. Что за человек штык-юнкер Эстберг?

Капитан. Вполне порядочный, хотя и с купеческими замашками, само собой!

Курт. А начальник оружейных мастерских?

Капитан. Вообще-то, он мой враг, но ничего дурного сказать о нем не могу.

Курт *(смотрит в окно, там виден движущийся огонек фонаря)*. Что они делают на батарее с фонарем?

Капитан. А там фонарь?

Курт. Да, и люди!

Капитан. Очевидно, наряд, по-нашему!

Курт. А что это такое?

Капитан. Несколько солдат под командой капрала! Небось идут сажать под арест какого-нибудь бедолагу!

Курт. О-о!

Пауза.

Капитан. Теперь, когда ты достаточно узнал Алис, что ты о ней думаешь?

Курт. Не знаю... я совсем не разбираюсь в людях! Она для меня полнейшая загадка, так же как и ты, как и я сам! Дело в том, что я приближаюсь к возрасту, когда мудрость признается: я ничего не знаю, я ничего не понимаю!.. Но если на моих глазах совершается какой-нибудь поступок, мне страстно хочется узнать его причину... Почему ты столкнул ее в море?

Капитан. Понятия не имею! Она стояла на пирсе, и мне вдруг представилось совершенно естественным столкнуть ее вниз.

Курт. И тебя никогда не мучила совесть?

Капитан. Никогда!

Курт. Странно!

Капитан. И не говори! Страннее некуда — у меня просто в голове не укладывается, что это я совершил подобную низость!

Курт. А тебе не приходило в голову, что она будет мстить?

Капитан. Она отомстила мне сполна! И это мне тоже представляется вполне естественным!

Курт. Каким образом тебе удалось так быстро обрести подобное циничное смирение?

Капитан. С тех пор как я заглянул в глаза смерти, жизнь повернулась ко мне другой стороной... Послушай, если бы тебе пришлось судить нас с Алис, кого бы ты признал правым?

Курт. Никого! Но я выразил бы вам обоим свое беспредельное сочувствие, тебе, быть может, чуть большее!

Капитан. Дай мне руку, Курт!

Курт *(протягивает одну руку, а другую кладет ему на плечо)*. Дружище!

Алис *(входит слева, в руках зонтик)*. Ах, какая доверительность! Вот это дружба!.. Телеграмма не пришла?

Курт *(холодно)*. Нет!

Алис. От этой задержки у меня лопается терпение; а когда у меня лопается терпение, я обычно поторапливаю события!.. Гляди, Курт, даю последний залп! И сейчас ему придет конец!.. Вот я заряжаю ружье — изучила учебник по стрелковому оружию, тот самый знаменитый нераспроданный учебник тиражом в пять тысяч экземпляров,— прицеливаюсь и: огонь! *(Прицеливается зонтиком.)* Как чувствует себя твоя новая супруга? Юная, прелестная незнакомка? Не знаешь! Зато я знаю, как чувствует себя мой любовник! *(Обнимает Курта за шею и целует его; он отталкивает ее.)* Он чувствует себя прекрасно, но все еще робок!.. А ты — подлец, которого я никогда не любила, ты, слишком надменный, чтобы позволить себе ревновать,— ты и не заметил, как я натянула тебе нос!

Капитан обнажает саблю и бросается на Алис, рубя направо и налево, но удары приходятся по мебели.

Алис. Помогите! Помогите!

Курт не двигается с места.

Капитан *(падает на пол с саблей в руке)*. Юдифь! Отомсти за меня!

Алис. Ура! Он умер!

Курт отступает к дверям на заднем плане.

Капитан *(поднимается)*. Еще нет! *(Спрятав саблю в ножны, идет к креслу у столика для рукоделия и садится.)* Юдифь! Юдифь!

Алис *(подходит к Курту)*. Я ухожу — с тобой!

Курт *(отталкивает ее так, что она падает на колени)*. Убирайся туда, откуда явилась, — в преисподнюю!.. Прощайте! Навсегда!

Капитан. Не покидай меня, Курт, она убьет меня!

Алис. Курт! Не бросай меня, не бросай нас!

Курт. Прощайте! *(Уходит.)*

* * *

Алис *(круто меняет тактику)*. Каков подлец! Хорош друг!

Капитан *(мягко)*. Прости меня, Алис! Иди сюда! Иди сюда быстрее!

Алис *(Капитану)*. В жизни не встречала такого подлеца и лицемера!.. Знаешь, а ты все-таки настоящий мужчина!

Капитан. Алис, выслушай меня!.. Мои дни сочтены!

Алис. Что-о-о?

Капитан. Врач сказал!

Алис. Значит, и остальное тоже неправда?

Капитан. Да!

Алис *(вне себя)*. О! Что же я наделала!..

Капитан. Все можно исправить!

Алис. Нет! Этого исправить нельзя!

Капитан. Нет ничего, чего нельзя исправить, надо лишь перечеркнуть старое и идти дальше!

Алис. Но телеграмма! Телеграмма!

Капитан. Какая телеграмма?

Алис *(падает на колени перед Капитаном)*. Неужели мы и правда прокляты? Но почему это долж-

но было случиться! Я же взорвала себя, нас! Зачем ты ломал комедию! И зачем явился этот человек и ввел меня в искушение!.. Мы погибли! Все можно было бы исправить, все можно было бы простить, будь ты великодушен.

Капитан. А разве чего-то нельзя простить? Чего я не простил тебе?

Алис. Ты прав... но этого уже не исправить!

Капитан. Ума не приложу, хотя и знаю твою изобретательность по части всяких гадостей...

Алис. О, если бы мне удалось выпутаться! Если б только удалось... я бы окружила тебя заботой... Эдгар, я бы полюбила тебя!

Капитан. Послушай, да в чем дело-то?

Алис. Думаешь, нам никто уже не поможет... да, ни единому человеку это не под силу!

Капитан. А кому же тогда под силу?

Алис *(смотрит Капитану в глаза)*. Не знаю!.. Подумать только! Что будет с детьми? Наше имя обесчещено...

Капитан. Ты обесчестила наше имя?

Алис. Не я! Не я!.. Им придется уйти из школы! А начав самостоятельную жизнь, они будут так же одиноки, как мы, и так же озлобленны! Значит, ты, насколько я понимаю, и с Юдифью не встречался?

Капитан. Нет! Но перечеркни это!

Застучал телеграф. Алис вскакивает.

Алис *(кричит)*. Вот и пришла беда! *(Капитану.)* Не слушай!

Капитан *(спокойно)*. Не буду, девочка моя, успокойся!

Алис *(стоя у телеграфа, поднимается на цыпочки, чтобы выглянуть в окно)*. Не слушай! Не слушай!

Капитан *(зажимает уши)*. Я зажал уши, Ли́са, девочка моя!

Алис *(на коленях, воздев руки)*. Боже! Помоги нам!.. Наряд идет... *(Рыдая.)* Господи всеблагой! *(Шевелит губами, словно молится про себя.)*

Телеграф, простучав еще немного, выпускает длинную бумажную ленту; наступает тишина.

(Поднимается, отрывает ленту и молча читает. После чего, на миг возведя глаза к потолку, подходит к Капитану и целует его в лоб.) Пронесло!.. Все нормально! *(Садится во второе кресло и бурно рыдает, зажимая рот платком.)*

Капитан. Что у тебя там за тайны?

Алис. Не спрашивай! Все позади!

Капитан. Как хочешь, дитя мое!

Алис. Еще три дня назад ты бы так не сказал; что с тобой?

Капитан. Видишь ли, дружочек, когда со мной первый раз случился обморок, я одной ногой шагнул в могилу. Не помню, что я там увидел, но ощущение осталось!

Алис. Какое же?

Капитан. Надежда... на лучшее!

Алис. На лучшее?

Капитан. Да! Ибо я, собственно, никогда не верил, будто это и есть жизнь... это смерть! Или того хуже...

Алис. И нам...

Капитан. ...судя по всему, было предопределено мучить друг друга... такое создается впечатление!

Алис. Но теперь мы уже достаточно помучили друг друга?

Капитан. Думаю, достаточно! И достаточно покуролесили! *(Обводит взглядом комнату.)* Давай приберемся, а? Наведем чистоту!

Алис *(встает)*. Давай, если это возможно!

Капитан *(обходит комнату)*. За один день не управиться! Никак!

Алис. Тогда за два! За много дней!

Капитан. Что же, будем надеяться!..

Пауза

(Снова усаживается.) Стало быть, на сей раз тебе не удалось вырваться! Но и меня засадить не получилось!

Алис ошеломлена.

Да, я ведь знал, что ты хотела засадить меня в тюрьму; но я перечеркнул это!.. Ты, пожалуй, и похуже вещи делала...

Алис молчит.

А в растрате я не виноват!

Алис. Теперь, выходит, я буду твоей нянькой?

Капитан. Если захочешь!

Алис. А что мне еще остается?

Капитан. Не знаю!

Алис *(садится в изнеможении, с отчаянием в голосе)*. Вот они, вечные муки! Неужели им не будет конца?

Капитан. Будет, надо только набраться терпения! Быть может, придет смерть и начнется жизнь!

Алис. Если бы!

Пауза.

Капитан. Ты считаешь Курта лицемером?

Алис. Безусловно!

Капитан. А я нет! Просто все, кто соприкасается с нами, заражаются злобой и стремятся прочь... Курт — слабый человек, а зло — сильно! *(Пауза.)* Подумать только, до чего банальной стала нынешняя жизнь! Раньше пускали в ход кулаки; сейчас ими лишь грозят!.. Я почти уверен — через три месяца мы отпразднуем серебряную свадьбу... Курт будет шафером!... и доктор с Гердой придут... начальник оружейных мастерских произнесет речь, а штык-юнкер будет дирижировать криками «ура»! А полковник, ес-

ли я его достаточно хорошо знаю, напросится сам!.. Смейся, смейся! Помнишь серебряную свадьбу Адольфа... того, из егерского полка? У молодой кольцо было надето на правой руке, потому что муженек в любовном пылу отрубил ей тесаком безымянный палец на левой.

Алис зажимает платком рот, чтобы не рассмеяться.

Ты что, плачешь?.. Нет, похоже, смеешься!.. Да, детка, мы то плачем, то смеемся! Что лучше... меня не спрашивай!.. На днях я прочитал в газете о человеке, который семь раз разводился, следовательно, семь раз был женат... и в конце концов в девяносто лет сбежал от последней жены и женился на первой! Вот это любовь!.. Никак не уразумею, серьезная штука жизнь или же насмешка! Шутки часто бывают мучительными, серьезность, вообще-то, намного приятнее и спокойнее... Но стоит только наконец настроиться на серьезный лад, как кто-нибудь обязательно сыграет с тобой шутку! Например, Курт!.. Так будем праздновать серебряную свадьбу?

Алис молчит.

Скажи «да»! Пусть они смеются над нами, ну и что с того! Захочется, мы тоже рассмеемся, не захочется — сохраним серьезность!

Алис. Да будет так!

Капитан *(серьезно)*. Значит, серебряная свадьба!.. *(Встает.)* Перечеркнуть и идти дальше!.. Значит, пойдем дальше!

Занавес

ЧАСТЬ II

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эдгар.
Алис.
Курт.
Аллан, сын Курта.
Юдифь, дочь Эдгара.
Лейтенант.

Белая с золотом овальная гостиная. Стеклянные двери в стене задника распахнуты настежь, открывая вид на садовую террасу, окаймленную балюстрадой с каменными колонками и фаянсовыми горшками с петуниями и красными пеларгониями. Терраса служит местом для променада. На заднем плане видны береговая батарея и стоящий на посту артиллерист; вдалеке — море.

В гостиной слева — диван с позолотой, стол и стулья. Справа — рояль, письменный стол и камин.

На переднем плане — американское кресло.

У письменного стола стоит медный торшер с прикрепленной к стойке полочкой.

На стенах — старинные, написанные маслом полотна.

За письменным столом сидит, занятый вычислениями, Аллан; в дверях появляется Юдифь в коротком летнем платье, волосы, заплетенные в косу, перекинуты за спину, в одной руке шляпа, в другой — теннисная ракетка. Она останавливается в проеме.

Аллан встает, вид серьезный и почтительный.

Юдифь *(серьезно, но дружелюбно)*. Почему ты не идешь играть в теннис?

Аллан *(застенчиво, сдерживая душевное волнение)*. Я очень занят...

Юдифь. Разве ты не видел, что я поставила велосипед рулем к дубу, а не от дуба?

Аллан. Видел!

Юдифь. Ну и что это означает?

Аллан. Это означает... ты хочешь, чтобы я пришел играть в теннис... но мои обязанности... мне надо решать задачи... твой отец весьма строгий учитель.

Юдифь. Он тебе нравится?

Аллан. Нравится! Он интересуется своими учениками...

Юдифь. Он интересуется всеми и всем... Тебе хочется пойти?

Аллан. Ты прекрасно знаешь, что хочется, — но нельзя!

Юдифь. Я попрошу у папы увольнительную для тебя!

Аллан. Не надо! Разговоров не оберешься!

Юдифь. Думаешь, у меня над ним *власти* нет? Да я из него веревки вью!

Аллан. Поэтому-то, наверно, ты такая жестокая! Да-да!

Юдифь. Тебе бы это тоже не помешало!

Аллан. Я не из породы волков!

Юдифь. В таком случае твое место среди овец!

Аллан. Да уж лучше это!

Юдифь. Признайся, почему ты не хочешь пойти на теннис?

Аллан. Сама знаешь!

Юдифь. И все-таки, скажи!.. Лейтенант...

Аллан. Да, тебе на меня наплевать, но и с лейтенантом тебе скучно, ежели меня нет рядом и ты не видишь моих мук!

Юдифь. Неужто я такая бессердечная? А я и не знала!

Аллан. Теперь знаешь!

Юдифь. И постараюсь исправиться, потому что не хочу быть жестокой, не хочу, чтобы... ты плохо думал обо мне.

Аллан. Ты это говоришь, только чтобы удержать меня в своей власти! Я и так уже твой раб, но тебе

этого мало, раба полагается подвергнуть пыткам и бросить на съедение хищникам!.. Под твою дудку и без меня есть кому плясать, зачем же я-то тебе, а? Позволь мне идти своей дорогой, а ты иди своей!

Юдифь. Ты показываешь мне на дверь?

Аллан не отвечает.

Тогда я ухожу!.. Встречаться нам иногда придется — мы все-таки родственники,— но я не буду к тебе приставать.

Аллан садится за стол и погружается в вычисления.

(Вместо того чтобы уйти, проходит в комнату и мало-помалу приближается к столу, за которым сидит Аллан.) Не бойся, я сейчас уйду... Хочу только посмотреть, как живет начальник карантина... *(Осматривается.)* Белое с золотом! Бехштейновский рояль! Да-а! А мы после папиной отставки по-прежнему торчим в крепостной башне... там, где мама проторчала двадцать пять лет... да и там торчим из милости! Вы-то богатые...

Аллан *(спокойно)*. Мы вовсе не богаты.

Юдифь. Говори, говори, а сам одеваешься с иголочки... кстати, что бы ты ни надел, тебе все к лицу!.. Слышал, что я сказала? *(Подходит еще ближе.)*

Аллан *(покорно)*. Слышал.

Юдифь. Как это ты сумел услышать, ведь ты же занят вычислениями или чем там еще?

Аллан. Да уж не глазами!

Юдифь. Эти мне твои глаза!.. Ты их в зеркале видел?..

Аллан. Уходи!

Юдифь. Презираешь меня!..

Аллан. Я вообще о тебе, моя милая, не думаю!

Юдифь *(подходит еще ближе)*. Ну прямо Архимед, сидит себе, считает, а солдат раз — и прикончил его! *(Ракеткой ворошит его бумаги.)*

Аллан. Не трогай моих бумаг!

Юдифь. Вот и Архимед то же самое сказал!.. Ты сейчас, конечно, вообразил себе бог весть что! Думаешь, будто я жить без тебя не могу...

Аллан. Ну почему ты не оставишь меня в покое?

Юдифь. Будь полюбезнее, и я помогу тебе с экзаменом...

Аллан. Ты?

Юдифь. Да, я знакома с экзаменаторами...

Аллан *(строго)*. И что из того?

Юдифь. Тебе разве неизвестно, как важно иметь протекцию учителей?

Аллан. Ты имеешь в виду своего отца и лейтенанта?

Юдифь. И полковника!

Аллан. И ты хочешь сказать, что твое заступничество освободит меня от работы?

Юдифь. Плохой ты переводчик...

Аллан. Плохого оригинала...

Юдифь. И не стыдно!

Аллан. Стыдно — за тебя и за себя!.. Стыдно, что слушаю тебя!.. Почему ты не уходишь?

Юдифь. Потому что знаю: ты ценишь мое общество... Да, да, ты всегда выбираешь дорогу так, чтобы пройти под моим окном! И всегда находишь себе дело в городе, чтобы поехать тем же пароходом, что и я. И в море никогда не выходишь, если я не сижу на фок-штоке.

Аллан *(смущенно)*. Юной девушке не пристало говорить такие вещи!

Юдифь. По-твоему, я еще дитя?

Аллан. Временами ты — доброе дитя, иногда — злая женщина! А меня, судя по всему, ты определила себе в овечки.

Юдифь. Ты и есть овечка, и поэтому я должна тебя защищать!

Аллан *(встает)*. Только волка в пастухи и ставить!.. Ты хочешь меня сожрать... вот, пожалуй, и вся

тайна! Заложить свои прекрасные глаза в обмен на мою голову.

Юдифь. О, да неужели ты разглядел мои глаза? Вот уж не подозревала в тебе такой храбрости!

Аллан, собрав бумаги, идет направо.

Юдифь становится в дверях.

Аллан. Отойди, иначе...

Юдифь. Иначе?

Аллан. Была бы ты парнем — бах! Но ты, увы, девушка!

Юдифь. И что?

Аллан. Имей ты хоть каплю гордости, ты бы ушла сразу, как только поняла, что тебя выставляют за дверь!

Юдифь. Ты об этом пожалеешь!

Аллан. Не сомневаюсь!

Юдифь *(в бешенстве идет к дверям задника).* Ты об этом пожалеешь! *(Выходит.)*

* * *

Курт *(входит из левой двери).* Куда ты собрался, Аллан?

Аллан. Это ты?

Курт. Кто это так стремительно выскочил из дома... аж кусты затрещали?

Аллан. Юдифь!

Курт. Немного вспыльчива, а так славная девушка!

Аллан. Злобных, грубых девиц почему-то всегда называют славными!

Курт. Не будь таким строгим, Аллан!.. Тебе не по душе твои новые родственники?

Аллан. Дядя Эдгар мне нравится...

Курт. Да, у него немало хороших черт... А твои другие учителя? Лейтенант, например?

Аллан. Человек настроения! Мне иногда кажется, что он имеет на меня зуб.

Курт. Ошибаешься!.. Тебе слишком много кажется. Не обременяй себя мыслями об окружающих, занимайся своими делами, будь вежлив, а остальных предоставь самим себе.

Аллан. Я так и делаю, но... они никак не хотят оставить меня в покое! Втягивают в свои дела... совсем как каракатицы у пирса... не кусаются, только воду баламутят, и тебя засасывает в водоворот...

Курт. Ты, как я погляжу, склонен к меланхолии! Тебе неуютно здесь со мной? Чего-нибудь не хватает?

Аллан. Мне никогда не было так хорошо, но... что-то здесь меня душит!

Курт. Здесь, у моря? Ты не любишь моря?

Аллан. Я люблю открытое море! А у берега водоросли, каракатицы, медузы, морская крапива — или как она там еще называется!

Курт. Ты стал настоящим затворником! Пойди поиграй в теннис!

Аллан. Не хочется!

Курт. Понимаю, злишься на Юдифь!

Аллан. На Юдифь?

Курт. Нельзя так придираться к людям, а то останешься один!

Аллан. И вовсе я не придираюсь, но... У меня такое чувство, будто я лежу в самом низу поленницы дров... дожидаясь своей очереди попасть в огонь... и на меня давит, давит все, что навалено сверху...

Курт. Дождись своей очереди! Поленница уменьшается...

Аллан. Да, но так медленно, слишком медленно!.. О! А я тем временем сгнию!

Курт. Нелегко быть молодым! И все же вам завидуют!

Аллан. Неужели? Давай поменяемся!

Курт. Нет, спасибо!

Аллан. Знаешь, что самое ужасное? Сидеть и молчать, когда старики болтают ерунду... Я не сомне-

ваюсь, что лучше их разбираюсь в предмете... и тем не менее вынужден молчать! Прости, тебя я к старикам не отношу!

Курт. Это почему же?

Аллан. Может быть, потому, что мы, собственно, только сейчас и узнали друг друга...

Курт. И потому, что... У тебя уже успело сложиться другое мнение обо мне!

Аллан. Да!

Курт. Я предполагаю, что, пока мы были разлучены, ты питал ко мне не самые теплые чувства?

Аллан. Не самые!

Курт. Ты видел хоть какую-нибудь мою фотографию?

Аллан. Одну-единственную, и весьма непривлекательную!

Курт. Давнишнюю, конечно?

Аллан. Да!

Курт. Десять лет назад я поседел за одну ночь... Потом седина сошла, сама по себе... Давай переменим тему... Смотри, твоя тетя идет! Моя кузина! Она тебе нравится?

Аллан. Я не желаю об этом говорить!

Курт. В таком случае не стану больше спрашивать!

* * *

Алис *(входит в комнату, на ней светлый летний наряд, в руках зонтик)*. Доброе утро, Курт! *(Взглядом велит ему отослать Аллана.)*

Курт *(Аллану)*. Оставь нас!

Аллан уходит направо.

Алис садится на диван слева. Курт садится на стул рядом.

* * *

Алис *(сконфуженно)*. Он идет следом, так что не волнуйся!

Курт. А с чего бы мне волноваться?

Алис. С твоим строгим отношением...

Курт. Только к самому себе!

Алис. Ну ладно!.. Я один раз забылась, увидев в тебе избавителя, но ты сохранил присутствие духа... и потому мы имеем право забыть... то, чего никогда не было!

Курт. Что ж, забудь!

Алис. Впрочем... не думаю, чтобы он забыл...

Курт. Ты имеешь в виду ту ночь, когда с ним случился сердечный приступ, а ты чересчур рано возликовала, полагая, что он умер?

Алис. Да!.. Потом он оправился, но, перестав пить, научился молчать и теперь стал невыносим. Он что-то замыслил, а я никак не пойму, что...

Курт. Алис, твой муж — безобидный пентюх, неизменно выказывающий мне свое расположение...

Алис. Берегись его расположения! Я эти его штучки знаю!

Курт. Ну-ну!

Алис. Значит, он и тебе глаза замазал!.. Неужели ты не чуешь опасности, не замечаешь расставленных силков?

Курт. Нет!

Алис. В таком случае ты обречен!

Курт. О, Боже избави!

Алис. Подумать только, я, видя подкрадывающуюся к тебе, словно кошка, беду... предупреждаю тебя, а у тебя точно шоры на глазах!

Курт. У Аллана никаких шор нет, а он тоже ничего не видит! Впрочем, он видит одну только Юдифь, а это всегда залог хороших отношений.

Алис. Ты раскусил Юдифь?

Курт. Кокетливая девчушка с косой на спине и в чуточку коротковатых юбках...

Алис. Вот именно! Но я видела ее на днях в длинной юбке... и передо мной предстала юная дама... с уложенными волосами, кстати, и не такая уж юная!

Курт. Да, развилась она, надо сказать, рановато!

Алис. И она играет с Алланом!

Курт. Пока это игра, ничего страшного.

Алис. Вот как, *ничего* страшного!.. Сейчас придет Эдгар и усядется в кресло — он его так обожает, что прямо украсть готов.

Курт. Пусть берет!

Алис. Предоставь ему сидеть *там*, а мы останемся *здесь*. И когда он начнет болтать — по утрам он бывает словоохотлив, — когда он понесет всякую чепуху, я буду тебе переводить ее!..

Курт. Ах, милая Алис, ты чересчур *умна, чересчур!* Чего мне бояться, пока я справляюсь с карантином без нареканий, да и в остальном веду себя как положено?

Алис. Ты веришь в справедливость, честь и все такое прочее.

Курт. Верю, и этому научил меня мой опыт. Когда-то я был убежден в обратном... Это мне дорого обошлось!

Алис. Он идет!..

Курт. Раньше ты ничего не боялась!

Алис. Опасности не сознавала, вот и была храброй!

Курт. Опасности?.. Ты меня скоро совсем запугаешь!

Алис. Ах, если бы... Он!

* * *

Капитан появляется в дверях задника, в цивильном платье — черный, застегнутый наглухо редингот, форменная фуражка, в руках — трость с серебряной ручкой. Здоровается кивком головы и направляется к креслу.

Алис *(Курту)*. Пусть начнет первый!

Капитан. Отменное у тебя кресло, дорогой Курт! Просто превосходное!

Курт. Я тебе его дарю, если ты согласишься принять от меня такой подарок!

Капитан. Но я вовсе не хотел...

Курт. А я хочу, от всего сердца! Ты-то меня чем только не одаривал!

Капитан. Э, вздор!.. Отсюда виден весь остров — променады, люди на верандах, корабли в море, корабли причаливающие и отчаливающие... Тебе и впрямь удалось заполучить лучшее местечко на этом острове, правда отнюдь не блаженных. Верно, Алис?.. Да, остров называют «маленьким адом», а Курт здесь создал рай, без Евы, разумеется, ибо, когда она появилась, раю пришел конец! Ясно? А знаешь, что тут был королевский охотничий замок?

Курт. Слыхал!

Капитан. Да, по-королевски ты живешь, но хочешь не хочешь, а благодарить за это меня надо!

Алис *(Курту)*. Так-так, он собирается тебя обокрасть!

Курт. Я за многое тебе благодарен!

Капитан. Э, вздор!.. Послушай-ка, ящики с вином получил?

Курт. Получил!

Капитан. Доволен?

Курт. Очень, передай это своему поставщику!

Капитан. Он всегда поставляет первосортный товар...

Алис *(Курту)*. По ценам второго сорта, а ты оплачиваешь разницу...

Капитан. Ты что-то сказала, Алис?

Алис. Я? Ничего!

Капитан. Да, когда здесь решили открыть карантинный пост, я совсем было собрался просить это место... и с этой целью начал изучать карантинное дело.

Алис *(Курту)*. Врет!

Капитан *(хвастливо)*. Я не разделял устаревших представлений о дезинфекции, всячески превозносившихся правлением! Видишь ли, я стоял на стороне нептунистов — мы их так называли, поскольку они придерживались водного метода...

Курт. Извини! Я прекрасно помню, что в тот раз именно я отстаивал воду, а ты — огонь.

Капитан. Я — огонь? Вздор!

Алис *(громко)*. Да, я тоже помню!

Капитан. Ты?..

Курт. Я запомнил это еще и потому...

Капитан *(обрывает)*. Может быть, но это не важно! *(Возвышает голос.)* Впрочем... сейчас мы пришли к тому... *(Курту, который хочет его перебить)* помолчи!.. что положение вещей изменилось... и карантинное дело скоро шагнет далеко вперед.

Курт. Кстати! Ты знаешь, кто написал эти дурацкие журнальные статьи?

Капитан *(покраснев)*. Не знаю, но почему это ты называешь их дурацкими?

Алис *(Курту)*. Поосторожнее! Статьи написал он!

Курт *(Алис)*. Он?.. *(Капитану.)* Ну, скажем, не слишком осмысленные?

Капитан. Не тебе судить!

Алис. Хотите поссориться?

Курт. Нет, нет!

Капитан. Здесь, на острове, нелегко жить в мире и согласии, и нам бы следовало подать хороший пример...

Курт. Да, вот объясни мне, пожалуйста, следующее! Приехав сюда, я быстро сдружился со здешним начальством, особенно с аудитором мы близко сошлись, настолько близко, насколько это вообще возможно в нашем возрасте. Ну ладно, через какое-то время — это было вскоре после твоего выздоровления — у одного за другим в отношении ко мне начинает сквозить холодок, а вчера на променаде и аудитор уклонился от встречи со мной. Не могу выразить, как мне было больно.

Капитан молчит.

Ты тоже замечаешь неприязнь к себе?

Капитан. Нет, напротив!

Алис *(Курту)*. Неужели ты не понимаешь, что он украл у тебя друзей?

Курт *(Капитану)*. Интересно, уж не связано ли это с моим отказом подписаться на новые акции?

Капитан. Нет-нет! Но все-таки, почему ты не хочешь подписываться?

Курт. Потому что я уже вложил свой небольшой капитал в содовую фабрику! И кроме того, выпуск новых акций означает, что старые дышат на ладан.

Капитан *(рассеянно)*. Превосходная у тебя лампа! Где это ты раздобыл такую?

Курт. В городе, разумеется.

Алис *(Курту)*. Берегись, лампа в опасности!

Курт *(Капитану)*. Не считай меня неблагодарным или чересчур подозрительным, Эдгар!

Капитан. Ну зачем же, но то, что ты хочешь выйти из дела, которое сам же и начинал, доверия не вызывает.

Курт. Но, дорогой мой, ведь обыкновенная осторожность требует вовремя обезопасить себя и свое добро!

Капитан. Обезопасить? Тебе грозит опасность? Тебя собираются ограбить?

Курт. Зачем так резко?

Капитан. Разве ты был недоволен, когда я помог тебе поместить капитал под шесть процентов?

Курт. Доволен, даже благодарен!

Капитан. Ты *не умеешь* быть благодарным — это не в твоей натуре, но тут уж ничего не поделаешь!

Алис *(Курту)*. Ты только послушай его!

Курт. В моей натуре множество недостатков, и в борьбе с ней я, пожалуй, потерпел поражение, но я признаю обязательства...

Капитан. Докажи! *(Протягивает руку за газетой.)* Глядите-ка, что это?.. Объявление! *(Читает.)* Скончался советник медицины!

Алис *(Курту)*. Вот, уж трупом спекулирует.

Капитан *(как бы про себя)*. Это повлечет определенные... изменения...

Курт. В чем?

Капитан *(встает)*. Там увидим!

Алис *(Капитану)*. Ты куда?

Капитан. Кажется, придется ехать в город!.. *(Видит на письменном столе конверт, берет его словно бы по рассеянности, читает адрес и кладет обратно.)* Извини, я такой рассеянный!

Курт. Ничего страшного!

Капитан. Готовальня Аллана! А где он сам?

Курт. Играет с девочками.

Капитан. Взрослый юноша? Это мне не нравится! Да и Юдифи не пристало бегать где попало... Ты пригляди за своим юным господином, а я прослежу за своей юной дамой! *(Проходя мимо рояля, берет несколько аккордов.)* Превосходный звук у этого инструмента! Штейнбех?

Курт. Бехштейн!

Капитан. Да, неплохо ты устроился, неплохо! Скажи мне спасибо, что вытащил тебя сюда!

Алис *(Курту)*. Врет, он пытался тебе помешать!

Капитан. Ну, до свидания! Я еду следующим пароходом! *(Уходит, разглядывая по дороге картины на стенах.)*

* * *

Алис. Ну-у?

Курт. Ну-у?

Алис. Все еще никак не пойму его намерений. А скажи-ка мне... Конверт, который он разглядывал... от кого письмо?

Курт. Должен признаться... это моя единственная тайна!

Алис. И ее-то он и учуял! Я же говорила тебе, что он умеет колдовать!.. На конверте есть штемпель?

Курт. Да, «Избирательный комитет».

Алис. Стало быть, он раскусил твою тайну. Ты, как я догадываюсь, баллотируешься в риксдаг! Вот увидишь, вместо тебя туда попадет *он!*

Курт. А у него были когда-нибудь такие планы?

Алис. Нет, зато теперь появились! Я прочитала это по его лицу, пока он разглядывал конверт.

Курт. И поэтому он едет в город?

Алис. Нет, мысль о поездке пришла ему в голову, когда он прочитал траурное объявление!

Курт. И какую же выгоду он собирается извлечь из смерти советника медицины?

Алис. Кто бы знал!.. Возможно, то был его враг, стоявший у него на пути!

Курт. Если он действительно такое чудовище, как ты утверждаешь, тогда есть все основания его бояться!

Алис. Разве ты не слышал, как он хотел обокрасть тебя, связать по рукам и ногам, вынуждая признать, что ты ему якобы обязан по гроб жизни? На самом-то деле он ведь и не думал хлопотать за тебя — наоборот, пытался помешать! Он настоящий лиходей, паразит, древесный червь, который выест тебя изнутри, оставив полую оболочку, как у гнилой сосны... Он ненавидит тебя, хотя в то же время привязан к тебе воспоминаниями о вашей юношеской дружбе...

Курт. До чего же ненависть делает тебя проницательной!

Алис. А любовь — дурой! Слепой дурой!

Курт. Фу, ну что ты такое говоришь!

Алис. Знаешь, что такое вампир?.. Это душа мертвеца, завладевающая чужим телом, чтобы паразитировать в нем. Эдгар мертв с той самой поры, когда с ним случился первый приступ! У него нет собственных интересов, он утратил себя как личность, утратил инициативу. Но стоит ему встретить какого-нибудь человека, как он вцепляется в него мертвой хваткой, выпускает свои корешки-присоски и начинает расти и цвести. Сейчас он присосался к тебе!

Курт. Я стряхну его, как только он станет опасен!

Алис. Стряхнуть репей — попробуй-ка!.. Слушай, а как по-твоему, почему он не хочет, чтобы Юдифь общалась с Алланом?

Курт. Очевидно, оберегает их чувства!

Алис. Ничего подобного!.. Он собирается выдать Юдифь замуж за... полковника!

Курт *(возмущенно)*. За этого старого вдовца?

Алис. Да!

Курт. Чудовищно!.. А Юдифь?

Алис. Если бы ей удалось выскочить за восьмидесятилетнего генерала, она бы это сделала, чтобы раздавить шестидесятилетнего полковника. Понимаешь, раздавить — такова ее цель в жизни! Топтать и давить — вот девиз их рода!

Курт. И это Юдифь? Гордая юная красавица!

Алис. Слышали, слышали!.. Можно, я сяду здесь, письмо напишу?

Курт *(освобождает письменный стол)*. Пожалуйста!

Алис *(снимает перчатки и садится за стол)*. Ну-с, испытаем свои силы в военном искусстве! Один раз, собираясь прикончить своего дракона, я потерпела поражение! Но с тех пор кое-чему научилась!

Курт. Тебе известно, что, прежде чем стрелять, нужно зарядить ружье?

Алис. Да, и боевыми патронами!

Курт выходит направо.

* * *

Алис пишет, время от времени задумываясь.

* * *

Аллан врывается в комнату, не замечая Алис, бросается плашмя на диван и, прижав к лицу кружевной платок, всхлипывает.

Алис *(понаблюдав за ним какое-то время, встает и подходит к дивану. Мягко).* Аллан!

Аллан смущенно садится, пряча носовой платок за спиной.

(Мягко, по-женски, с искренним чувством.) Не бойся меня, Аллан, я не сделаю тебе ничего плохого... Что случилось?.. Ты заболел?

Аллан. Да!

Алис. Чем?

Аллан. Не знаю!

Алис. Голова болит?

Аллан. Не-ет!

Алис. В груди? Тоска?

Аллан. Да-а!

Алис. Тоска! Тоска! И сердце готово разорваться! И ноет, ноет...

Аллан. Откуда ты знаешь?

Алис. И хочется умереть, забыться вечным сном, и все так тяжело. И думаешь только об одном... об одной... а если двое думают об одной и той же, то горе непереносимо... для одного...

Аллан, забывшись, теребит платок.

Эта болезнь неизлечима... не хочется ни пить ни есть, хочется только плакать, и ты плачешь, горько-прегорько... лучше всего где-нибудь в лесу, чтобы никто не увидел, ибо люди обычно смеются над таким горем... злые, злые люди! Ух!.. Что тебе надо от нее? Да ничего! Поцеловать? Ни в коем случае, ибо ты уверен, что в ту же секунду упадешь бездыханным. Каждый раз, уносясь мыслями к ней, ты словно бы ощущаешь дыхание смерти! И это действительно смерть, дитя, смерть, приносящая жизнь. Но этого тебе пока не понять!

Запахло фиалками! Это она! *(Приближается к Аллану и осторожно берет у него платок.)* Она, она везде, только она! Ох, ох, ох! *(Аллану не остается ничего другого, как спрятать лицо на груди Алис.)*

Бедный мальчик! Бедный мальчик! Ах, как же больно, как больно! *(Платком вытирает ему слезы.)* Ну, ну! Поплачь, поплачь, вот и славно! И на сердце полегчает!.. А теперь, Аллан, вставай — и будь мужчиной, а то она на тебя и смотреть не захочет! Бессердечная... с добрым сердцем! Она мучает тебя?.. С лейтенантом? Послушай, мой мальчик!.. Подружись с лейтенантом, и вы сможете делиться друг с другом своими переживаниями! Обычно это тоже чуть-чуть помогает!

А л л а н. Глаза б мои его не видели!

А л и с. Послушай, малыш! Вот увидишь, лейтенант сам скоро станет тебя домогаться, чтобы поговорить о ней! Потому что...

Аллан смотрит на нее с проблеском надежды.

Ну, сжалиться, сказать?

Аллан опускает голову.

Он так же несчастен, как и ты!

А л л а н *(радостно)*. Правда?

А л и с. Точно, и ему тоже бывает необходимо раскрыть кому-нибудь душу, когда Юдифь ранит его... Ты, похоже, уже заранее торжествуешь!

А л л а н. Она не собирается замуж за лейтенанта?

А л и с. И за тебя тоже, мой милый, она метит в полковницы!

Аллан вновь мрачнеет.

Опять дождь пошел?.. Ну а платок тебе придется отдать: Юдифь — девочка аккуратная, дюжина платков должна остаться дюжиной!

Аллан озадачен.

Что поделаешь, такова уж Юдифь!.. Посиди тут, я напишу еще одно письмо, а потом попрошу тебя выполнить одно поручение! *(Подходит к столу и начинает писать.)*

* * *

Лейтенант *(появляется в дверях, вид меланхолический, но без оттенка комизма. Не замечая Алис, направляется прямо к Аллану).* Адъюнкт!

Аллан встает и вытягивается в струнку.

Сидите, пожалуйста!

Алис наблюдает за ними.

Лейтенант подходит к Аллану и садится рядом. Вздыхает и, вынув точно такой же носовой платок, вытирает лоб.

Аллан жадно разглядывает платок.

Лейтенант смотрит на него печальными глазами.

Алис кашляет.

Лейтенант вскакивает и встает навытяжку.

Алис. Сидите, пожалуйста!

Лейтенант. Прошу прощения, фру!

Алис. Ничего страшного!.. Садитесь, пожалуйста, поболтайте с адъюнктом, ему здесь, на острове, немного одиноко! *(Пишет.)*

Лейтенант *(говорит с Алланом негромко, смущенно).* Невыносимая жара!

Аллан. Да, жарко!

Лейтенант. Она заковыристая!

Молчание.

Вы сегодня... *(ищет слово)* играли в теннис?

Аллан. Не-ет, на солнце слишком жарко!

Лейтенант *(с отчаянием, но без комического оттенка).* Да, невыносимая жара сегодня!

Аллан *(шепотом).* Невыносимая!

Молчание.

Лейтенант. А в море... выходили?

Аллан. Не-ет, некому сидеть на фоке!

Лейтенант. А вы могли бы... доверить это дело мне?

Аллан *(с прежней почтительностью)*. Это слишком большая честь для меня, господин лейтенант!

Лейтенант. Не надо, не надо... Если вы, адъюнкт, полагаете... что сегодня будет хороший ветер, скажем, в полдень... поскольку я освобожусь лишь в это время!

Аллан *(хитро)*. К полудню ветер стихнет, да и... у фрекен Юдифи в это время урок...

Лейтенант *(огорченно)*. Вот как! Вот как! Гм!.. А как вы полагаете...

* * *

Алис. Не отнесет ли кто-нибудь из молодых людей мое письмо?..

Аллан и лейтенант подозрительно смотрят друг на друга.

...фрекен Юдифи!

Аллан и лейтенант вскакивают и бросаются к Алис, сохраняя, однако, определенное достоинство, призванное скрыть их чувства.

Хотите оба? Ну что ж, тем надежнее будет выполнено поручение! *(Протягивает письмо лейтенанту.)* Послушайте, лейтенант, вы не отдадите мне этот платок? Моя дочь — человек бережливый! Отличается некоторой мелочностью... Давайте сюда платок!.. Я не собираюсь вас вышучивать, но не выставляйте себя на посмешище... без надобности. Да и полковнику не понравится роль Отелло! *(Берет платок.)* Идите, молодые люди, и постарайтесь по возможности не показывать своих чувств!

Лейтенант с поклоном уходит, за ним по пятам следует Аллан.

* * *

Алис *(кричит)*. Аллан!

Аллан (с *видимой неохотой останавливается в дверях)*. Да, тетя!

Алис. Не ходи! Если не хочешь причинить себе боли больше, чем ты в силах вынести!

Аллан. Но он-то пошел!

Алис. Пусть обожжется! А ты остерегись!

Аллан. Не хочу!

Алис. Тогда дело кончится слезами! И мне же придется тебя утешать!

Аллан. Я все равно пойду!

Алис. Ну иди! А потом возвращайся, дуралей эдакий, и тогда уж я над тобой посмеюсь!

Аллан бежит за лейтенантом.

* * *

Курт *(входит)*. Алис, у меня неспокойно на душе — я получил анонимное письмо!

Алис. Ты заметил, что Эдгар, сняв форму, стал другим человеком? Никогда не думала, что шинель имеет такое важное значение!

Курт. Ты не ответила на мой вопрос!

Алис. Это был не вопрос! А информация! Чего ты боишься?

Курт. Всего!

Алис. Он уехал в город! Его поездки в город добром не кончаются!

Курт. Но я ничего не могу предпринять, поскольку не знаю, откуда ждать удара!

Алис *(складывает письмо)*. Увидим, верно ли я догадалась!..

Курт. Так ты мне поможешь?

Алис. Помогу!.. Но не больше, чем того позволят мои собственные интересы! Мои, то есть интересы моих детей!

Курт. Понятно!.. Слышишь, какая тишина кругом? В природе, на море, везде!

Алис. Но в этой тишине я различаю голоса... бормотание, крики!

Курт. Тихо! Я тоже что-то слышу!.. Нет, это просто чайки!

Алис. А я слышу другое!.. Ну, я иду на почту — вот с этим письмом!

Занавес

Та же декорация. Аллан сидит за письменным столом и занимается, Юдифь стоит в дверях, в соломенной шляпке и с велосипедным рулем в руках.

Юдифь. Гаечный ключ не дашь?

Аллан *(не поднимая глаз)*. Не дам!

Юдифь. Грубишь, и все потому, что я увязалась за тобой!

Аллан *(без тени недоброжелательства)*. И вовсе не грублю, просто хочу, чтобы меня оставили в покое!

Юдифь *(приближается)*. Аллан!

Аллан. Ну что тебе?

Юдифь. Пожалуйста, не злись на меня!

Аллан. А я и не злюсь!

Юдифь. Тогда дай мне руку!

Аллан *(мягко)*. Руки я тебе не подам, но я не злюсь, честное слово!.. Чего тебе, собственно, надо от меня?

Юдифь. Дурак ты!

Аллан. Ну и пусть!

Юдифь. По-твоему, я всего лишь злючка!

Аллан. Вовсе нет, я ведь знаю, что ты бываешь и доброй! Можешь быть доброй.

Юдифь. Но не я же виновата... что... вы с лейтенантом льете слезы в лесу. С чего бы это, а?

Аллан смущен.

Ну скажи... Я вот никогда не плачу. И с чего бы вас теперь водой не разлить?.. О чем вы говорите, гуляя под руку?..

Аллан безмолвствует.

Аллан! Ты скоро увидишь, какая я, увидишь, что я умею драться за тех, кто мне дорог!.. И хочу дать тебе совет... хоть и не люблю сплетничать!.. Будь готов!

Аллан. К чему?

Юдифь. К неприятностям!

Аллан. С какой стороны?

Юдифь. С той, откуда ты их меньше всего ждешь!

Аллан. Я, в общем-то, привык к передрягам, мне в жизни несладко пришлось... что же предстоит сейчас?

Юдифь *(задумчиво)*. Бедный мальчик!.. Дай мне руку!

Аллан протягивает руку.

Посмотри мне в глаза!.. Не осмеливаешься?

Аллан поспешно выходит налево, желая скрыть волнение.

* * *

Лейтенант *(входит в двери задника)*. Простите! Я думал, что адъюнкт...

Юдифь. Послушайте, лейтенант, хотите быть моим другом и наперсником?

Лейтенант. Если фрекен окажет мне честь...

Юдифь. Конечно!.. Только одна просьба!.. Не оставляйте Аллана, когда придет беда!

Лейтенант. Какая беда?

Юдифь. Скоро узнаете, может даже сегодня!.. Вам нравится Аллан?

Лейтенант. Этот юноша мой лучший ученик, и, кроме того, я высоко ценю его за силу характера... Да, в жизни бывают моменты, когда требуются *(с ударением)* силы, чтобы нести, терпеть, страдать, одним словом.

Юдифь. Получилось больше одного слова!.. Значит, вам дорог Аллан?

Лейтенант. Да!

Юдифь. Тогда пойдите разыщите его и побудьте с ним...

Лейтенант. Я за тем и пришел, только за этим! Другой цели у меня не было!

Юдифь. А я не предполагала ничего такого — того, что вы имеете в виду!.. Аллан ушел туда. *(Показывает налево.)*

Лейтенант *(идет налево, но видно, что он тянет время)*. Хорошо... я сделаю. Как вы велите!

Юдифь. Пожалуйста!

* * *

Алис *(появляется в дверях задника)*. Что ты тут делаешь?

Юдифь. Пришла одолжить гаечный ключ!

Алис. Не уделишь мне минутку?

Юдифь. Разумеется!

Алис садится на диван.

(Продолжает стоять.) Только давай побыстрее. Не люблю длинных докладов.

Алис. Докладов?.. Ну ладно! Уложи волосы и надень длинное платье.

Юдифь. Это еще почему?

Алис. Потому что ты уже не ребенок! И слишком юна, чтобы кокетством убавлять себе годы!

Юдифь. Что это все означает?

Алис. Что ты созрела для замужества! И твой наряд неприличен!

Юдифь. Ладно, будь по-твоему!

Алис. Стало быть, ты поняла?

Юдифь. Вполне!

Алис. И согласна со мной?

Юдифь. Абсолютно!

Алис. По всем пунктам!

Юдифь. Даже по самому болезненному!

Алис. Не могла ли бы ты одновременно перестать играть... с Алланом?

Юдифь. То есть перестроиться на серьезный лад?

Алис. Да!

Юдифь. Ну так сразу и начнем. *(Отложив в сторону руль, опускает подол юбки, косу укладывает на*

затылке корзиной и, вынув шпильку из материных волос, скрепляет ею прическу.)

Алис. В чужом доме туалет делать не принято!

Юдифь. Ну как, хорошо?.. Тогда я готова! Кто смелый, подходи!

Алис. Теперь ты хоть прилично выглядишь!.. И оставь в покое Аллана!

Юдифь. Не понимаю, что ты имеешь в виду?

Алис. Разве ты не видишь, как он страдает?..

Юдифь. Да вроде бы заметила, только не знаю почему. Я ведь не страдаю!

Алис. В этом твоя сила! Но погоди, в один прекрасный день... о, ты почувствуешь сполна... А сейчас иди домой и не забудь — на тебе длинное платье.

Юдифь. А что, тогда и ходить надо по-другому?

Алис. Попробуй!

Юдифь *(пробует двигаться как настоящая дама)*. Ах! У меня на ногах колодки, я в силках, я больше не могу бегать!

Алис. Да, дитя мое, пришло время перейти на шаг, вступить на долгий путь навстречу неведомому, о котором ты знала и раньше, но которое была вынуждена не замечать!.. Короче шаг и помедленнее, еще медленнее! Детские туфли на помойку, теперь ты наденешь ботинки, Юдифь!.. Ты-то забыла, когда сменила пинетки на туфли, а я помню!

Юдифь. Я этого не вынесу!

Алис. Никуда не денешься! Придется!

Юдифь *(подходит к матери, легко прикасается губами к ее щеке и чинно, как настоящая дама, выходит, забыв руль)*. Пока!

* * *

Курт *(входит справа)*. Ты уже здесь?

Алис. Ага!

Курт. Он вернулся?

Алис. Угу!

Курт. И в каком виде?

Алис. При параде!.. Следовательно, был у полковника. С двумя орденами на груди.

Курт. С двумя?.. Про орден Меча я знаю — он его получил, выйдя в отставку. А второй какой?

Алис. Я в них не разбираюсь — белый крест на красном фоне.

Курт. Португальский, стало быть!.. Дай-ка подумать!.. Слушай!.. Его журнальные статьи ведь были о карантинных постах в португальских портах, верно?

Алис. Вроде бы, если мне не изменяет память!

Курт. И он никогда не был в Португалии?

Алис. Никогда!

Курт. Зато я там был!

Алис. А зачем было откровенничать? У него хороший слух и прекрасная память!

Курт. Уж не Юдифи ли он обязан этим орденом, а?

Алис. Ну, знаешь!.. Всему есть предел!.. *(Встает.)* И ты его перешел!

Курт. Будем ссориться?

Алис. Зависит от тебя! Не задевай моих интересов!

Курт. Приходится, когда они пересекаются с моими, хоть с оглядкой... Вон он идет!

Алис. Сейчас все и произойдет!

Курт. Что... произойдет?

Алис. Увидим!

Курт. Хоть бы он перешел наконец в наступление, а то это осадное положение действует мне на нервы! У меня на острове не осталось ни одного друга!

Алис. Подожди!.. Садись вот сюда, сбоку... он наверняка устроится в кресле, а я буду тебе суфлировать!

* * *

Капитан *(появляется из дверей задника, в парадном мундире с орденом Меча и португальским ор-*

деном Христа на груди). Добрый день!.. Тут, как я погляжу, место встреч!

Алис. Ты устал! Садись!

Капитан усаживается вопреки ожиданиям слева на диване.

Устраивайся поудобнее!

Капитан. Мне и здесь хорошо!.. Больно уж ты любезна!

Алис *(Курту).* Будь начеку, он подозревает нас!

Капитан *(недовольно).* Что ты сказала?

Алис *(Курту).* Он, похоже, выпил.

Капитан *(грубо).* Ничего подобного!

Молчание.

Ну-у?.. Чем вы тут развлекались!

Алис. А ты?

Капитан. Смотришь на мои ордена?

Алис. Не-ет!

Капитан. Ясное дело... завидуешь... Вообще-то, с наградами принято поздравлять!

Алис. Прими наши поздравления!

Капитан. Нас удостаивают вот такими, вместо лавровых венков, как актрис!

Алис. Ну вот, добрались и до моих лавровых венков...

Капитан. Которые тебе преподнес твой брат...

Алис. Замолчи!

Капитан. И которым я четверть века был вынужден поклоняться!.. И на разоблачение которых мне понадобилось тоже четверть века!

Алис. Ты встречался с моим братом?

Капитан. Не раз!

Алис подавлена.

Молчание.

Ну, Курт! Что-то ты молчишь!

Курт. Я жду!

Капитан. Слышал великую новость?

Курт. Нет!

Капитан. Да, не радует меня роль человека, вынужденного сообщить...

Курт. Да говори же!

Капитан. Содовая фабрика разорилась!

Курт. Чертовски неприятно!.. Что же с тобой теперь будет?!

Капитан. Со мной все в порядке, я вовремя продал акции.

Курт. Правильно сделал!

Капитан. Ну а с тобой-то как?

Курт. Скверно!

Капитан. Сам виноват! Надо было вовремя продать или купить новые акции.

Курт. Я и их бы потерял.

Капитан. Ну нет! Ведь тогда компания бы устояла!

Курт. Не компания, а правление, и выпуск новых акций в моих глазах был просто сбором средств для дирекции!

Капитан. Ну и что, спасет тебя сейчас такая точка зрения, позволь спросить?

Курт. Не спасет, я все теряю!

Капитан. Все!

Курт. И дом, и мебель!

Капитан. Кошмар!

Курт. У меня в жизни случались вещи и похуже!

Молчание.

Капитан. Вот так и бывает, когда за работу берутся дилетанты.

Курт. Ты меня удивляешь, ведь тебе прекрасно известно, что, не купи я акций, мне бы объявили бойкот... Приработок для прибрежных жителей, труженики моря, неисчерпаемые капиталы, неисчерпаемые, как океан... филантропия и национальный доход... Вот что вы писали и печатали!.. А теперь ты называешь это работой!

Капитан *(невозмутимо)*. Что ты собираешься делать?

Курт. По-видимому, пустить все с молотка!

Капитан. Правильно!

Курт. Что ты имеешь в виду?

Капитан. То, что сказал!.. Видишь ли *(медленно)*, здесь намечаются некоторые перемены...

Курт. Здесь, на острове?

Капитан. Да!.. Ну вот, например... твою казенную квартиру заменят на другую, поскромнее.

Курт. Вот как!

Капитан. Да, карантинный пост предполагается перевести на оконечность острова, к воде!

Курт. Моя первоначальная идея!

Капитан *(сухо)*. Об этом мне ничего не известно... С твоими идеями по этому вопросу я незнаком!.. Между прочим... будет весьма кстати, если ты избавишься от мебели немедленно, тогда скандал привлечет меньше внимания!

Курт. Что?

Капитан. Скандал! *(Сердито.)* Потому что это скандал — приехать на новое место и тотчас же позволить себе запутаться в делах, тем самым навлекая неприятности на родственников... в первую очередь на родственников!

Курт. Неприятности в первую очередь грозят мне!

Капитан. Вот что я тебе скажу, мой дорогой Курт: если бы в этом деле я не был на твоей стороне, ты бы лишился места.

Курт. И места тоже!

Капитан. Тебе недостает аккуратности!.. На тебя поступили жалобы по службе!

Курт. Обоснованные?

Капитан. Да-с! Ибо ты — при всех твоих прочих заслуживающих уважения качествах — шалопай! Не перебивай меня — большой шалопай!

Курт. Удивительно!

Капитан. Кстати! Упомянутые перемены произойдут, по всей видимости, в самом ближайшем будущем! И я бы посоветовал тебе либо устроить аукцион незамедлительно, либо попытаться продать частным образом.

Курт. Частным образом? Где же я найду здесь покупателя?

Капитан. Ты, надеюсь, не думаешь, что я рассядусь на твоей мебели? Красивая получилась бы история... *(С расстановкой.)* Особенно учитывая... то, что было... однажды...

Курт. Что именно?.. Ты хочешь сказать — то, чего не было?

Капитан *(поворачивается)*. Что это Алис примолкла? Что с тобой, старушка? Ты не в настроении!

Алис. Да, вот сижу, думаю...

Капитан. О Господи! Ты — думаешь? Только, чтоб была польза, надо думать быстро, безошибочно и прозорливо!.. Ну, думай! Раз, два, три!.. Ха-ха! Не можешь!.. Ладно, тогда мне придется!.. Где Юдифь?

Алис. Где-то там!

Капитан. А Аллан?

Алис молчит.

Где лейтенант?

Алис молчит.

Послушай, Курт! Что ты собираешься делать с Алланом?

Курт. Делать?

Капитан. Ну да, тебе же не по карману теперь оставлять его в артиллерии?

Курт. Вероятно!

Капитан. Пристрой его в пехоту подешевле, в Норланде или еще где.

Курт. В Норланде?

Капитан. Ну да! А может, просто-таки подыскать ему работу!.. Я бы на твоем месте засадил его в контору!.. Почему бы нет?

Курт молчит.

В наши-то просвещенные времена! Да-с!.. Алис молчалива, как никогда!.. Да, дети мои, это и есть качели жизни — то взлетаешь наверх и самонадеянно взираешь на все окружающее, то летишь вниз, а потом снова вверх! И так далее! Так-то вот!.. *(Алис.)* Ты что-то сказала?

Алис качает головой.

У нас, возможно, через несколько дней будут гости!

Алис. Ты мне?

Капитан. У нас, возможно, через несколько дней будут гости! Важные гости!

Алис. Кто же?

Капитан. Ага! Интересно стало!.. Посиди да погадай, кто бы это мог быть, а между делом перечитай вот это письмо, еще раз! *(Протягивает ей распечатанное письмо.)*

Алис. Мое письмо? Вскрытое? С почты?

Капитан. Будучи главой семьи и твоим опекуном, я блюду интересы семьи и железной рукой пресекаю любые попытки с помощью преступной переписки разрушить семейные узы! Да-с!

Алис подавлена.

Я еще не умер, слышишь, но ты пока не кипятись, ибо именно сейчас я намерен вытащить нас всех из незаслуженного унижения, незаслуженного, по крайней мере, с моей стороны!

Алис. Юдифь! Юдифь!

Капитан. И Олоферн?.. Это я, что ли? Пафф! *(Выходит в дверь задника.)*

* * *

Курт. Что это за человек?

Алис. Почем я знаю!

Курт. Мы разбиты наголову!

Алис. Да!.. Сомнений быть не может!

Курт. Меня он слопал, но так искусно, что я не могу его ни в чем обвинить.

Алис. Обвинить? Напротив, ты ему обязан по гроб жизни.

Курт. Ведает ли он, что творит?

Алис. Не думаю. Он слепо следует своей природе и своим инстинктам и, похоже, сейчас получил подкрепление, которое поможет ему обернуть неудачу в удачу.

Курт. Гость, очевидно, полковник.

Алис. По всей видимости! Посему Аллана необходимо удалить!

Курт. Ты тоже находишь, что так надо?

Алис. Ага!

Курт. В таком случае наши пути расходятся!

Алис *(собралась уходить)*. Чуть-чуть!.. Но мы наверняка встретимся вновь!

Курт. Вероятно!..

Алис. И знаешь где?

Курт. Здесь!

Алис. Догадался?

Курт. Это было нетрудно! Он заберет квартиру и скупит мебель!

Алис. Я тоже так думаю! Только не бросай меня!

Курт. Не за такую же малость!

Алис. Всего хорошего! *(Уходит.)*

Курт. Всего хорошего!

Занавес

Та же декорация, но на дворе пасмурно, идет дождь. В дверь задника входят Алис и Курт в плащах и с зонтиками.

Алис. Вот ты и пришел сюда!.. Курт, надо не иметь сердца, чтобы говорить тебе «добро пожаловать» в твоем собственном доме...

Курт. Ну почему же? Я прошел через многое — трижды описывали имущество... и еще всякое было... Мне все равно!

Алис. Это он тебя сюда пригласил?

Курт. Вернее сказать, вызвал официально, только не понимаю, на каком основании!

Алис. Он ведь тебе не начальник?

Курт. Нет, но здесь, на острове, он устроился как король! А в ответ на любую попытку сопротивления козыряет именем полковника, и перед ним склоняется все и вся!.. Послушай, полковник приезжает сегодня?

Алис. Его ждут — но наверняка я не знаю!.. Садись!

Курт. Здесь все по-старому!

Алис. Не думай об этом! Не береди ран!

Курт. Ран? Просто мне все это кажется немного странным! Странным, как и этот человек!.. А знаешь, тогда, в молодости, я, как только с ним познакомился, начал его избегать... А он не отставал. Льстил, оказывал разные услуги, привязывал меня к себе... Мои неоднократные попытки сбежать не увенчались успехом... И вот теперь я его раб!

Алис. Но почему?! Ведь это он должен тебе, а в должниках ходишь ты!

Курт. Когда я разорился, он предложил помочь Аллану с экзаменом...

Алис. Это тебе дорого обойдется!.. Ты по-прежнему собираешься баллотироваться в риксдаг?

Курт. Да, не вижу к тому никаких препятствий!

Молчание.

Алис. Аллан и впрямь сегодня уезжает?

Курт. Да! Если я не сумею этому помешать!

Алис. Счастье было недолгим!

Курт. Недолгим, как и все остальное, кроме самой жизни, длинной до ужаса!

Алис. Не говори!.. Давай пройдем в салон, подождем там? Тебе, может, и ничего, а для меня это мучительно — вся эта обстановка!

Курт. Как тебе будет угодно!

Алис. Мне стыдно, так стыдно, что хочется умереть... но я ничего не могу поделать!

Курт. Тогда пошли! Твое желание — закон!

Алис. Кстати, сюда идут! *(Уходят налево.)*

* * *

В двери задника входят Капитан и Аллан в мундирах и шинелях.

Капитан. Садись, мой мальчик, мне надо с тобой поговорить! *(Усаживается в кресло.)*

Аллан садится на стул слева.

Дождь идет, а то отсюда хорошо любоваться морем.

Молчание.

Ну-у?.. Не хочется уезжать?

Аллан. Отца жалко оставлять!

Капитан. Да, твой отец! Несчастный все-таки человек!

Молчание.

Вообще-то, родители редко понимают, в чем состоит благо их детей! То есть — бывают и исключения! Гм! Послушай-ка, Аллан! Ты общаешься с матерью?

Аллан. Да, она изредка пишет!

Капитан. Ты знаешь, что она твой опекун?

Аллан. Знаю!

Капитан. Слушай, Аллан! А знаешь ли ты, что твоя мать уполномочила меня принимать решения вместо нее?

Аллан. Этого я не знал!

Капитан. Ну, теперь будешь знать! И по этой причине дискуссия по поводу твоей карьеры окончена!.. Стало быть, едешь в Норланд?

Аллан. Но у меня нет денег.

Капитан. Я достал!

Аллан. В таком случае мне остается лишь поблагодарить тебя, дядя!

Капитан. Ты — благодарный юноша, да... в отличие от некоторых! Гм!.. *(Повышает голос.)* Полковник... ты знаком с полковником?

Аллан *(растерянно)*. Нет, не знаком.

Капитан. Пол-ков-ник *(с ударением)* — мой ближайший друг *(начинает говорить быстрее)*, как тебе известно! Гм! Полковник соблаговолил заинтересоваться делами моей семьи, включая родственников моей жены. При посредничестве полковника удалось раздобыть средства, требуемые для окончания твоего курса!.. Теперь тебе известно, что связывает тебя и твоего отца... с полковником!.. Я выразился достаточно ясно?

Аллан кланяется.

Тогда иди и собери вещи! Деньги получишь у трапа! Ну, прощай, мой мальчик! *(Протягивает палец.)* Прощай! *(Встает и уходит направо.)*

* * *

Аллан один, грустным взглядом обводит комнату.

Юдифь *(появляется в дверях задника в капюшоне и с зонтиком, в остальном же одета изысканно — в длинном платье, волосы уложены в прическу)*. Да неужели это Аллан?

Аллан *(оборачивается, внимательно разглядывает Юдифь)*. Да неужели это Юдифь?

Юдифь. Не узнаешь? Где ты пропадал так долго?.. На что это ты уставился?.. На мое длинное платье... и прическу? Ты же еще не видел!..

Аллан. Не-ет!

Юдифь. Что, выгляжу настоящей дамой?

Аллан отворачивается.

(Серьезно.) Что ты делаешь здесь?

Аллан. Прощался!

Юдифь. Как?! Ты... уезжаешь?

Аллан. Меня переводят в Норланд.

Юдифь *(подавленно)*. В Норланд?.. Когда ты едешь?

Аллан. Сегодня!

Юдифь. Чья это идея?

Аллан. Твоего отца!

Юдифь. Так я и думала! *(Ходит взад-вперед, топая ногой.)* Ах, если бы ты мог остаться хоть на сегодня!

Аллан. Чтобы столкнуться с полковником!

Юдифь. Что ты знаешь о полковнике?.. А ехать обязательно?

Аллан. У меня нет другого выбора! Да теперь я и сам этого хочу!

Молчание.

Юдифь. Почему?

Аллан. Хочу выбраться отсюда! В большой мир!

Юдифь. Здесь нечем дышать! Да, я понимаю тебя, Аллан, здесь невыносимо!.. Одни спекуляции — содой и людьми!

Молчание.

(С искренним волнением.) Аллан, у меня, как тебе известно, счастливый характер — мне были неведомы страдания... но... теперь я, кажется, начинаю сознавать, что это такое!

Аллан. Ты?

Юдифь. Да!.. Начинаю! *(Прижимает руки к груди.)* О, как я страдаю! О!..

Аллан. Что с тобой?

Юдифь. Не знаю!.. Я задыхаюсь! По-моему, я умираю!

Аллан. Юдифь?

Юдифь *(кричит)*. О!.. Так *вот* что это такое! Это же... бедные мальчики!

Аллан. Будь я столь же жесток, как ты, рассмеялся бы!

Юдифь. Я не жестокая, просто ничего не понимала! Не уезжай!

Аллан. Я должен!

Юдифь. Хорошо, поезжай!.. Только оставь мне что-нибудь на память!

Аллан. Что я могу тебе дать?

Юдифь *(с глубокой искренней болью)*. Аллан... Нет, я этого не перенесу! *(Кричит, держась за грудь.)* Какая мука, какая боль!.. Что ты со мной сделал?.. Не хочу больше жить!.. Аллан, не уезжай, не уезжай один! Давай вместе, возьмем шлюп, наш белый маленький шлюп, — и выйдем в море, закрепим шкоты — ветер хороший... и шлюп опрокинется — там, далеко, где нет водорослей и медуз... А? Что скажешь?.. Только вот надо было вчера выстирать паруса — они должны быть белее снега... в этот миг я хочу видеть белое... и ты будешь плыть, обнимая меня одной рукой, пока не устанешь... и тогда мы пойдем ко дну... *(Поворачивается.)* Разве не благородно? Намного благороднее, чем лить слезы да тайком писать письма, которые отец будет вскрывать и высмеивать! Аллан! *(Хватает его за руки и тормошит.)* Слышишь?

Аллан *(смотрит на нее горящими глазами)*. Юдифь! Юдифь! Где же ты была раньше?

Юдифь. Я же не знала, как же я могла говорить то, чего не знала?

Аллан. А теперь я вынужден покинуть тебя!.. Ну да, пожалуй, это единственный и самый лучший выход!.. Где уж мне тягаться с человеком, который...

Юдифь. Ни слова о полковнике!

Аллан. Разве это неправда?

Юдифь. Правда... и неправда!

Аллан. А совсем неправдой может быть?

Юдифь. Да, теперь будет! Через час!

Аллан. Ты сдержишь слово? Я могу ждать, могу терпеть, могу работать!.. Юдифь!

Юдифь. Не уходи еще!.. Сколько мне ждать?

Аллан. Один год!

Юдифь *(ликующе)*. Всего один? Я буду ждать тысячу лет, а если ты и тогда не появишься, переверну небесный свод задом наперед, так что солнце начнет всходить на западе... Тсс, кто-то идет!.. Аллан, настал миг разлуки... Тихо! Обними меня!

Обнимаются.

Нет, не целуй! *(Отворачивает лицо.)* Ну, иди! Иди же!

Аллан идет к двери и берет шинель. После чего они бросаются друг другу в объятия, и Юдифь целиком исчезает в его шинели. На мгновение их губы сливаются в поцелуе. Аллан выбегает. Юдифь, всхлипывая, бросается плашмя на диван.

Вновь вбегает Аллан и падает на колени возле дивана.

Аллан. Не могу! Нет сил оставить тебя, теперь, теперь!

Юдифь *(поднимается)*. Если бы ты знал, как ты сейчас прекрасен, если бы видел!

Аллан. Молчи, разве может мужчина быть прекрасным! А вот ты, Юдифь! Ты... ты... Ты сделалась милой и доброй, и я разглядел в тебе другую Юдифь... мою Юдифь!.. Но если ты меня обманешь, я не переживу!

Юдифь. По-моему, я все-таки умираю!.. О, умереть бы сейчас, когда меня переполняет счастье!..

Аллан. Кто-то идет!

Юдифь. Пусть их! Я ничего на свете больше не боюсь! Просто хочу, чтоб ты укрыл меня под своей шинелью. *(Понарошку прячется под шинель.)* И я по-

лечу с тобой в Норланд. Что будем делать в Норланде? Станем егерем... таким вот, с пером на шляпе... весьма изящно, и тебе пойдет. *(Ерошит ему волосы.)*

Аллан целует ей кончики пальцев, один за другим, потом целует ее ботинок.

Что ты делаешь, юный безумец? Губы же измажешь! *(Порывисто встает.)* И я не смогу поцеловать тебя на прощание!.. Я иду с тобой!

Аллан. Нет-нет, меня посадят под арест!

Юдифь. Я и под арест с тобой пойду!

Аллан. Тебе не позволят!.. Все, пора расставаться!

Юдифь. Я поплыву за пароходом... а ты прыгнешь в воду и спасешь меня, о тебе напишут в газете, и мы сможем обручиться! Давай, а?

Аллан. Ты еще способна шутить?

Юдифь. Наплакаться всегда успею!.. Прощай же!..

Бросаются друг другу в объятия, после чего Аллан выходит в двери задника, которые остаются распахнутыми, они обнимаются за порогом, под дождем.

Аллан. Ты промокнешь! Юдифь!

Юдифь. Плевать!

Они отрываются друг от друга. Аллан уходит, Юдифь, махая платком, стоит на дожде, ветер треплет ее волосы и одежду. Потом влетает в комнату и бросается на диван, зарывшись лицом в руки.

* * *

Алис *(входит, подбегает к Юдифи)*. В чем дело?.. Ты заболела?.. Ну-ка встань, дай я на тебя посмотрю!

Юдифь встает.

(Пристально разглядывает ее.) Ты вовсе не больна!.. Но утешать тебя я не намерена! *(Выходит направо.)*

* * *

В дверях задника появляется лейтенант.

Юдифь *(вскакивает, надевает плащ с капюшоном)*. Пожалуйста, лейтенант, проводите меня до телеграфа!

Лейтенант. Если я могу быть вам полезен... но мне кажется, это не совсем прилично!

Юдифь. Тем лучше! Именно это и требуется — вы должны меня скомпрометировать... только не питайте никаких иллюзий!.. Идите вперед! *(Выходят в дверь задника.)*

* * *

Справа входят Капитан и Алис, Капитан в полевой форме.

Капитан *(усаживается в кресло)*. Впусти его!

Алис идет налево, открывает дверь, потом садится на диван.

Курт *(появляется из левой двери)*. Ты хотел со мной поговорить?

Капитан *(дружелюбно, но несколько снисходительно)*. Да, хочу сказать тебе кое-что весьма важное!.. Садись!

Курт *(садится на стул слева)*. Я весь превратился в слух!

Капитан. Ну-с!.. *(Вещает.)* Как тебе известно, карантинное дело у нас вот уже скоро как сто лет находится в полном упадке... гм!..

Алис *(Курту)*. Речь кандидата в риксдаг!

Капитан. ...но, учитывая неслыханный современный прогресс в...

Алис *(Курту)*. В области коммуникаций, разумеется!

Капитан. ...во всевозможных областях, правительство рассматривает меры по его развитию. С этой целью медицинское управление назначило инспекторов... И!..

Алис *(Курту)*. Диктует...

Капитан. Ты должен об этом узнать, и чем раньше, тем лучше! Я назначен инспектором по карантину!

Молчание.

Курт. Прими мои поздравления... и считай, что первый визит я тебе уже нанес!

Капитан. Наши личные отношения по причине существующих семейных уз остаются неизменными! К-кстати, совсем о другом! Твой сын Аллан по моей просьбе переведен в пехотный полк в Норланде!

Курт. Но я против!

Капитан. Желание матери в данном случае важнее твоего... и я принял означенное решение, исходя из данных мне матерью полномочий!

Курт. Я восхищаюсь тобой!

Капитан. Это все, что ты испытываешь в минуту, когда тебе предстоит разлука с сыном? Никаких других, чисто человеческих чувств у тебя нет?

Курт. По-твоему, я должен был бы страдать?

Капитан. Вот именно!

Курт. Мои страдания доставили бы тебе большое удовольствие. Ведь тебе хочется увидеть, как я страдаю?

Капитан. А ты разве способен на это?.. Однажды со мной случился приступ, а ты при сем присутствовал... и, насколько я помню, твое лицо выражало лишь неподдельную радость!

Алис. Неправда! Курт тогда всю ночь провел у твоей постели, утешал тебя по мере сил, когда муки совести становились невыносимыми... но, поправившись, ты и думать забыл о благодарности...

Капитан *(не обращая внимания на Алис)*. Итак, Аллан нас покидает!

Курт. Кто же оплатит расходы?

Капитан. Я об этом уже позаботился, вернее, мы — консорциум, проявивший интерес к судьбе молодого человека!

Курт. Консорциум!

Капитан. Вот именно!.. И дабы у тебя не было сомнений, что все сделано честь по чести, взгляни на эти списки. *(Передает бумаги.)*

Курт. Списки? *(Читает.)* Да ведь это подписные листы!

Капитан. Называй так!

Курт. Ты клянчил деньги для моего сына?

Капитан. Неблагодарный, как всегда!.. Нет для земли тяжелей ноши, чем неблагодарный человек!

Курт. Так это же для меня гражданская смерть!.. И на моей кандидатуре можно поставить крест!

Капитан. Кандидатуре куда?

Курт. В риксдаг!

Капитан. Да неужто ты мог всерьез об этом мечтать?! Тем более — и тебе бы следовало об этом догадаться,— что я, как прослуживший здесь дольше всех, намерен выставить свою собственную кандидатуру, которую ты, судя по всему, недооценил!

Курт. Так! Значит, и этому конец!

Капитан. Тебя, похоже, это не слишком трогает!

Курт. Теперь ты забрал все! Угодно еще что-нибудь?

Капитан. А у тебя есть что-то еще? И есть в чем меня упрекнуть? Подумай хорошенько, можешь ли ты в чем-нибудь меня упрекнуть.

Молчание.

Курт. Строго говоря, не в чем! Все правильно, все законно, как принято среди честных граждан!..

Капитан. В твоих словах слышится смирение, которое я бы назвал циничным. Но ты циник по природе, мой милый Курт, и моментами меня одолевает искушение согласиться с Алис — ты лицемер, первостатейный лицемер!

Курт *(спокойно)*. Алис так считает?

Алис *(Курту)*. Когда-то считала! Но теперь уже нет, ведь чтобы вынести то, что вынес ты, требуется истинное мужество... или что-то иное, но не лицемерие!

Капитан. Полагаю, дискуссию можно считать оконченной. Иди, Курт, попрощайся с Алланом — он уезжает следующим пароходом!

Курт *(встает)*. Уже?.. Ну что ж! У меня в жизни бывали вещи и похуже!

Капитан. Ты так часто это повторяешь, что меня начинает разбирать любопытство — что за делишки были у тебя в Америке?

Курт. Делишки? Меня преследовали несчастья! У каждого есть неоспоримое право попасть в беду.

Капитан *(резко)*. В беду нередко попадают по собственной вине, с тобой именно это произошло?

Курт. Вопрос совести!

Капитан *(отрывисто)*. У тебя есть совесть?

Курт. На свете существуют волки и овцы, и быть овцой не делает человеку чести! Но, по мне, лучше уж овцой, чем волком!

Капитан. Тебе не известна старая истина, что каждый — кузнец своего счастья?

Курт. А это и впрямь истина?

Капитан. И не известно, что собственные силы...

Курт. Известно, после той самой ночи, когда твои силы тебе изменили и ты грохнулся на пол!

Капитан *(повышает голос)*. Твой покорный слуга, заслуженный человек... да-да, вот он я... все свои пятьдесят лет сражался... с целым миром, и в конце концов победил — благодаря упорству, преданности, энергии и... честности!

Алис. Предоставь другим говорить о тебе подобные вещи!

Капитан. Они этого не скажут, потому что завидуют! Кстати!.. У нас ожидаются гости! Моя дочь Юдифь сегодня встречается со своим будущим супругом... Где Юдифь?

Алис. Гуляет!

Капитан. Под дождем?.. Вели ее позвать!

Курт. Я могу идти?

Капитан. Нет, погоди!.. Юдифь одета? Прилично?

Алис. Более или менее... Полковник твердо обещал приехать?

Капитан. Да... вернее, он собирается, так сказать, нагрянуть неожиданно!.. Я жду от него телеграмму... в любую минуту! *(Идет направо.)* Сейчас вернусь!

* * *

Алис. Ну, видел? Разве это человек!

Курт. Когда ты задала мне этот вопрос в прошлый раз, я ответил «нет»! Теперь же я думаю, что он зауряднейший из тех, кто «наследует землю»... Может, и мы в чем-то такие же? Используем людей и благоприятные обстоятельства!

Алис. Он живьем сожрал тебя и твоих близких... и ты его защищаешь?

Курт. У меня в жизни бывали вещи и похуже... Но этот людоед оставил нетронутой мою душу — не сумел проглотить!

Алис. Какие же вещи «похуже» с тобой бывали?

Курт. И это спрашиваешь ты?..

Алис. Грубишь?

Курт. Нет, мне очень не хочется грубить, поэтому... никогда больше не задавай этого вопроса!

* * *

Капитан *(появляется из правой двери)*. Кстати, вот и телеграмма!.. Будь добра, Алис, прочитай, я что-то совсем плохо стал видеть!.. *(Тяжело опускается в кресло.)* Читай!.. Можешь послушать, Курт!

Алис, быстро пробежав глазами телеграмму, явно ошеломлена.

Ну что? Не нравится?

Алис молчит, не сводя глаз с Капитана.

(С иронией.) И от кого же она?

Алис. От полковника!

Капитан *(довольно)*. Так я и думал!.. Что же он пишет?

Алис. Ну, слушай: «В связи с дерзким телефонным звонком фрекен Юдифи считаю наши отношения разорванными — навсегда!» *(Пристально смотрит на Капитана.)*

Капитан. Еще раз! Пожалуйста!

Алис *(громко читает)*. «В связи с дерзким телефонным звонком фрекен Юдифи считаю наши отношения разорванными — навсегда!»

Капитан *(побледнев)*. Это Юдифь!

Алис. А вот и Олоферн!

Капитан. А кто же ты?

Алис. Скоро узнаешь!..

Капитан. Это твоих рук дело!

Алис. Нет!

Капитан (в *бешенстве)*. Это твоих рук дело!

Алис. Нет!

Капитан пытается встать и вытащить саблю, но, настигнутый апоплексическим ударом, валится обратно.

Так тебе и надо!

Капитан *(по-старчески слезливо)*. Не злись! Мне очень плохо!

Алис. Неужели! Рада слышать!

Курт. Давай отнесем его в кровать!

Алис. Нет, не желаю к нему притрагиваться! *(Звонит.)*

Капитан *(таким же голосом)*. Не сердитесь на меня! *(Курту.)* Позаботься о моих детях!

Курт. Бесподобно! Моих детей он похитил, а я о его заботиться должен!

Алис. Какое самоослепление!

Капитан. Позаботься о моих детях! *(Речь его переходит в неразборчивое заикание.)* Бла-бла-бла...

Алис. Наконец-то его язык остановился! Не будет больше ни хвастать, ни лгать, ни оскорблять!..

Курт, ты веришь в Бога! Поблагодари Его от меня! Поблагодари Его за то, что освободил меня от башни, от волка, от вампира!

Курт. Не надо так, Алис!

Алис *(склонившись над Капитаном)*. Куда ж подевались твои силы? А? И энергия?

Капитан молча плюет ей в лицо.

Ах ты, гадюка, все еще брызжешь ядом! Ну так я вырву твой поганый язык! *(Дает Капитану пощечину.)* Голова с плеч, а все краснеет!.. О, Юдифь, умница моя, — я выносила под сердцем орудие мести. Ты, ты освободила всех нас!.. Сколько бы у тебя ни было голов, гидра проклятая, мы их все снесем! *(Дергает его за бороду.)* Подумать только, есть все-таки на свете справедливость! Порой я мечтала об этом, но никогда не верила! Курт, вымоли у Бога прощение за то, что я не признавала Его! О, справедливость существует! В таком случае я тоже хочу быть овцой! Скажи Ему это, Курт! От малой толики везения мы делаемся лучше, а от сплошных неудач превращаемся в волков!

* * *

В дверях задника появляется лейтенант.

Алис. У капитана удар, помогите нам, пожалуйста, откатить кресло!

Лейтенант. Ваша милость!..

Алис. В чем дело?

Лейтенант. Видите ли, фрекен Юдифь...

Алис. Сперва помогите! О фрекен потом поговорите!

Лейтенант выкатывает кресло направо.

Прочь эту падаль! Прочь! Двери настежь! Пусть как следует проветрится! *(Распахивает двери задника, на улице развиднелось.)* Уф!..

Курт. Ты бросаешь его?

Алис. Команда бросает севший на мель корабль, спасая свои жизни!.. Я не обязана обряжать в саван разложившуюся тварь! Пусть о нем позаботятся золотари или сторожа анатомического кабинета! Огород — слишком благородное место для этой тачки дерьма!.. Пойду приму ванну, смою с себя всю эту грязь, только не знаю, смогу ли когда-нибудь отмыться дочиста!

Снаружи, у балюстрады, видна Юдифь, с непокрытой головой, машущая платочком в сторону моря.

Курт *(в сторону задника)*. Кто это там? Юдифь? *(Кричит.)* Юдифь!

* * *

Юдифь *(вбегает с криком)*. Он уехал!

Курт. Кто?

Юдифь. Аллан уехал!

Курт. Не попрощавшись?

Юдифь. Мы попрощались, он просил передать тебе привет, дядя!

Алис. И все!

Юдифь *(бросается в объятия Курта)*. Он уехал!

Курт. Он вернется, детка!

Алис. Или мы поедем за ним!

Курт *(делая жест в сторону правой двери)*. Бросить его?.. Мир...

Алис. Мир! Пафф!.. Юдифь, подойди, обними меня!

Юдифь приближается к Алис, которая целует ее в лоб.

Хочешь поехать за ним?

Юдифь. И ты еще спрашиваешь?

Алис. Но папа болен!

Юдифь. Плевать!

Алис. Вот она, Юдифь! О, я обожаю тебя, Юдифь!

Юдифь. Кстати, папа — человек не мелочный... и не любит нежностей! Все-таки что-то в нем есть!

Алис. Да, кое-что!

Юдифь. И кроме того, не думаю, что он жаждет меня видеть, после того телефонного звонка!.. А зачем ему надо было сватать меня за старика? Нет, Аллан, Аллан! *(Бросается в объятия Курта.)* Хочу к Аллану! *(Вырывается, выбегает из дома и опять принимается махать.)*

Курт идет следом и тоже машет.

Алис. Надо же, и из грязи могут расти цветы!

* * *

Из правой двери выходит лейтенант.

Алис. Ну-у?

Лейтенант. Да, так фрекен Юдифь...

Алис. Неужели столь сладостно чувствовать на губах звуки ее имени, что вы забыли про умирающего?

Лейтенант. Да, но она сказала...

Алис. Она? Лучше уж говорите — Юдифь!.. Но сперва — как дела там?

Лейтенант. Ах да, там!.. Все кончено!

Алис. Кончено?.. О Боже, благодарю Тебя от себя лично и от имени всего человечества за то, что Ты освободил нас от этого дьявола!.. Дайте мне вашу руку! Я хочу пойти подышать. Подышать!

Лейтенант предлагает ей руку.

(Останавливается.) Он сказал что-нибудь перед смертью?

Лейтенант. Отец фрекен Юдифи произнес несколько слов!

Алис. Что он сказал?

Лейтенант. Он сказал: «Прости им, ибо не ведают, что творят».

Алис. Непостижимо!

Лейтенант. Да, отец фрекен Юдифи был хороший и благородный человек.

Алис. Курт!

* * *

Курт входит.

Алис. Все кончено!

Курт. О!..

Алис. Знаешь, какие были его последние слова? Да нет, откуда тебе знать! «Прости им, ибо не ведают, что творят»...

Курт. Можешь перевести?

Алис. Очевидно, хотел сказать, что сам он всегда поступал правильно и умер, обиженный жизнью.

Курт. Да, прочувствованная, должно быть, надгробная речь будет!

Алис. И множество венков! От унтер-офицеров!

Курт. Да уж!

Алис. Год назад он сказал приблизительно следующее: похоже, жизнь — всего лишь колоссальная насмешка над всеми нами!

Курт. Хочешь сказать, что он насмехался над нами до самой смерти?

Алис *(Курту)*. Слышишь!

Курт. «Не ведают, что творят». Сколько раз я спрашивал тебя, ведал ли он, что творил. Ты утверждала — не ведал! Значит, прости его!

Алис. Загадки! Загадки!.. Но подумать только, в доме воцарился покой! Чудный покой смерти! Такой же чудный, как торжественное волнение при рождении ребенка! Я слышу тишину... а на полу вижу следы кресла, которое унесло его прочь... И чувствую, что теперь жизнь моя кончена и впереди — могила!.. Знаешь, удивительно, меня преследуют бесхитростные слова лейтенанта — а он бесхитростная душа, — они вдруг обрели серьезный смысл. Мой супруг, моя юношеская любовь, — смешно, да? — действительно был хороший и благородный человек — несмотря ни на что!

Курт. Несмотря ни на что! И храбрый — как он сражался за себя и за своих близких!

Алис. Сколько горя! Сколько унижений! Которые он перечеркивал — чтобы идти дальше!

Курт. Он был обделен! Это многое объясняет! Алис, иди к нему!

Алис. Нет! Не могу! Потому что, пока мы тут разговаривали, передо мной возник его юношеский образ — я увидела его, я вижу его сейчас — таким, каким он был в двадцать лет!.. Должно быть, я любила этого человека!

Курт. И ненавидела!

Алис. И ненавидела!.. Мир ему! *(Идет к правой двери и замирает там, сцепив пальцы.)*

Занавес

Игра снов

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Адвокат.
Полицейский.
Дочь.
Суфлер.
Поэт.
Хорист.
Офицер.
Стекольщик.
Привратница.
Учитель.
Расклейщик афиш.
Слепец.
Пенсионер.
Отвозчики.
Эдит.
Лорд-канцлер.
Лина.
Декан богословского факультета.
Балерина.
Декан философского факультета.
Кристин.
Декан юридического факультета.
Начальник карантина.
Декан медицинского факультета.

НАПОМИНАНИЕ

Автор в этой пьесе стремился подражать бессвязной, но кажущейся логичной форме сновидения: все возможно и вероятно. Времени и пространства не существует; цепляясь за крохотную основу реальности, воображение прядет свою пряжу и ткет узоры: смесь воспоминаний, переживаний, свободной фантазии, вздора и импровизаций.

Герои расщепляются, раздваиваются, испаряются, уплотняются, растекаются, собираются воедино. Но одно превыше всего — сознание сновидца; для него нет ни тайн, ни непоследовательности, ни раздумий, ни законов. Сновидец не осуждает, не оправдывает, только соотносит, а поскольку сновидение чаще всего болезненно, редко радостно, колеблющееся повествование окрашено грустью и сочувствием ко всему живому. Сон — избавитель — нередко бывает мучительным, но, когда страдание становится невыносимым, наступает пробуждение, примиряя страдание с действительностью, которая, какой бы тягостной она ни была, в этот миг все же доставляет наслаждение по сравнению с мучительным сновидением.

ПРОЛОГ

Задник представляет собой шапки облаков, похожих на разрушенные сланцевые горы, с замками и развалинами крепостей. Видны созвездия Льва, Девы и Весов, а между ними ярко сияет планета Юпитер.

Дочь Индры стоит на самом верхнем облаке.

Голос Индры
(сверху)

Где ты, дочь моя, где?

Дочь Индры

Здесь, отец, здесь!

Голос Индры

Дитя, ты заблудилась, берегись, ты опускаешься...
Как попала ты сюда?

Дочь Индры

Из высших сфер за молнии лучом
помчалась я, на облаке, как в колеснице...

Но облако спустилось, и вниз лечу теперь...
Скажи, о отче, Индра, куда
попала я? Мне душно здесь,
так тяжело дышать.

Голос Индры

Ты мир покинула второй, вступила в третий,
от Шукры, утренней звезды,
ты удалилась и входишь
в земное небо; взгляни же там
на Солнца дом седьмой, ему название Весы,
там, где звезда дневная осеннею порой
равняет день и ночь...

Дочь Индры

Ты Землю помянул, ужели это черный
и тяжелый мир, что освещается луной?

Голос Индры

Плотнейший, тяжелейший из шаров,
что по Вселенной бродят.

Дочь Индры

Скажи, а солнце там никогда не светит?

Голос Индры

Конечно, светит, но не все время...

Дочь Индры

Разверзлось облако, я вниз смотрю...

Голос Индры

Что видишь ты, дитя?

Дочь Индры

Я вижу... там красиво... зеленые леса,
и синева воды, и белые вершины, и желтые поля...

Голос Индры

Да, там прекрасно, как все, что создал Брахма...
но было там еще прекраснее
когда-то, на заре времен; потом случилось что-то,
сместилась ли орбита, иль произошло иное,
взрыв, нарушивший событий ход, который надобно
исправить...

Дочь Индры

Теперь я снизу слышу звуки...
Что там за племя обитает?

Голос Индры

Сойди и посмотри... я не хочу позорить Создателя
творенья, но
то, что слышишь ты, — их язык.

Дочь Индры

Звучит он как... безрадостно звенит он.

Голос Индры

Еще бы! Ибо родному языку их
имя плач. О да! Неблагодарное
земляне племя, довольны не бывают...

Дочь Индры

Не говори так, теперь я слышу радостные крики
и залпы, гул, я вижу, молнии сверкают,
колокола звонят, костры горят,

и тысячею тысяч голосов
возносится хвала и благодарность Небу...

Пауза.

Не в меру ты сурово судишь их, отец...

Голос Индры

Сойди и посмотри, послушай, а вернешься,
расскажешь мне, оправданны ли
стенанья их и жалобы...

Дочь Индры

Да будет так, иду, пойдем со мной, отец!

Голос Индры

Нет, мне там дышать невмочь...

Дочь Индры

Облако спускается, как душно, я задыхаюсь...
Не воздухом дышу, а дымом и водой...
Как тяжко, меня он тянет вниз, все вниз,
теперь я замечаю, как он кренится,
третий мир — не лучший все же из миров...

Голос Индры

Не лучший, нет, но и не худший,
ему названье Прах, он катится, как и все другие,
и потому у племени порою голова кружится,
на грани помешательства и сумасбродства...
Исполнись мужества, дитя, всего лишь
испытанье это.

Дочь Индры

(облако опускается, она стоит на коленях)

Я опускаюсь.

ИГРА СНОВ

Задник представляет собой лес гигантских цветущих штокроз: белых, розовых, пурпурных, сернисто-желтых, фиолетовых, над которыми видна золоченая крыша замка, увенчанная похожим на корону бутоном. Внизу, у подножия стен замка, — кучи сена, наваленные на вычищенную из конюшни солому, перемешанную с конским навозом. Боковые кулисы, не убирающиеся на протяжении всего спектакля, представляют собой стилизованные фрески, комнаты, архитектуру и пейзаж одновременно.

Входят Стекольщик и Дочь.

Дочь. Замок все время растет из земли... Видишь, насколько он вырос с прошлого года?

Стекольщик *(про себя)*. Никогда прежде не видел этого замка... никогда не слыхивал, чтобы замки росли... но... *(К Дочери, очень убежденно.)* Да, он вырос на два локтя, это потому, что его унавозили... посмотри внимательно, видишь, на солнечной стороне распустился флигель.

Дочь. Он, верно, скоро зацветет, ведь Иванов день миновал?

Стекольщик. А ты не видишь цветок вон там, наверху?

Дочь. Вижу! *(Хлопает в ладоши.)* Скажи, отец, почему цветы растут из грязи?

Стекольщик *(благочестиво)*. Потому что в грязи им неуютно, они спешат поскорее выбраться на свет, чтоб расцвести и умереть!

Дочь. Ты знаешь, кто живет в замке?

Стекольщик. Знал, но забыл.

Дочь. Мне кажется, там узник... и он, конечно, ждет, когда я его освобожу.

Стекольщик. Но какой ценой?

Дочь. Когда речь идет о долге, о цене не торгуются. Давай войдем в замок!..

Стекольщик. Идем!

* * *

Они медленно направляются к раздвигающемуся в стороны заднику.

На сцене теперь — непритязательная, пустоватая комната, в которой стоят стол и несколько стульев. На стуле сидит Офицер в весьма необычном современном мундире. Он качается на стуле, колотя саблей по столу.

Дочь *(подходит к Офицеру и осторожно берет у него из руки саблю)*. Не надо так! Не надо!

Офицер. Агнес, милая, пожалуйста, не отнимай у меня саблю!

Дочь. Нет, иначе ты разрубишь стол! *(Отцу.)* Ступай в сбруйную и вставь стекло, увидимся позднее!

Стекольщик уходит.

* * *

Дочь. Ты в плену у своих комнат, я пришла тебя освободить!

Офицер. Я ждал этого, но не был уверен, что ты захочешь.

Дочь. Замок крепок, о семи стенах, но... ничего, справимся!.. Ты хочешь или нет?

Офицер. Откровенно говоря, не знаю, ибо мне в любом случае будет больно! За любую радость в жизни приходится платить двойным страданием. Здесь тяжко, но, если я куплю сладкую свободу, буду страдать втройне. Агнес, пусть я буду страдать, только бы мне видеть тебя!

Дочь. Что ты видишь во мне?

Офицер. Красоту, которая есть гармония Вселенной. Линии твоего тела сравнимы лишь с орбитами Солнечной системы, с нежно звучащей струной, с вибрацией света. Ты дитя небес...

Дочь. И ты тоже!

Офицер. Почему же тогда я должен стеречь лошадей? Убирать конюшни и вывозить солому?

Дочь. Чтобы ты мечтал отсюда выбраться!

Офицер. Я мечтаю, но выбраться отсюда так трудно!

Дочь. Но стремиться обрести свет свободы — это долг!

Офицер. Долг? Жизнь никогда не признавала долгов по отношению ко мне!

Дочь. Ты считаешь себя обиженным жизнью?

Офицер. Да! Она была несправедлива...

* * *

Теперь слышны голоса из-за ширмы-перегородки, которая сразу же вслед за этим убирается.

Офицер и Дочь заглядывают туда и застывают, точно окаменев.

За столом сидит Мать, она больна. Перед ней сальная свеча, с которой она время от времени снимает щипчиками нагар. На столе лежат стопки готовых рубах, она их метит гусиным пером и чернилами. Слева — коричневый платяной шкаф.

Отец *(появляясь, протягивает шелковую мантилью, мягко)*. Ты не хочешь ее взять?

Мать. Шелковая мантилья — мне? Зачем она мне, друг мой, ведь я скоро умру!

Отец. Ты веришь тому, что говорит доктор?

Мать. И тому, что он говорит, тоже, но больше всего внутреннему голосу.

Отец *(печально)*. Значит, это серьезно?.. И ты прежде всего думаешь о детях!

Мать. В них моя жизнь! Мое оправдание... моя радость и мое горе...

Отец. Кристин, прости меня... за все!

Мать. За что? Прости ты меня, дорогой: мы мучили друг друга, почему? Мы не знаем! Не могли по-другому!.. Кстати, вот новое белье для детей... Следи, чтобы они меняли его два раза в неделю, по средам и воскресеньям, и чтобы Лувиса мыла их... все тело... Ты уходишь?

О т е ц. Мне нужно к одиннадцати быть в коллегии!

М а т ь. Прежде чем уйдешь, попроси Альфреда зайти ко мне!

О т е ц *(указывает на Офицера)*. Милочка, да вот же он стоит!

М а т ь. Подумать только, я уже и видеть плохо стала... да, темнеет... *(Снимает нагар со свечи.)* Альфред! Подойди!

Отец, кивнув на прощание, уходит прямо сквозь стену.

* * *

Офицер подходит к Матери.

М а т ь. Кто эта девушка?

О ф и ц е р *(шепотом)*. Это Агнес!

М а т ь. О, так это Агнес? Знаешь, что говорят?.. Что она дочь бога Индры, она попросила отпустить ее на землю, чтобы узнать, как живется людям... Молчи, не говори ничего!..

О ф и ц е р. Значит, она дитя Божье!

М а т ь *(громко)*. Милый Альфред, скоро я покину тебя и твоих сестер и братьев... И хочу кое-что сказать тебе на прощание!

О ф и ц е р *(печально)*. Говори, матушка!

М а т ь. Лишь одно: никогда не перечь Богу!

О ф и ц е р. Что ты имеешь в виду, матушка?

М а т ь. Ты не должен чувствовать себя обиженным жизнью.

О ф и ц е р. Но если со мной обращаются несправедливо...

М а т ь. Ты намекаешь на тот случай, когда тебя несправедливо наказали за то, что ты якобы взял монетку, а она потом нашлась!

О ф и ц е р. Да! И из-за этой несправедливости вся моя жизнь пошла вкривь и вкось...

М а т ь. Вот как! Тогда подойди к шкафу...

О ф и ц е р *(пристыженно)*. Значит, ты знаешь! Это...

М а т ь. «Швейцарский Робинзон»... За которого...

Офицер. Не говори больше ничего!..

Мать. За которого наказали твоего брата... а ведь это ты порвал и спрятал книгу!

Офицер. Подумать только, прошло уже двадцать лет, а шкаф все стоит... Мы ведь столько раз переезжали, и моя мать умерла десять лет назад!

Мать. Ну и что с того? Тебе непременно нужно задавать множество вопросов и тем самым портить себе радость жизни!.. Смотри-ка, Лина!

* * *

Лина *(входит)*. Милая госпожа, от души вас благодарю, но я не могу идти на крестины...

Мать. Почему же, дитя мое?

Лина. Мне нечего надеть!

Мать. Вот, возьми мою мантилью!

Лина. Нет-нет, Бог с вами, как можно!

Мать. Я не понимаю тебя! Мне больше уж в гости не ходить...

* * *

Офицер. Что скажет отец? Это ведь его подарок...

Мать. Какая мелочность...

* * *

Отец *(всовывает голову)*. Ты собираешься одолжить мой подарок служанке?

Мать. Не говори так... вспомни, я тоже когда-то была служанкой... зачем обижать того, кто ни в чем не провинился?

Отец. Зачем же ты обижаешь меня, твоего супруга?..

Мать. Ох, что за жизнь! Стоит совершить хороший поступок, как тут же находится кто-то, кому это не по вкусу... сделаешь добро одному, а другому это приносит зло. Ох, что за жизнь! *(Снимает нагар со свечи, свеча гаснет. На сцене становится темно, выдвигается ширма.)*

* * *

Дочь. Жалко людей!

Офицер. Ты считаешь?

Дочь. Да, жизнь трудна, но любовь побеждает все! Пойдем посмотрим!

Идут к заднику.

* * *

Задник поднимается; теперь виден новый задник, представляющий собой жуткий обшарпанный брандмауэр. В центре его ворота, открывающиеся в коридор, который ведет на зеленую светлую площадку, где возвышается колоссальный синий аконит. Слева от ворот сидит Привратница, голова и плечи которой укрыты шалью; она вяжет крючком звездное покрывало. Справа — афишная доска, которую сейчас чистит Расклейщик афиш; возле него лежит сачок для ловли рыбы с зеленой ручкой. Подальше справа — дверь с отверстием в форме четырехлистника. Слева от ворот стоит тоненькая липа, с угольно-черным стволом и редкими зелеными листиками, возле — окошко погреба.

Дочь *(подходит к Привратнице)*. Звездное покрывало еще не готово?

Привратница. Нет, дружок; двадцать шесть лет для такой работы ничто!

Дочь. А жених так и не вернулся?

Привратница. Нет, но то не его вина. Он вынужден был уйти... бедняжка; тридцать лет уж минуло!

Дочь *(Расклейщику афиш)*. Она ведь была балериной, там, в Оперном театре?

Расклейщик афиш. Она была номер один... но он уехал — и вроде как бы забрал с собой ее танец... с тех пор ей не давали партий...

Дочь. Все ропщут... не глазами, так голосом...

Расклейщик афиш. Я не особо ропщу... теперь, когда у меня есть сачок и зеленый садок!

Дочь. И вы счастливы?

Расклейщик афиш. Счастлив, очень... это была мечта моей молодости... и вот она осуществилась, правда, мне уже исполнилось пятьдесят...

Дочь. Пятьдесят лет за сачок и садок...

Расклейщик афиш. Зеленый садок, зеленый...

* * *

Дочь *(Привратнице)*. Дайте мне вашу шаль, позвольте посидеть здесь, посмотреть на детей человеческих! А вы стойте сзади и объясняйте! *(Накидывает шаль и садится у ворот.)*

Привратница. Сегодня последний день, опера закрывается... сейчас они узнают, получили ли ангажемент...

Дочь. А те, кого не возьмут?

Привратница. Господи Иисусе, такое видеть... я закрываю лицо шалью...

Дочь. Бедные люди!

Привратница. Смотрите, вон идет одна из них!.. Ее среди избранных нет... Смотрите, как она рыдает...

* * *

Справа в ворота вбегает Певица, прижимая к глазам платок, на миг останавливается в коридоре, прислонив голову к стене, потом быстро исчезает.

Дочь. Жалко людей!

* * *

Привратница. Но взгляните сюда — вот как выглядит счастливый человек!

* * *

Из коридора через ворота выходит Офицер в рединготе, в цилиндре и с букетом роз в руке. Сияющий, веселый.

Привратница. Он женится на фрекен Виктории!..

Офицер *(на авансцене, смотрит вверх, поет).* Виктория!

Привратница. Фрекен сейчас придет!

Офицер. Прекрасно! Коляска ждет, стол накрыт, шампанское положено в лед... Разрешите мне обнять вас, сударыни. *(Обнимает Дочь и Привратницу. Поет.)* Виктория!

Женский голос *(сверху, поет).* Я здесь!

Офицер *(начинает ходить взад и вперед).* Ладно! Я подожду!

* * *

Дочь. Ты меня знаешь?

Офицер. Нет, я знаю лишь одну женщину... Викторию! Семь лет я хожу здесь, поджидая ее... после полудня, когда солнце задевает своим краем дымоходы, и вечером, когда опускается ночной мрак... Поглядите на асфальт, и вы увидите следы, оставленные верным любовником! Ура! Она моя! *(Поет.)* Виктория! *(Ответа нет.)* Она одевается! *(Расклейщику афиш.)* У вас, как я погляжу, сачок! В опере все обожают сачки... или, вернее сказать, рыбок! Немых рыбок, ибо они не умеют петь... Сколько стоит такая штуковина?

Расклейщик афиш. Да порядочно!

Офицер *(поет).* Виктория!.. *(Трясет липу.)* Смотрите, опять зазеленела! В восьмой раз!.. *(Поет.)* Виктория!.. Она причесывается!.. *(Дочери.)* Послушайте, сударыни, позвольте мне подняться за моей невестой!..

Привратница. На сцену вход воспрещен!

Офицер. Семь лет я хожу здесь! Триста шестьдесять пять, помноженное на семь, будет две тысячи пятьсот пятьдесят пять! *(Останавливается и ковыряет пальцем дверь с четырехлистником.)* ...И эту дверь я видел две тысячи пятьсот пятьдесят пять раз, так и не узнав, куда она ведет! И этот четырехлистник, проделанный, чтобы пропускать свет... пропускать

свет — для кого? Есть там кто-нибудь? Живет кто-нибудь за этой дверью?

Привратница. Не знаю! Ни разу не видела, чтобы ее открывали!

Офицер. Она похожа на дверь кладовки, которую я видел, когда моя няня по воскресеньям брала меня, четырехлетнего, с собой в гости! В гости, в другие семьи, к другим няням, но меня никогда не пускали дальше кухни, и я сидел между бочкой с водой и ларем с солью; сколько кухонь я повидал на своем веку, а кладовки всегда располагались в прихожей, и в дверях были проверчены дырочки, круглые и в форме четырехлистника!.. Но в опере ведь не может быть кладовки, у них же нет кухни! *(Поет.)* Виктория!.. Послушайте, сударыня, она же не могла уйти другим ходом?

Привратница. Не могла, другого хода нет!

Офицер. Прекрасно, тогда я не пропущу ее!

Из театра торопливо выходят служащие театра, Офицер внимательно оглядывает каждого.

* * *

Офицер. Теперь она должна скоро появиться!.. Сударыня! Этот громадный аконит вон там! Я его помню с детства... Это что, тот же самый?.. Помню, в одной пасторской усадьбе, мне было семь... лепестки словно два голубка, два синих голубка... но в тот раз... прилетела пчела и забралась в лепестки... и я подумал: сейчас я тебя поймаю! И сжал цветок; а пчела укусила меня сквозь лепестки, и я заплакал... а потом пришла пасторша и приложила к ранке влажную землю... а на ужин нам дали землянику с молоком!.. Мне кажется, уже смеркается. Куда уходит расклейщик афиш?

Расклейщик афиш. Домой, вечерять.

Офицер *(закрывает глаза рукой).* Вечерять? В такой ранний час? Послушайте-ка!.. Позвольте мне

войти на минутку и позвонить по телефону в «растущий замок».

Дочь. Что тебе там нужно?

Офицер. Сказать стекольщику, чтобы он вставил двойные стекла, ведь скоро зима, а я ужасно мерзну! *(Входит в привратницкую.)*

* * *

Дочь. Кто такая фрекен Виктория?

Привратница. Его возлюбленная!

Дочь. Хороший ответ! Ему нет дела, кто она для нас и для других! Главное, кто она для *него!*

Резко темнеет.

Привратница *(зажигает фонарь)*. Сегодня быстро вечереет!

Дочь. Для богов год словно минута!

Привратница. А для людей минута может быть словно год!

* * *

Офицер *(выходит. Он весь в пыли, розы завяли)*. Она еще не пришла?

Привратница. Нет!

Офицер. *Придет,* непременно придет!.. *Она* придет непременно! *(Ходит взад и вперед.)* И верно, пожалуй, все-таки разумнее всего отменить обед!.. Поскольку уже вечер... Да, так и сделаю! *(Входит внутрь и звонит.)*

* * *

Привратница *(Дочери)*. Ну а теперь, пожалуйста, отдайте мне шаль!

Дочь. Нет, мой друг, ты свободна; я буду вместо тебя нести службу... ибо я хочу узнать людей и жизнь, проверить, так ли она тяжела, как говорят.

Привратница. Но здесь, на посту, нельзя спать, ни в коем случае, ни днем, ни ночью...

Дочь. Даже ночью?

Привратница. Ну, тут уж как сумеешь, только сперва надобно на руку шнурок от звонка намотать... потому что по сцене ходят ночные сторожа, и они меняются каждые три часа...

Дочь. Но это же пытка...

Привратница. Это вы так полагаете, а мы до смерти рады такому месту, и если бы вы только знали, как мне завидуют...

Дочь. Завидуют? Завидуют тому, кого пытают?

Привратница. Да!.. Но, понимаете, тяжелее всего, тяжелее ночного бдения и изнурительной работы, сквозняков, холода и сырости,— так вот, тяжелей всего выслушивать, как выпало на мою долю, доверительные излияния тех, наверху... Они приходят ко мне — почему? Быть может, в морщинах моего лица они читают вырезанные страданиями руны, которые располагают к доверительности... В этой шали, дружок, скрыты мои собственные тридцатилетние муки и муки других!..

Дочь. Какая она тяжелая, и жжется, как крапива...

Привратница. Поносите ее, коли вам того хочется... а когда тяжесть ее станет невыносимой, позовите меня, я приду и вас сменю!

Дочь. Прощай! То, что по силам вам, должна осилить и я!

Привратница. Увидим!.. Только будьте поласковее с моими маленькими друзьями, и да не устанете вы от их жалоб. *(Исчезает в коридоре.)*

Полное затемнение. В это время декорации меняются — липа облетела, синий аконит завял и почернел; когда сцена освещается, видно, что зелень в другом конце коридора стала по-осеннему бурой.

Офицер *(выходит, когда светлеет. Теперь у него седые волосы и седая борода. Одежда потрепанная, пристежной воротничок черный, залоснившийся. Бу-*

кет роз совсем облетел, видны одни стебли. Он ходит взад и вперед). Судя по всему, лето миновало, приближается осень... Я замечаю это вон по той липе и по акониту!.. *(Ходит.)* Но осень — для меня весна, потому что открывается театр! И она обязательно придет! Сударыня, пожалуйста, разрешите мне пока посидеть на этом стуле!

Дочь. Садитесь, друг мой, я могу постоять!

Офицер *(садится).* Мне бы только поспать немного, совсем другое дело было бы!.. *(На минуту засыпает, потом вскакивает и принимается ходить; останавливается у двери с четырехлистником, ковыряет ее пальцем.)* Эта дверь не дает мне покоя... Что там за ней? Что-то должно быть! *(Сверху доносятся слабые звуки танцевальной музыки.)* Вот! Репетиции начались! *(Свет на сцене начинает мигать, как будто включили маяк.)* Что это? *(Скандирует в такт вспышкам света.)* Светло — темно, светло — темно!

Дочь *(передразнивает).* День — ночь, день — ночь!.. Всеблагое Провидение хочет сократить твое ожидание! И потому убегают дни, прогоняя ночи!

Свет на сцене выравнивается. Входит Расклейщик афиш с сачком и рабочими принадлежностями.

Офицер. Это расклейщик афиш, с сачком... Рыбалка была удачной?

Расклейщик афиш. Вполне! Лето теплое, правда затянулось малость... и сачок хороший, хотя и не *такой,* как я думал...

Офицер *(с ударением).* «Не такой, как я думал»!.. Прекрасно сказано! Вокруг все не такое, как я думал!.. Ибо мысль важнее действия — выше дела... *(Ходит, колотя стеблями роз о стену так, что последние листики облетают.)*

Расклейщик афиш. Она все еще не спустилась?

Офицер. Еще нет, но скоро спустится!.. Вы не знаете, что там, за этой дверью?

Расклейщик афиш. Нет, ни разу не видел эту дверь открытой.

Офицер. Позвоню, вызову кузнеца, пусть придет и откроет! *(Идет к телефону.)*

Расклейщик афиш наклеивает афишу и идет направо.

Дочь. Чем же сачок оказался нехорош?

Расклейщик афиш. Нехорош? Да вообще-то, он всем хорош, просто не такой, как я думал, потому и удовольствие было не *такое* большое...

Дочь. А каким вы представляли себе сачок?

Расклейщик афиш. Каким?.. Этого я сказать не могу...

Дочь. Позвольте, тогда я скажу!.. Вы представляли его себе *не таким,* каким он оказался! Он должен был быть зеленым, но не *такого* зеленого цвета!

Расклейщик афиш. Вы это знаете, госпожа! Вы знаете все — поэтому-то все и идут к вам со своими заботами... Ежели бы вы захотели и меня разок выслушать...

Дочь. С удовольствием... Идите сюда и излейте мне свое сердце...

Она заходит в привратницкую, Расклейщик афиш стоит у окна и рассказывает.

* * *

Вновь полное затемнение; потом светлеет, теперь липа опять зазеленела, цветет аконит, солнце освещает зелень в конце коридора.

Выходит Офицер; он превратился в седовласого старика в рваной одежде, стоптанных башмаках; в руке стебли роз. Ходит взад и вперед, медленно, по-стариковски. Читает афишу.

* * *

Справа появляется Балерина.

Офицер. Фрекен Виктория ушла?

Балерина. Нет, не ушла!

Офицер. Тогда я подожду! Она ведь скоро спустится?

Балерина *(серьезно)*. Обязательно!

Офицер. Не уходите, сейчас вы увидите, что за этой дверью, я послал за кузнецом!

Балерина. Дверь откроют! Интересно-то как! Дверь и «растущий замок», вы знаете «растущий замок»?

Офицер. Знаю ли я? Я был его узником.

Балерина. Ой, правда? А почему у них там столько лошадей?

Офицер. Это же замок-конюшня...

Балерина *(с болью)*. Какая же я дура! Сама не могла сообразить!

Справа появляется Хорист.

Офицер. Фрекен Виктория ушла?

Хорист *(серьезно)*. Нет, не ушла! Она никогда не уйдет!

Офицер. Это потому, что она любит меня!.. Не уходите, сейчас придет кузнец и откроет эту дверь.

Хорист. Да что вы, откроют дверь! Как здорово!.. Мне только нужно кое-что спросить у привратницы.

* * *

Справа выходит Суфлер.

Офицер. Фрекен Виктория ушла?

Суфлер. Насколько я знаю, нет!

Офицер. Вот видите! Разве я не говорил, что она меня ждет! Не уходите, сейчас дверь откроют.

Суфлер. Какую дверь?

Офицер. Разве здесь есть еще двери?

Суфлер. А, знаю — ту, с четырехлистником!.. Я непременно останусь! Только сперва поговорю с привратницей!

* * *

Балерина, Хорист, Суфлер, сбившись в группу вместе с Расклейщиком афиш у окна Привратницы, по очереди говорят с Дочерью. Из ворот появляется Стекольщик.

Офицер. Вы кузнец?

Стекольщик. Нет, кузнец отправился с визитами, но стекольщик справится не хуже.

Офицер. Ну да, разумеется... разумеется, а алмаз у вас с собой?

Стекольщик. Конечно! Разве бывают стекольщики без алмаза?

Офицер. Не бывают! Ну, тогда приступим к делу! *(Хлопает в ладоши.)*

Все собираются вокруг двери. Справа к ним присоединяются хористы в костюмах мейстерзингеров и статистки в костюмах танцовщиц из «Аиды».

* * *

Офицер. Кузнец — или стекольщик, приступайте к своим обязанностям!

Вперед выходит Стекольщик с алмазом.

В жизни не часто бывают подобные мгновения, поэтому, дорогие друзья, прошу вас... хорошенько поразмыслить...

* * *

Полицейский *(выходит вперед)*. Именем закона я запрещаю открывать эту дверь!

Офицер. О Господи, стоит захотеть сделать что-то полезное и великое, как сразу же начинаются неприятности!.. Но мы будем судиться!.. Итак, к адвокату! Посмотрим, существуют ли законы! К адвокату!

* * *

Сцена превращается при открытом занавесе в адвокатскую контору следующим образом: ворота остаются и служат двер-

цей в пересекающей всю сцену перегородке, отгораживающей контору. Привратницкая превращена в рабочий закуток адвоката, только без стены впереди; облетевшая липа служит вешалкой для пальто и шляп; афишная доска увешана извещениями и решениями по судебным делам; дверь с четырехлистником является дверцей шкафа для документов.

Адвокат во фраке и белом шейном платке сидит слева с внутренней стороны ворот за конторкой, заваленной бумагами. На его лице печать неслыханных страданий: белое, словно меловое, лицо, прорезанное морщинами, с тенями, которые кажутся фиолетовыми; он уродлив, и лицо отражает все те преступления и грехи, с которыми он сталкивается по роду своей профессии. Один из его двух писцов однорукий, другой — одноглазый.

Люди, собравшиеся лицезреть «открытие двери», остались на прежнем месте, но теперь как бы ожидая очереди к Адвокату; впечатление такое, словно они все время здесь стоят.

Дочь (в шали) и Офицер на переднем плане.

Адвокат *(подходит к Дочери)*. Дай мне твою шаль, сестра... пусть она повисит здесь, пока я не разведу огонь в печи; а потом я сожгу ее, со всеми ее горестями и несчастьями...

Дочь. Еще рано, брат, сначала я наполню ее до краев, и прежде всего соберу твою боль, все доверенные тебе признания в преступлениях, грехах, неправедных заработках, оговорах, оскорблениях...

Адвокат. Ах, дружок, на это твоей шали не хватит! Посмотри на эти стены: обои точно вымазаны грехами; посмотри на эти бумаги, где я сочиняю истории о несправедливостях; посмотри на меня... Сюда никогда не заглядывает улыбающийся человек — лишь злобные взгляды, ощеренные рты, сжатые кулаки... И все изливают мне свою злобу, свою зависть, свои подозрения... Посмотри, мои руки черны, их нельзя отмыть, ты видишь, как они потрескались и кровоточат... я ношу платье не больше двух-трех дней, ибо оно начинает вонять чужими преступлениями... Иногда я велю окуривать помещение серой, но это

не помогает; я сплю здесь рядом, и мне снятся только преступления... Сейчас у меня в суде низшей инстанции рассматривается дело об убийстве... это еще ничего — знаешь, что хуже всего?.. Разводить супругов! Тогда словно кричит земля и вопиет небо... криком кричат о предательстве первобытной силы, источника добра, любви... И понимаешь, когда, исписав горы бумаг их взаимными обвинениями, ты наконец, преисполненный любви, приглашаешь одного из супругов для разговора с глазу на глаз и, ущипнув его или ее за ушко, с улыбкой спрашиваешь: а что, собственно, вы имеете против вашего супруга — или супруги, она — или он — не может сказать ничего, не знает причины! Один раз... речь зашла о зеленом салате, другой — о каком-то слове, а чаще всего ни о чем. Зато какие муки, какие страдания! И мне приходится их нести!.. Посмотри, на кого я похож! Ты думаешь, я способен — с такой-то преступной внешностью — вызвать ответную любовь женщины? Думаешь, кто-нибудь захочет стать моим другом, другом человека, который обязан взыскивать все долги города, денежные долги?.. Горько быть человеком!

Дочь. Жалко людей!

Адвокат. Жалко! А на какие средства люди живут — для меня полнейшая загадка! Они женятся, имея доход в две тысячи крон, хотя им требуется четыре... разумеется, берут в долг, все берут в долг! Еле сводят концы с концами, выкручиваясь до самой смерти... и наследство всегда оказывается опутано долгами! Кто же в конце концов будет их платить, скажи, кто?

Дочь. Тот, Кто питает птиц!

Адвокат. Да! Но если бы Тот, Кто питает птиц, сошел на Свою землю и посмотрел, каково приходится бедным детям человеческим, может быть, он проникся бы состраданием...

Дочь. Жалко людей!

Адвокат. Воистину! *(Офицеру.)* Чего вы желаете?

Офицер. Я хотел лишь спросить, ушла ли фрекен Виктория!

Адвокат. Нет, не ушла, можете быть совершенно спокойны... Зачем вы ковыряете мой шкаф?

Офицер. Мне показалось, что дверь так похожа...

Адвокат. Нет, нет, нет!

Слышится перезвон церковных колоколов.

* * *

Офицер. В городе похороны?

Адвокат. Нет, торжественное присуждение степени, докторской степени. Мне как раз нужно туда, получить степень доктора юриспруденции. Нет ли у вас желания получить степень и лавровый венок?

Офицер. А почему бы и нет? Все развлечение...

Адвокат. Тогда, может быть, сразу и приступим к торжественному акту? Только идите и переоденьтесь!

Офицер выходит. На сцене затемнение, во время которого происходят следующие изменения: перегородка теперь представляет собой балюстраду церковных хоров; афишная доска становится доской для вывешивания номеров псалмов; липа-вешалка превращается в канделябр; конторка Адвоката — в кафедру для оглашения торжественного акта; дверь с четырехлистником теперь ведет в ризницу... Хористы из «Мейстерзингеров» представляют герольдов с жезлами, а статистки несут лавровые венки.

Прочий народ — зрители.

Задник поднимается, открывая новый, представляющий собой один огромный орган с клавиатурой, над которой укреплено зеркало. Слышится музыка. По сторонам — четыре факультета: философия, теология, медицина, юриспруденция. Сцена какое-то время пуста.

Справа появляются герольды.

За ними шествуют статистки с лавровыми венками на вытянутых руках.

Слева один за другим выходят три соискателя, получают венок из рук статисток и выходят направо.

Адвокат подходит получать венок.

Статистки поворачиваются, отказываясь возлагать на него венок, и удаляются.

Адвокат, потрясенный, прислоняется к колонне.

Все расходятся.

Адвокат остается один.

* * *

Дочь *(входит, голова и плечи укутаны белым покрывалом)*. Видишь, я постирала шаль... Но почему ты стоишь здесь? Ты не получил венок?

Адвокат. Нет, я оказался недостойным.

Дочь. Почему? Потому что ты защищал бедняков, заступался за преступника, облегчал бремя виновному, добивался отсрочки осужденному?.. О, горе людям... они не ангелы; но их жалко.

Адвокат. Не говори плохо о людях, ведь я их защищаю...

Дочь *(прислонившись к органу)*. Почему они бьют своих друзей в лицо?

Адвокат. Они не умеют иначе!

Дочь. Давай же просветим их! Хочешь? Вместе со мной!

Адвокат. Они не приемлют просвещения!.. О, если бы наши жалобы достигли богов на небесах...

Дочь. Они достигнут трона!.. *(Становится рядом с органом.)* Знаешь, что я вижу в этом зеркале?.. Правильный мир!.. Да, ибо сам по себе он вывернут наизнанку!

Адвокат. Каким образом его вывернули наизнанку?

Дочь. Когда делали копию...

Адвокат. Вот ты и произнесла это слово! Копия... Я всегда подозревал, что это плохая копия... и когда начал припоминать первообразы, все мне стало не по душе... Люди называли это недовольством, осколками сатанинского зеркала и еще бог знает как...

Дочь. Ну разве это не безумие? Посмотри на эти четыре факультета!.. Правительство, охраняющее общество, вознаграждает все четыре: теологию, учение о Боге, которое вечно подвергается нападкам и насмешкам со стороны философии, выдающей себя за саму мудрость! И медицину, которая вечно отвергает философию, а теологию не признает за науку, называя ее суеверием... И все они сидят в одной и той же консистории, которая должна научить молодежь почтению — к университету. Это ведь сумасшедший дом! И горе тому, кто первым поумнеет!

Адвокат. Первыми прозревают богословы. Они сперва изучают философию, которая учит их, что теология — нонсенс; потом из курса теологии узнают, что философия — нонсенс! Безумцы, верно?

Дочь. И еще юриспруденция, слуга всех, кроме самих слуг!

Адвокат. Справедливость, которая, желая быть справедливой, убивает того, кто ее ищет!.. Правосудие, которое так часто вершит неправый суд!

Дочь. Что вы с собой сделали, дети человеческие! Дети! Иди сюда, я возложу на тебя венок... он больше тебе к лицу! *(Надевает ему на голову терновый венец.)* А сейчас я для тебя сыграю! *(Садится за орган и начинает играть «Кирие»; но вместо звуков органа слышатся человеческие голоса.)*

Детские голоса. Вечный! Вечный! *(Последний звук повисает в воздухе.)*

Женские голоса. Помилуй! *(Последний звук повисает в воздухе.)*

Мужские голоса *(тенора)*. Спаси нас милостью своей! *(Последний звук повисает в воздухе.)*

Мужские голоса *(басы)*. Пощади детей своих, Господи, не гневайся на нас!

Все. Помилуй! Услышь нас! Сострадания к смертным! Вечный, отвержены мы от очей Твоих! Из глубины взываем: помилуй, Вечный! Не отягощай бремени детей Твоих! Услышь нас! Услышь нас!

* * *

На сцене становится темно. Дочь встает, приближается к Адвокату. Орган с помощью изменения освещения превращается в пещеру Фингала. Под базальтовыми колоннами плещется море, наполняя пространство звуками волн и ветра.

Адвокат. Где мы, сестра?

Дочь. Что слышишь ты?

Адвокат. Слышу, как падают капли...

Дочь. Это слезы: когда люди плачут... Что еще ты слышишь?

Адвокат. Вздохи... вой... стенания...

Дочь. Сюда добрались жалобы смертных... не дальше. Но почему эти вечные жалобы? Разве в жизни нет радостей?

Адвокат. Есть, и самая из них сладостная, но в то же время самая горькая — любовь! Супруга и дом! Самое высокое и самое низменное!

Дочь. Я хочу ее испытать!

Адвокат. Со мной?

Дочь. С тобой! Ты знаешь подводные рифы, камни преткновения, да минуем мы их!

Адвокат. Я беден!

Дочь. Что из того, если мы любим друг друга? А малая толика красоты ничего не стоит!

Адвокат. А если мне не по душе то, что дорого тебе?

Дочь. Притремся!

Адвокат. А если мы падем духом?

Дочь. Появится ребенок и подарит нам утешение!

Адвокат. Ты, ты согласна принять меня, нищего урода, презираемого и отвергнутого?

Дочь. Да! Соединим же наши судьбы!

Адвокат. Да будет так!

Очень просто обставленная комната за адвокатской конторой. Справа широкая двуспальная кровать под балдахином; рядом окно. Слева железная печка с кастрюлями. Кристин заклеивает внутренние рамы. На заднем плане — открытая дверь в контору; в проеме видны бедно одетые люди, ждущие приема.

Кристин. Я клею, я клею!

Дочь *(бледная, исхудавшая, сидит у печки)*. Ты закрываешь доступ воздуху! Я задыхаюсь!..

Кристин. Осталась лишь одна маленькая щелочка!

Дочь. Воздуха, воздуха, мне нечем дышать!

Кристин. Я клею, я клею!

Дочь. О, ты словно рот мне заклеиваешь!

Адвокат *(стоит в двери с какой-то бумагой в руке)*. Ребенок заснул?

Дочь. Да, наконец-то!

Адвокат *(мягко)*. Этот крик распугивает моих клиентов!

Дочь *(дружелюбно)*. Что же делать?

Адвокат. Ничего!

Дочь. Надо снять квартиру побольше!

Адвокат. У нас нет денег!

Дочь. Можно, я открою окно? Я задыхаюсь от этого спертого воздуха!

Адвокат. Тогда тепло уйдет, и мы будем мерзнуть!

Дочь. Ужасно!.. А пол помыть там можно?

Адвокат. Тебе мыть пол не под силу, мне тоже, а Кристин должна заклеивать окна. Она заклеит весь дом, каждую щелочку, на потолке, в полу, в стенах!

Дочь. К бедности я была готова, но не к грязи!

Адвокат. Бедность всегда относительно грязна!

Дочь. Это тяжелее, чем я себе представляла!

Адвокат. Многие живут куда хуже! У нас еще в кастрюле есть еда!

Дочь. Но что это за еда?..

Адвокат. Капуста дешева, питательна и вкусна!

Дочь. Для того, кто любит капусту! Мне она противна!

Адвокат. Почему же ты об этом не сказала?

Дочь. Потому, что любила тебя! И хотела пожертвовать своим вкусом!

Адвокат. В таком случае я обязан пожертвовать ради тебя моей любовью к капусте! Жертвы должны быть взаимными!

Дочь. Что же мы будем есть? Рыбу? Но ты ненавидишь рыбу.

Адвокат. И она дорого стоит!

Дочь. Я не думала, что будет так трудно!

Адвокат *(дружелюбно)*. Видишь, как это нелегко!.. И ребенок, который должен был стать нашей связующей нитью, нашим благословением!.. приведет нас к гибели!

Дочь. Любимый! Я умру в этом воздухе, в этой комнате, выходящей на задний двор, от бесконечных детских криков, по многу часов, без сна, от этих людей там, снаружи, их стонов, ссор и обвинений... Я умру здесь!

Адвокат. Бедный мой цветок, без света, без воздуха...

Дочь. И ты утверждаешь, будто многим приходится еще хуже!

Адвокат. В нашем квартале я один из тех, кто вызывает зависть.

Дочь. Все было бы ничего, если б я могла как-то украсить наш дом!

Адвокат. Я знаю, ты имеешь в виду какой-нибудь цветок, лучше всего гелиотроп, но он стоит одну крону пятьдесят эре, это шесть литров молока или пуд картофеля.

Дочь. Я предпочту голодать, лишь бы иметь цветок.

Адвокат. Существует красота, которая не стоит ничего, и ее отсутствие особенно мучительно для человека с чувством прекрасного!

Дочь. Что же это?

Адвокат. Если я скажу, ты рассердишься!

Дочь. Мы договорились не сердиться!

Адвокат. Мы договорились... Все можно стерпеть, Агнес, кроме отрывистого, резкого тона... тебе он знаком? Пока нет!

Дочь. Мы никогда его не услышим!

Адвокат. От меня никогда!

Дочь. Говори же!

Адвокат. Видишь ли, входя в дом, я прежде всего смотрю, как висят шторы... *(Подходит к окну и поправляет штору.)* Если они напоминают веревку или тряпку... я быстро ухожу!.. Потом я бросаю взгляд на стулья — если они стоят как должно, я остаюсь!.. *(Придвигает стул к стене.)* После чего смотрю на свечи в подсвечниках... Если они покосились, значит, покосился весь дом! *(Поправляет свечу на комоде.)* Именно такая красота, мой дружочек, ничего не стоит!

Дочь *(опустив голову)*. Не таким резким тоном, Аксель!

Адвокат. Вовсе он не резкий!

Дочь. Конечно резкий!

Адвокат. Вот как, черт подери!..

Дочь. Что за выражения!

Адвокат. Прости, Агнес! Но я страдаю от твоей безалаберности столь же сильно, как ты от грязи! А сам я не решаюсь взяться за уборку, потому что тогда ты рассердишься, словно бы я тебя упрекаю... уф! Давай закончим!

Дочь. Ужасно трудно жить в браке... труднее всего на свете! Мне кажется, для этого нужно быть ангелом!

Адвокат. Мне тоже так кажется!

Дочь. Мне кажется, я начинаю тебя ненавидеть после этого!

Адвокат. Тогда горе нам!.. Но давай предотвратим ненависть! Обещаю больше не делать замечаний по поводу уборки... хотя это для меня пытка!

Дочь. А я буду есть капусту, хотя это для меня мука!

Адвокат. Значит, жизнь в совместных мучениях?! Одному наслаждение — другому страдание!

Дочь. Жалко людей!

Адвокат. Ты поняла это?

Дочь. Поняла, но давай, ради бога, постараемся обходить подводные камни, теперь, когда мы так хорошо их узнали!

Адвокат. Давай! Мы гуманные, просвещенные люди, мы умеем прощать и проявлять снисходительность!

Дочь. Мы умеем с улыбкой относиться к мелочам!

Адвокат. Мы, только мы умеем это!.. Знаешь, что я прочитал сегодня в «Утре»!.. Кстати, а где газета?

Дочь *(смущенно)*. Какая газета?

Адвокат *(сурово)*. Разве я выписываю несколько?

Дочь. Улыбнись же! Не говори так сурово... Я твоей газетой развела огонь...

Адвокат *(взрывается)*. Черт подери!

Дочь. Улыбнись же!.. Я сожгла ее, потому что в ней издеваются над тем, что для меня свято...

Адвокат. А для меня совсем не свято! Ха... *(Хлопает руками, вне себя.)* Я должен улыбаться, улыбаться во весь рот... я должен быть гуманным и держать при себе свое мнение, соглашаться со всем, поджимать хвост и лицемерить! Значит, ты сожгла мою газету! Так-так! *(Вешает конец шторы на столбик кровати.)* Ладно же! Вот, я начинаю убираться, и ты опять разозлишься!.. Агнес, это просто невозможно!

Дочь. Конечно невозможно!

Адвокат. А мы все равно должны терпеть, не ради клятвы, а ради ребенка!

Дочь. Ты прав! Ради ребенка! О!.. О!.. Мы должны терпеть!

Адвокат. А сейчас мне нужно идти к клиентам! Слышишь, как они бурлят от нетерпения разорвать друг друга, довести друг друга до штрафов и тюрьмы... мятущиеся духи...

Дочь. Бедные, бедные люди! А она все клеит! *(В немом отчаянии склоняет голову на грудь.)*

Кристин. Я клею, я клею!

Адвокат, стоя у двери, нервно пытается открыть замок.

Дочь. О, как кричит замок, словно ты сжимаешь пружины моего сердца...

Адвокат. Сжимаю, сжимаю...

Дочь. Перестань!

Адвокат. Я сжимаю...

Дочь. Нет!

Адвокат. Я...

* * *

Офицер *(из конторы, берется за замок)*. Разрешите!

Адвокат *(отпускает замок)*. Прошу вас! Поскольку вы получили докторскую степень!

Офицер. Теперь передо мной вся жизнь! Все дороги открыты, Парнас преодолен, лавры завоеваны, бессмертие, слава — все мое!

Адвокат. На что вы собираетесь жить?

Офицер. На что жить?

Адвокат. Вам же нужны жилье, одежда, пища?

Офицер. Как-нибудь образуется, был бы лишь любящий человек рядом!

Адвокат. Представляю!.. Представляю!.. Клей, Кристин! Клей! Пока они не задохнутся! *(Выходит, пятясь и кивая.)*

Кристин. Я клею, я клею! Пока они не задохнутся!

* * *

Офицер. Ты идешь со мной?

Дочь. Тотчас же! Но куда?

Офицер. В Бухту Красоты! Там лето, там сияет солнце, там молодежь, дети и цветы, песни и танцы, праздник и веселье!

Дочь. Тогда скорее туда!

Офицер. Идем!

* * *

Адвокат *(входит опять)*. Вот... возвращаюсь в свой первый ад — этот был второй... и самый большой! Самое сладостное и есть самый большой ад... Так-так, опять она шпильки на полу разбросала!.. *(Собирает с пола.)*

Офицер. Подумать, даже шпильку заметил!

Адвокат. Даже?.. Посмотрите на нее! Дужки две, а шпилька одна! Две и одна! Если я ее выпрямлю, получится один предмет! Согну, будет два, оставаясь при этом одним! Это означает: двое составляют единое целое! Но если я сломаю ее — здесь! Теперь их две, две половинки! *(Ломает шпильку и выбрасывает обломки.)*

Офицер. Все увидел!.. Но прежде чем сломать, нужно развести дужки в стороны! Пока они сведены, шпилька цела!

Адвокат. А если они параллельны, то никогда не встретятся — ни то ни се.

Офицер. Шпилька — совершеннейшая вещь на свете! Прямая линия, равная двум параллельным!

Адвокат. Замок, который запирает, когда открыто!

Офицер. Закалывает распущенную косу, остающуюся распущенной, когда ее закалывают...

Адвокат. Похоже на эту дверь! Закрывая ее, я открываю путь наружу для тебя, Агнес! *(Удаляется и закрывает за собой дверь.)*

* * *

Дочь. Итак?

Декорация меняется. Кровать под балдахином превращается в палатку; железная печка остается; задник поднимается; на переднем плане справа видны выжженные горы, покрытые красным вереском и черно-белыми пнями после лесного пожара; красные свинарники и сараи. Внизу — открытая площадка для занятий лечебной гимнастикой, где люди тренируются на сна-

рядах, напоминающих пыточные инструменты. Слева на переднем плане — часть открытого сарая, пристроенного к карантинному бараку, с печами, котлами и трубами.

Средний план — пролив. На заднем плане — живописный берег с лиственными деревьями, украшенными флагами причалами, у которых пришвартованы белые яхты, на некоторых из них подняты паруса. Сквозь зеленые кроны виднеются маленькие итальянские виллы, павильоны, киоски, мраморные статуи.

По берегу идет Начальник карантина, выряженный мавром.

Офицер *(подходит и пожимает руку)*. Гляди-ка, Урдстрём! Как тебя сюда занесло?

Начальник карантина. Да, вот он я!

Офицер. Это Бухта Красоты?

Начальник карантина. Нет, Бухта Красоты напротив, а это Пролив Стыда!

Офицер. Значит, мы заблудились!

Начальник карантина. Мы? Ты меня не представишь?

Офицер. Нельзя! *(Понизив голос.)* Ведь это дочь самого Индры!

Начальник карантина. Индры? Я думал, самого Варуны!.. Ну а тебя не удивляет мое черное лицо?

Офицер. Сын мой, мне уже пятьдесят, в таком возрасте больше ничему не удивляются! Я сразу же предположил, что ты вечером идешь на маскарад!

Начальник карантина. Совершенно верно! Надеюсь, вы присоединитесь?

Офицер. Непременно... ибо... местечко это... малопривлекательное!.. Что за люди здесь обитают?

Начальник карантина. Здесь живут больные, а по другую сторону здоровые!

Офицер. Так здесь, стало быть, только бедняки?

Начальник карантина. О нет, дитя мое, богачи! Посмотри на того, что лежит на деревянной кобыле! Он съел столько гусиной печенки с трюфелями и выпил столько бургундского, что у него расслоились ступни!

Офицер. Расслоились?

Начальник карантина. Косослойные ступни!.. А тот, на гильотине, — он пил столько «Хеннесси», что ему приходится утюжить позвоночник!

Офицер. Куда ни кинь, всюду клин!

Начальник карантина. Впрочем, всем, кто живет на этой стороне, есть что скрывать! Посмотри, например, на вон того!

На сцену вкатывают старого франта в инвалидной коляске, его сопровождает худая, уродливая кокетка шестидесяти лет, одетая по последней моде, со своим ухажером, сорокалетним «другом».

Офицер. Это же майор! Наш школьный товарищ!

Начальник карантина. Дон Жуан! Поверишь, он по-прежнему влюблен в это привидение, что идет рядом. Не замечает, что она постарела, что она уродлива, вероломна и жестока!

Офицер. Вот это любовь! Никогда бы не подумал, что этот ветреник способен так глубоко и серьезно любить!

Начальник карантина. Ничего себе поворот!

Офицер. Я сам любил Викторию... да что там, я до сих пор хожу по коридору, поджидая ее...

Начальник карантина. Так это ты ходишь по коридору?

Офицер. Я!

Начальник карантина. Ну а дверь-то уже открыли?

Офицер. Нет, все еще судимся... Расклейщик афиш, конечно же, на рыбалке с сачком, так что сви-

детельские показания задерживаются... а в это время стекольщик вставил стекла в замке, который вырос на пол-этажа... Удачный год нынче выдался... жаркий и влажный!

Начальник карантина. Но уж такой жары, как у меня, у вас все же не было!

Офицер. Какая температура у тебя в печах?

Начальник карантина. При дезинфекции по подозрению в холере — шестьдесят градусов.

Офицер. А что, опять холера разгулялась?

Начальник карантина. Ты разве не знаешь?..

Офицер. Разумеется, знаю, но я так часто забываю то, что знаю!

Начальник карантина. Частенько я мечтаю обладать способностью забывать, в первую очередь самого себя; поэтому и люблю маскарады, переодевания и домашние спектакли.

Офицер. Как же ты жил?

Начальник карантина. Поведай я об этом, скажут, будто я хвастаю, промолчи — назовут лицемером!

Офицер. Поэтому ты и чернишь себе лицо?

Начальник карантина. Да! Чуть чернее, чем я есть на самом деле!

Офицер. Кто это идет?

Начальник карантина. А, это поэт! Идет принимать грязевую ванну!

Появляется Поэт, с возведенными к небу глазами и ведром грязи в руках.

Офицер. Господи, ему бы солнечную ванну, воздушную ванну!

Начальник карантина. Нет, он все время витает в высших сферах, поэтому скучает по грязи... от грязи кожа становится дубленой, как у свиней. После чего он не чувствует укуса слепней!

Офицер. Удивительный мир противоречий!

* * *

Поэт *(в экстазе)*. Из глины сотворил бог Птах человека на гончарном круге, на токарном станке *(скептически)* или черт знает на чем!.. *(В экстазе.)* Из глины творит скульптор свои более или менее бессмертные шедевры *(скептически)*, чаще всего дряны! *(В экстазе.)* Из глины создают эти столь нужные для кладовок сосуды, под общим названием горшки, тарелки *(скептически)* — впрочем, мне все равно, как они называются! *(В экстазе.)* Это глина! Жидкая глина называется грязь. C'est mon affaire![1] *(Кричит.)* Лина!

Входит Лина с ведром.

Поэт. Лина, покажись фрекен Агнес! Она знала тебя десять лет назад, когда ты была молодой, веселой и, скажем так, красивой девушкой... Посмотри, как она теперь выглядит! Пятеро детей, вечные заботы, крики, голод, побои! Погляди, как истаяла красота, как исчезла радость в процессе исполнения обязанностей, которые должны были бы подарить внутреннее удовлетворение, придающее гармонию чертам лица и тихий жар очам...

Начальник карантина *(закрывает ему рот рукой)*. Молчи, молчи!

Поэт. Вот так все говорят! А когда я молчу, они приказывают: говори! Нет сладу с людьми!

* * *

Дочь *(подходит к Лине)*. Излей свои жалобы!

Лина. Нет, я не смею, только хуже будет!

Дочь. Кто так жесток?

Лина. Я не смею сказать, потому что меня побьют!

Поэт. Вот как бывает! Но я скажу, даже если Мавр выбьет мне зубы!.. Я скажу, что порой царит

---

[1] Это мое дело! *(фр.)*

несправедливость... Агнес, дочь бога! Ты слышишь музыку и танцы там, на пригорке? Прекрасно!.. Сестра Лины вернулась из города, где она сбилась с пути, ты понимаешь... Сейчас забивают откормленного теленка, а Лине, которая оставалась дома, приходится таскать ведро и кормить свиней!..

Дочь. В доме радость, ибо заблудшая душа сошла с дурного пути, а не только потому, что она вернулась домой! Учти это!

Поэт. Но тогда устраивайте балы с ужином каждый вечер в честь безупречной труженицы, никогда не сбивавшейся с пути, давайте!.. Но нет, вместо этого Лине в свободное время надо ходить в молельный дом и выслушивать попреки в том, что она несовершенна! Это справедливо?

Дочь. На ваши вопросы так трудно отвечать, ибо... столь много непредусмотренных случаев...

Поэт. Это понял и халиф Гарун-аль-Рашид Справедливый! Неподвижно восседая на троне, он не глядел вниз, не видел, каково там живется! Но наконец до его высочайших ушей долетели жалобы. И тогда в один прекрасный день он сошел с трона и, переодевшись, незаметно смешался с толпой, дабы посмотреть, как обстоят дела со справедливостью.

Дочь. Я надеюсь, вы не считаете меня Гаруном Справедливым?

Офицер. Давайте поговорим о чем-нибудь другом!.. А вот и гости плывут!

Слева в проливе появляется белый парусник, нос которого украшен головой дракона, с голубым шелковым парусом на золотой рее и розовато-красным вымпелом на позолоченной мачте. У руля сидят, обняв друг друга за талию, Он и Она.

Посмотрите, какое полное счастье, какое безграничное блаженство, торжество юной любви!

Он *(вставая во весь рост, поет).*

Пою тебе, залив прекрасный,
где юности годы цвели

и первые сны
розами были полны,
я вновь пред тобой,
одиночества дни миновали!
Бухты и рощи,
небо и море,
привет ей пошлите!
Любовь моя, невеста моя!
Солнце мое и жизнь!

На причалах Бухты Красоты салютуют флагами, из вилл и с берега машут белыми платочками, над проливом звенят аккорды арф и скрипок.

Поэт. Глядите, какой свет они излучают! Послушайте, как звенит море! Эрос!

Офицер. Это Виктория!

Начальник карантина. И что дальше?

Офицер. Это *его* Виктория, у меня *моя!* И *мою* никому увидеть не дано!.. Подними карантинный флаг, а я выберу сеть!

Начальник карантина машет желтым флагом.

(Выбирает канат, так что лодка поворачивает к Проливу Стыда.) Эй, там!

Он и Она, только сейчас заметив жуткий пейзаж, в ужасе.

Начальник карантина. Да уж! Нелегко! Но сюда обязаны заворачивать все, все, приезжающие из зараженных областей!

Поэт. Как вы можете говорить такое, делать такое, видя двух любящих людей! Не трогайте их! Не касайтесь любви; это государственное преступление!.. Горе нам! Все прекрасное втаптывают в землю, в грязь!

Он и Она сходят на берег, печальные и пристыженные.

Он. Горе нам! Что мы сделали?

Начальник карантина. Не обязательно что-то делать, чтобы попасть в мелкие неприятности, уготованные жизнью!

Она. Как скоротечны радость и счастье!

Он. Сколько нам придется здесь задержаться?

Начальник карантина. Сорок дней и ночей!

Она. Лучше утопиться в море!

Он. Жить здесь, среди выжженных гор и свинарников?

Поэт. Любовь побеждает все, даже серный дым и карболку!

Начальник карантина *(зажигает печь; из нее поднимаются синие серные пары)*. Я зажигаю серу! Пожалуйте, входите!

Она. О! Мое синее платье потеряет свой цвет!

Начальник карантина. И станет белым! И твои красные розы тоже побелеют!

Он. И твои щеки! За сорок дней!

Она *(Офицеру)*. Тебе это доставит радость!

Офицер. Вовсе нет!.. Твое счастье, правда, стало источником моих мук, но... это ничего — я теперь получил докторскую степень, работаю домашним учителем там, напротив... хо-хо, да-да, а осенью получу место в школе... буду учить с мальчиками уроки, те же самые уроки, что учил все свое детство, всю свою юность, и теперь буду учить, те же уроки, всю свою взрослую жизнь и под конец всю старость, те же уроки: сколько будет дважды два? Сколько двоек без остатка в четырех?.. И так до пенсии, когда время будет тянуться в ожидании обеда и ужина, в ожидании газет, — пока меня наконец не свезут в крематорий и не сожгут...

У вас здесь случайно нет пенсионеров? Это почти столь же ужасно, как дважды два четыре: начинать учиться, уже получив докторскую степень, задавать одни и те же вопросы до самой смерти... *(Мимо идет, заложив руки за спину, пожилой господин.)* Посмотрите, вот идет пенсионер, он проводит жизнь в ожидании смерти; наверное, капитан, не дослужившийся до майора, или нотариус, не ставший асессором, — много званых, но мало избранных... Он ждет завтрака...

Пенсионер. Не завтрака, а газеты! Утренней газеты!

Офицер. А ему всего пятьдесят четыре года; он еще двадцать пять лет может так ходить, ожидая завтрака и газеты... Разве это не ужасно?

Пенсионер. Что — не ужасно? Что, что, что?

Офицер. Да пусть ответит тот, кто может!.. А я буду зубрить с мальчиками дважды два четыре! Сколько двоек без остатка в четырех? *(В отчаянии хватается за голову.)* А Виктория, которую я любил и потому желал ей самого большого счастья на земле... Теперь она счастлива, счастлива как умеет; а я страдаю... страдаю, страдаю!

* * *

Она. Неужели ты полагаешь, будто я могу быть счастливой, видя твои страдания? Как ты смеешь так думать? Быть может, то, что я проведу здесь сорок дней и ночей, утишит твою боль? Признайся, утишит?

Офицер. И да и нет! Я не могу наслаждаться, когда ты страдаешь! О!

Он. А ты думаешь, мое счастье может быть построено на твоих мучениях?

Офицер. Жалко нас — всех! О!

Все *(простирая руки к небу и издавая крик боли, напоминающий диссонирующий аккорд)*. О!

Дочь. Вечный, услышь их! Жизнь жестока! Жалко людей!

Все *(как раньше)*. О!

* * *

На сцене на миг полное затемнение, в течение которого все присутствующие исчезают или меняют места. Когда зажигается свет, на заднем плане виден берег Пролива Стыда, но теперь он в тени. Пролив посредине, а на переднем плане Бухта Красоты, оба ярко освещены. Справа — угол курзала, с открытым окном, внутри — танцующие пары. На пустом ларе сна-

ружи стоят, обняв друг друга за талию, три горничные и смотрят на танцы. На крыльце дома — скамейка, на которой сидит Дурнушка Эдит, с непокрытой головой, грустная, с взлохмаченными волосами. Перед ней — раскрытое пианино.

Слева — желтый деревянный дом.

Возле него двое ребятишек в летних костюмчиках играют в мяч. На заднике на переднем плане виднеется причал с белыми лодками и флаги на флагштоках. В проливе виден белый военный корабль с амбразурами по борту.

Но ландшафт в зимних покровах, на голых деревьях и на земле лежит снег.

Входят Дочь и Офицер.

Дочь. Время вакаций, здесь царят мир и покой! Работа замерла; каждый день праздник; люди в нарядных одеждах; уже с утра музыка и танцы. *(К горничным.)* Почему вы, дети, не идете танцевать?

Горничная. Мы?

Офицер. Они же слуги!

Дочь. Верно!.. Но почему Эдит не танцует?

Эдит закрывает лицо руками.

Офицер. Не спрашивай ее! Она сидит здесь уже три часа, и ее никто ни разу не пригласил... *(Входит в желтый домик слева.)*

Дочь. Какое жестокое развлечение!

* * *

Мать *(выходит; шея открыта, подходит к Эдит).* Почему ты не заходишь внутрь, как я тебе велела?

Эдит. Потому... что не могу предлагать себя. Я знаю, что некрасива, поэтому никто и не хочет танцевать со мной, но я не желаю, чтобы мне об этом напоминали! *(Начинает играть на пианино Toccata con Fuga nr. 10 Себастьяна Баха.)*

Из зала слышатся звуки вальса, сначала тихо, потом все громче, словно борясь с «Токкатой» Баха. Однако Эдит выходит победительницей и заставляет их замолкнуть. В дверях появляются гости с бала, они слушают ее игру; все находящиеся на сцене с благоговением слушают музыку.

Лейтенант *(обнимает Алис, одну из девушек, приглашенных на бал, за талию и ведет к причалу).* Идем, быстрее!

Эдит перестает играть, встает и с отчаянием смотрит на них. Она словно окаменела.

* * *

Стена желтого домика поднимается. Видны три школьные скамейки, на них сидят мальчики; среди них Офицер, чем-то взволнованный и озабоченный. Перед мальчиками стоит Учитель в очках, в руках у него мел и плетка.

Учитель *(Офицеру).* Ну, мой мальчик, так сколько будет дважды два?

Офицер продолжает сидеть; мучительно роется в памяти, не находя ответа.

Ты должен встать, когда тебя спрашивают.

Офицер *(встает, страдальчески).* Дважды... два... Сейчас!.. Это будет два два!

Учитель. Вот как! Значит, ты не выучил урок!

Офицер *(пристыженно).* Я учил, но... Я знаю, сколько это будет, только сказать не могу...

Учитель. Хочешь выкрутиться! Знаешь, но *не можешь* сказать. Может, я тебе помогу! *(Дергает Офицера за волосы.)*

Офицер. О, это ужасно, ужасно!

Учитель. Да, ужасно, что у такого большого мальчика нет никакого честолюбия...

Офицер *(страдальчески). Большого...* Да, я большой, гораздо больше их всех; я взрослый человек, я закончил школу *(словно очнувшись ото сна),* я получил докторскую степень... Почему я сижу здесь? Разве мне не присудили докторскую степень?

Учитель. Конечно присудили, но, видишь ли, ты должен сидеть здесь, пока не созреешь. Ты должен созреть... Ведь правильно?

Офицер *(кладет руку на лоб).* Правильно, нужно созреть... Дважды два... будет два, я докажу это методом

аналогии, наивысшим из всех методов доказательств! Слушайте! Одиножды один будет один, следовательно, дважды два — два! Ибо то, что действительно в одном случае, действительно и в другом!

Учитель. Доказательство полностью соответствует законам логики, но ответ неверен!

Офицер. То, что соответствует законам логики, не может быть неверным! Давай попробуем! В единице одна единица, значит, в двойке две двойки!

Учитель. Совершенно правильно, согласно доказательству по аналогии. Но сколько тогда будет одиножды три?

Офицер. Три!

Учитель. Следовательно, дважды три тоже три!

Офицер *(задумчиво)*. Нет, это не может быть верно... не может... или же... *(Садится в отчаянии.)* Нет, я еще не созрел!

Учитель. Да, ты еще далеко не созрел...

Офицер. Но сколько мне придется здесь сидеть?

Учитель. Сколько сидеть здесь? Ты думаешь, что время и пространство существуют?.. Предположим, время существует, в таком случае ты мог бы сказать, что такое время! Что такое время?

Офицер. Время... *(Думает.)* Сказать не могу, но знаю, что это такое: ergo[1] я могу знать, сколько будет дважды два, не будучи способным это сказать. А господин учитель может сказать, что есть время?

Учитель. Разумеется, могу!

Мальчики *(хором)*. Так скажите!

Учитель. Время?.. Дайте-ка подумать! *(Застывает на месте, приложив палец к носу.)* Пока мы говорим, время бежит. Следовательно, время есть нечто, что бежит, пока я говорю!

Мальчик *(встает)*. Вы говорите, и, пока вы говорите, я убегаю, значит, я — время! *(Убегает.)*

---

[1] Следовательно *(лат.)*.

Учитель. Это совершенно правильно по законам логики!

Офицер. В таком случае законы логики безумны, потому что убежавший Нильс не может быть временем!

Учитель. Это тоже совершенно правильно по законам логики, хотя и безумно.

Офицер. Значит, логика безумна!

Учитель. Действительно, создается такое впечатление! Но если логика безумна, то и весь мир безумен... и тогда пусть сам черт учит вас здесь безумствам!.. Если кто из вас поднесет мне стопочку, мы пойдем купаться!

Офицер. Это posterus primus[1], или перевернутый мир, ибо обычно сначала купаются, а потом выпивают! Старый дурак!

Учитель. Не будьте так высокомерны, доктор!

Офицер. Офицер, с вашего разрешения! Я офицер, и я не понимаю, зачем я сижу здесь среди школьников и выслушиваю брань...

Учитель *(поднимает палец)*. Мы должны созревать!

* * *

Начальник карантина *(входит)*. Карантин начинается!

Офицер. Это ты! Представляешь, вот этот заставляет меня сидеть на школьной скамье, хотя я уже доктор!

Начальник карантина. А почему же ты не уходишь?

Офицер. Кто бы знал!.. Уйти? Это не так легко!

Учитель. Да уж я думаю! Попробуй!

Офицер *(Начальнику карантина)*. Спаси меня! Спаси меня от его взгляда!

---

[1] Последнее первым *(лат.)*.

Начальник карантина. Пошли!.. Идем танцевать... Надо танцевать, пока не разразилась чума! Надо!

Офицер. А бриг тогда уйдет?

Начальник карантина. Сперва уйдет бриг!.. Слез, конечно, не оберешься!

Офицер. Вечно слезы: когда он приходит и когда уходит! Пошли!

Они выходят. Учитель молча продолжает урок.

Горничные, стоявшие у окна танцевального зала, опечаленные, направляются к причалу. Эдит, застывшая у пианино, идет следом.

Дочь *(Офицеру)*. Неужели в этом раю нет ни одного счастливого человека?

Офицер. Есть, вон те молодожены! Послушай их!

* * *

Входят Молодожены.

Муж *(Жене)*. Блаженство мое так безгранично, что мне хочется умереть...

Жена. Почему умереть?

Муж. Потому что в счастье зреет зерно несчастья; оно пожирает само себя, как пламя... которое не может гореть вечно, оно гаснет; и это предчувствие конца убивает блаженство в его расцвете.

Жена. Давай умрем вместе, прямо сейчас!

Муж. Умрем? Ну что ж! Ибо я страшусь счастья! Счастья-обманщика!

Входят в море.

* * *

Дочь *(Офицеру)*. Жизнь жестока! Жалко людей!

Офицер. Тогда взгляни на того, кто идет сюда! Ему завидуют больше всех смертных в этих местах!

Вводят Слепца.

Он владеет всей этой сотней итальянских вилл; он владеет всеми этими заливами, бухтами, побережьями, лесами, рыбой в воде, птицами в небе и дичью в лесу. Эти тысячи людей — его дачники, и солнце встает над его морем и опускается на его земли...

Дочь. И что, он тоже ропщет?

Офицер. Да, и не без оснований, ибо он не видит!

Начальник карантина. Он слеп!..

Дочь. Тот, кому больше всех завидуют!

Офицер. Он пришел проводить бриг, на борту стоит его сын!

* * *

Слепец. Я не вижу, зато слышу! Слышу, как скребут по донному илу якорные когти, словно выдирают из рыбы крючок вместе с сердцем!.. Мой сын, единственное мое дитя, отправляется в чужие страны, уходит в морские просторы; я могу лишь мысленно следовать за ним... вот я слышу, как скрипят цепи... и... что-то хлопает и бьется, точно белье на веревке... может, мокрые носовые платки... я слышу всхлипы и сморкания, словно люди плачут... то ли волны плещутся о корабль, то ли девушки на берегу... покинутые... безутешные... Однажды я спросил ребенка, почему море соленое, и ребенок, у которого отец был в дальнем рейсе, ответил не задумываясь: море соленое потому, что моряки много плачут. А почему же моряки много плачут?.. Да потому, ответил малыш, что им все время приходится уезжать... И поэтому они всегда сушат свои платки на мачтах!.. Почему человек плачет, когда ему грустно? — спросил я дальше... Потому, ответил он, что глаза надо иногда промывать, чтобы они яснее видели!..

Бриг, подняв паруса, скользит прочь; девушки на берегу то машут платочками, то прикладывают их к глазам. На фок-мачте взмывает сигнальный флажок, означающий «да», красный кружок на белом фоне! Алис ликующе машет в ответ.

Дочь *(Офицеру)*. Что означает этот флажок?

Офицер. Он означает «да». Это «да» лейтенанта, красное, точно написанное кровью сердца на полотне неба!

Дочь. А как выглядит «нет»?

Офицер. Оно синее, как поганая кровь в синих жилах... но посмотри, как ликует Алис!

Дочь. И как плачет Эдит!..

Слепец. Встречи и расставания! Расставания и встречи! Это и есть жизнь! Я встретил его мать! А она меня покинула! У меня остался сын; теперь и он покинул меня!

Дочь. Он вернется!..

Слепец. Кто это со мной говорит? Я уже слышал когда-то этот голос, в своих снах, в юности, в начале летних вакаций, в медовый месяц, в ту минуту, когда родился наш сын; каждый раз, когда жизнь мне улыбалась, я слышал этот голос, он похож на шелест южного ветра, на небесный аккорд арф, мне кажется, так возвестили ангелы радостную весть в рождественскую ночь...

* * *

Появляется Адвокат, подходит к Слепцу и что-то шепчет.

Слепец. Вот как!

Адвокат. Да, именно так! *(Подходит к Дочери.)* Теперь ты почти все видела, но не испытала самого ужасного.

Дочь. Что бы это могло быть?

Адвокат. Повторение... Повторы!.. Возвращение! Повторный урок!.. Идем!

Дочь. Куда?

Адвокат. К твоим обязанностям!

Дочь. Что это такое?

Адвокат. Все то, чего ты так страшишься! Все, чего ты не хочешь, но должна делать! Уступать, жертвовать собой, выносить лишения, отказывать себе... все неприятное, отвратительное, мучительное...

Дочь. Неужели не существует приятных обязанностей?

Адвокат. Они становятся приятными, когда выполнены...

Дочь. Когда их больше нет... Значит, обязанность — это все, что неприятно! А что же тогда приятное?

Адвокат. Приятное — это грех.

Дочь. Грех?

Адвокат. Который должен быть наказан! На следующий день после приятно проведенного дня и вечера я испытываю адские муки и угрызения совести.

Дочь. Как странно!

Адвокат. Да, я просыпаюсь утром с головной болью; и тут начинается повторение, но повторение извращенное. Все, что вчера было прекрасным, приятным, остроумным, сегодня утром представляется уродливым, отвратительным, глупым. Удовольствие словно бы гниет, а радость выветривается. То, что люди зовут успехом, становится всегда поводом для неудачи. Успехи, достигнутые мной в жизни, погубили меня. Дело в том, что люди питают инстинктивное отвращение к благополучию других; им кажется, что судьба поступает несправедливо, оказывая предпочтение одному, поэтому они стремятся восстановить равновесие, рассыпая на пути камни. Обладать талантом смертельно опасно, ибо ничего не стоит умереть с голоду!.. Однако возвращайся к своим обязанностям, или я подам на тебя в суд, и мы пройдем все три инстанции: первую, вторую, третью!

Дочь. Вернуться? К железной печке с кастрюлей капусты, к детской одежонке...

Адвокат. Да, да! Сегодня у нас большая стирка, предстоит выстирать все носовые платки...

Дочь. О, неужели мне придется все начинать сначала?

Адвокат. Вся жизнь — сплошная цепь повторений... Посмотри на того учителя... Вчера он получил докторскую степень, лавровый венок, ему салютова-

ли из пушек, он взошел на Парнас, попал в монаршьи объятия... а сегодня вновь начинает со школьного класса, спрашивает, сколько будет дважды два, и так будет продолжаться до смерти... Однако возвращайся домой!

Дочь. Лучше умереть!

Адвокат. Умереть? Нельзя! Ибо, во-первых, это позорно, настолько, что труп подвергается осквернению, а потом... человек теряет вечный покой! ...Это смертный грех!

Дочь. Нелегко быть человеком!

* * *

Все. Прекрасно!

* * *

Дочь. Я не вернусь к вам в грязь и унижение!.. Я хочу туда, откуда спустилась, но... сперва нужно открыть дверь и узнать тайну... Я хочу, чтобы открыли дверь!

Адвокат. Тогда тебе придется вернуться в прежнюю колею, пройти весь путь назад и пережить заново весь кошмарный процесс повторения, воссоздания, перепевы, повторы...

Дочь. Да будет так, но сначала я удалюсь одна в пустынный край, дабы обрести себя! До встречи! *(Поэту.)* Иди за мной!

Издалека, от задника, слышны жалобные стоны:
«О горе! О горе! О горе!»

Что это?

Адвокат. Горемыки из Пролива Стыда!

Дочь. Почему сегодня их стенанья сильнее обычного?

Адвокат. Потому что здесь светит солнце, потому что здесь музыка, здесь танцы, здесь молодость! И это усиливает их страдания.

Дочь. Мы должны освободить их!

Адвокат. Попробуй! Однажды явился один освободитель, но его распяли на кресте!

Дочь. Кто?

Адвокат. Праведники!

Дочь. Кто они такие?

Адвокат. Ты не знаешь, кто такие праведники? Тебе непременно надо их узнать!

Дочь. Это те, кто отказал тебе в докторской степени?

Адвокат. Да!

Дочь. Тогда я знаю, кто они!

* * *

Берег Средиземного моря. Слева на переднем плане — белая стена, из-за которой виднеется апельсиновое дерево с висящими на нем плодами. Вдали — вилла и казино с террасой. Справа — гора угля, возле которой стоят две тачки. Справа на заднем плане виден кусочек синего моря. Два Отвозчика угля, обнаженные по пояс, с черными лицами, руками и телами, сидят в полном отчаянии на своих тачках.

Дочь и Адвокат на заднем плане.

Дочь. Это рай!

1-й Отвозчик. Это ад!

2-й Отвозчик. Сорок восемь градусов в тени!

1-й Отвозчик. Искупаемся в море?

2-й Отвозчик. Полиция явится! Здесь нельзя купаться!

1-й Отвозчик. А апельсин сорвать можно?

2-й Отвозчик. Нельзя, полиция явится.

1-й Отвозчик. Но я не в силах работать в такую жару: брошу все и уйду.

2-й Отвозчик. Явится полиция и заберет тебя!.. *(Пауза.)* К тому же останешься голодным...

1-й Отвозчик. Голодным? Мы работаем больше всех, а едим меньше всех; а богачи, которые ничего не делают, имеют все!.. По-моему, я не погрешу против истины, если скажу, что это несправедливо... А как считает дочь божья?

Дочь. У меня нет слов!.. Но скажи мне, что ты натворил, — почему ты так черен и доля твоя так тяжела?

1-й Отвозчик. Натворил? Мы родились у бедных и не слишком хороших родителей... Которые, возможно, пару раз были наказаны!

Дочь. Наказаны?

1-й Отвозчик. Да. Ненаказанные сидят там, в казино, и уплетают обед из восьми блюд с вином.

Дочь *(Адвокату)*. Неужели это правда?

Адвокат. В основном правда!..

Дочь. Ты хочешь сказать, что каждый человек хоть однажды заслужил тюрьму?

Адвокат. Да!

Дочь. И ты тоже?

Адвокат. Да!

* * *

Дочь. Это правда, что беднягам запрещено купаться здесь?

Адвокат. Да, даже в одежде! Лишь тот, кто задумает утопиться, избегнет штрафа. А в полицейском участке им, верно, грозит взбучка!

Дочь. Разве они не могут отойти подальше и искупаться за городской чертой?

Адвокат. Здесь нет городской черты, все огорожено!

Дочь. Я хотела сказать, на вольной природе!

Адвокат. Здесь нет вольной природы, все занято!

Дочь. А море, морской простор...

Адвокат. Все! Ты не имеешь права выйти в море или сойти на берег без того, чтобы тебя не занесли в книгу и не получили с тебя платы. Замечательно!

Дочь. Это не рай!

Адвокат. Далеко не рай, будь уверена!

Дочь. Почему люди ничего не делают, чтобы улучшить свое положение?..

Адвокат. Делают, а как же, но все улучшатели кончают тюрьмой или сумасшедшим домом...

Дочь. Кто сажает их в тюрьму?

Адвокат. Все праведники, все честные люди...

Дочь. Кто сажает их в сумасшедший дом?

Адвокат. Их собственное отчаяние от безнадежности попыток!

Дочь. А никому не приходило в голову, что по каким-то тайным причинам должно быть так, как оно и есть?

Адвокат. Те, кому хорошо, именно так и считают!

Дочь. Считают, что хорошо так, как оно есть?..

* * *

1-й Отвозчик. А между тем мы-то как раз и составляем фундамент общества: ежели мы не привезем уголь, погаснут печи в кухнях, камины в квартирах, встанут машины на фабриках; погаснет свет на улицах, в магазинах, в домах; мрак и холод падут на вас... поэтому мы и обливаемся потом, как в аду, возим черный уголь... Чем вы отплатите нам?

Адвокат *(Дочери)*. Помоги им... *(Пауза.)* Полного равенства быть не может, это я понимаю, но чтобы такое неравенство?!

* * *

Сцену пересекают Барин и Барыня.

Барыня. Сыграешь партию?

Барин. Нет, мне надо пройтись, чтобы осилить обед!

* * *

1-й Отвозчик. Чтобы *осилить* обед?

2-й Отвозчик. Чтобы *осилить?*..

Вбегают дети; увидев чумазых рабочих, вскрикивают от ужаса.

1-й Отвозчик. Они кричат, когда видят нас! Кричат...

2-й Отвозчик. Черт возьми!.. Видать, скоро нам придется вытащить гильотину, сделать операцию на этом гниющем теле...

1-й Отвозчик. Верно говоришь, черт возьми! Тьфу!

* * *

Адвокат *(Дочери)*. Ну разве это не безумие! Люди не так уж и плохи... если бы не...

Дочь. Если бы не?..

Адвокат. Если бы не Администрация...

Дочь *(пряча лицо, уходит)*. Это не рай!

Отвозчики. Это ад — вот что это такое!

* * *

Пещера Фингала. Величественные зеленые волны неспешно вкатываются в пещеру; на переднем плане покачивается красный буй с ревуном, однако ревун включается лишь в определенный момент.

Музыка ветра. Музыка волн.

Дочь и Поэт.

Поэт. Куда ты меня привела?

Дочь. Далеко от шума и плача детей человеческих, на край океана, в пещеру, которую мы называем *Ухом Индры,* ибо здесь, говорят, небесный властитель слушает жалобы смертных!

Поэт. Как! Здесь?

Дочь. Ты разве не видишь, что эта пещера имеет форму раковины? Конечно видишь. Разве ты не знаешь, что твое ухо имеет форму раковины? Знаешь, но никогда об этом не задумывался. *(Поднимает с земли раковину.)* Разве ты ребенком не прикладывал раковину к уху, не слышал... не слышал, как шумит кровь в твоем сердце, как гудят мысли в твоем мозгу, как лопаются тысячи крошечных изношенных нитей

в тканях твоего тела... Все это ты слышишь в маленькой раковине, так представь, что можно услышать в этой большой!..

Поэт *(прислушивается)*. Я ничего не слышу, кроме свиста ветра...

Дочь. В таком случае я тебе переведу, о чем он свистит! Слушай Жалобу ветра!.. *(Декламирует под аккомпанемент тихой музыки.)*

Нас, в поднебесье рожденных,
Индра, огнем сверкая,
низвергнул на землю, во прах...
Испачканы ноги соломенной кашей;
дорожную пыль, дым городов,
дыхания вонь,
чад и спиртные пары —
пришлось нам терпеть...
Мы в просторы морей потянулись,
чтобы легкие наши проветрить,
чтобы крылья свои отряхнуть,
чтобы ноги свои отмыть.
Индра, отец небесный,
выслушай нас!
Услышь наши вздохи!
Земля грязна,
жизнь нелегка,
люди не злы,
но и добра лишены.
Живут как умеют они,
день за днем.
Дети праха во прахе бредут,
из праха рожденные
в прах возвратятся.
Ноги даны им ходить,
но не крылья.
Пылью покрыты они,
их ли вина
или твоя?

* * *

Поэт. Однажды я слышал это...

Дочь. Молчи! Ветер еще поет! *(Декламирует под тихую музыку.)*

Мы, воздуха дети, ветры,
стенанья людские несем.
Ты слышал, как в дымоходах
мы ночью осенней воем,
рыдаем в печах
и в оконных щелях,
когда плачет на крыше дождь,
или же зимнею ночью
в сосновом снежном лесу,
в штормовом океане
ты слышал стенанья и плач
парусов и снастей...
Это мы, ветры,
воздуха дети,
людям проникнув в сердца,
жалобным звукам там
научились...
В больнице, на поле боя,
в детских чаще всего,
где младенцы грудные пищат,
стонут и плачут от боли,
что причиняет им жизнь.
Это мы, мы, ветры,
воем и стонем —
о горе, о горе, о горе!

* * *

Поэт. Мне кажется, я уже...

Дочь. Молчи! Волны поют. *(Декламирует под тихую музыку.)*

Это мы, вольные волны,
что баюкаем ветры,

даря им покой!
Зеленые люльки, вольные волны.
Влажные мы и соленые,
на огня языки похожие.
Мы — влажное пламя.
Мы гасим и жжемся,
омываем, купаем,
зачинаем, рождаем.
Мы — вольные волны,
что баюкаем ветры,
даря им покой!

* * *

Дочь. Коварные волны, лживые волны; все, что на земле не сгорает, тонет... в волнах. Посмотри. *(Показывает на свалку.)* Посмотри, что море украло и разрушило... От затонувших кораблей остаются лишь ростральные украшения... и названия: «Справедливость», «Дружба», «Золотой мир», «Надежда» — это все, что осталось от надежды... обманчивой надежды!.. Реи, уключины, черпак! И погляди: спасательный круг... он спас самого себя, а потерпевшему дал погибнуть!

Поэт *(роется в куче)*. Вот дощечка с корабля «Справедливость». Того самого, что вышел из Бухты Красоты с сыном Слепца на борту. Стало быть, утонул! Там же на борту был и жених Алис, безнадежная любовь Эдит.

Дочь. Слепец? Бухта Красоты? Наверное, мне все это приснилось! И жених Алис, Дурнушка Эдит, Пролив Стыда и карантин, сера и карболка, присуждение докторской степени в церкви, контора адвоката, коридор и Виктория, «растущий замок» и офицер... Мне все это снилось...

Поэт. Когда-то я сочинил все это!

Дочь. Тогда ты знаешь, что такое поэзия...

Поэт. Тогда я знаю, что такое сон... Что есть поэзия?

Дочь. Не действительность, а больше, чем действительность... не сон, а сон наяву...

Поэт. А дети человеческие думают, будто мы, поэты, лишь играем... выдумываем и изобретаем!

Дочь. И хорошо, мой друг, ибо иначе мир бы погиб, утратив стимул к жизни. Все бы лежали на спине, уставившись в небо; никто бы не взялся за плуг и лопату, рубанок или мотыгу.

Поэт. И это говоришь ты, дочь Индры, ты, наполовину дитя небес...

Дочь. Ты прав, упрекая меня; слишком долгое время провела я здесь, внизу, принимая, как и ты, грязевые ванны... Мысли мои не в силах больше взлететь; глина на крыльях... земля на ногах... и сама я... *(Поднимает руки.)* Я погружаюсь, погружаюсь... Помоги мне, отец, отче небесный! *(Молчание.)* Уже не слышу ответа! Эфир не доносит звук с его губ до раковины моего уха... порвалась серебряная нить... Горе мне, я привязана к земле!

Поэт. Ты... скоро собираешься вознестись?

Дочь. Как только сожгу прах... ибо воды океана не способны очистить меня. Почему ты спрашиваешь?

Поэт. Потому что... у меня есть мольба... прошение...

Дочь. Что еще за прошение?..

Поэт. Прошение человечества к властителю мира, сочиненное мечтателем!

Дочь. И передать его должна?..

Поэт. Дочь Индры...

Дочь. Ты можешь прочитать свою поэму?

Поэт. Могу!

Дочь. Читай же!

Поэт. Лучше ты!

Дочь. Где я ее прочту?

Поэт. В моих мыслях или вот здесь! *(Протягивает свернутый в трубку листок.)*

Дочь. Хорошо, я прочитаю! *(Берет листок, но читает наизусть.)*

Почему родился с болью,
почему терзаешь мать,
ту, которой должен ты, дитя, дарить
материнства радость,
радостей всех радость?
Почему встречаешь жизнь ты,
к свету тянешься зачем
с криком злобным, с криком боли?
Почему улыбки нету
на устах твоих, дитя? Жизни дар
и есть ведь радость.
Почему на свет приходим
словно звери, хоть и родом
от богов мы и людей?
Но иной покров потребен духу,
не из грязи, не из крови!
Сменит зубы Божий образ...

...Молчи! Созданию негоже
обвинять Создателя!
Загадка жизни не разгадана пока!..
Начинаешь бег свой тяжкий
по камням, колючкам и кустам;
а на ровный путь коль выйдешь,
он запретным назовется,
полевой цветок сорвешь ты,
тут же скажут — он не твой;
поле путь твой преграждает,
а тебе вперед идти,
вот и топчешь хлеб чужой;
твой же кто-нибудь другой истопчет,
чтобы не было обидно!
Что тебе сплошная радость,
то другим одна беда,
но твоя беда не радость,
потому вдвойне беда!

Так бредешь до самой смерти,
а другим, увы, и дела нету!
. . . . . .

С этим, значит, сын земли,
ко Всевышнему решил идти?..

Поэт.

Как рожденному из праха
обрести язык столь легкий,
чтоб с земли взлететь он смог?
Божья дочь, мольбу ты нашу
переложишь ли в слова,
что Бессмертному понятны?

Дочь. Да!

Поэт *(кивая на буй)*. Что это там качается?.. Буй?

Дочь. Да!

Поэт. Он похож на легкое с гортанью!

Дочь. Это морской сторож. При приближении опасности он начинает петь.

Поэт. Мне кажется, море начинает волноваться, и волны заходили...

Дочь. Да, похоже!

Поэт. О горе, что я вижу? Корабль... у рифов.

Дочь. Что это может быть за корабль?

Поэт. По-моему, корабль-призрак.

Дочь. Какой?

Поэт. Летучий Голландец.

Дочь. Тот самый? За что он наказан так жестоко и почему не пристает к берегу?

Поэт. Потому что у него было семь неверных жен.

Дочь. И за это наказали его?

Поэт. Да! Все праведники его осудили...

Дочь. Странный мир!.. Как же он может освободиться от проклятия?

Поэт. Освободиться? Освобождать остерегаются...

Дочь. Почему?

Поэт. Потому что... Нет, это не Голландец! Это обычный корабль, терпящий бедствие!.. Почему же не кричит буй? Смотри, вода поднимается, волны все выше; скоро мы не сможем выйти из пещеры!.. Вот бьет судовой колокол! Скоро будет еще одна ростральная фигура... Кричи, буй, выполняй свой долг, сторож... *(Буй издает четырехголосный аккорд на пять шестых, похожий на звук туманной сирены.)* Команда машет нам... но мы тоже гибнем!

Дочь. Ты не хочешь избавления?

Поэт. Конечно хочу, но не сейчас... и не в воде!

* * *

Команда *(поет на четыре голоса)*. Крист Кирие![1]

Поэт. Они кричат; и море кричит! Но никто не слышит.

Команда *(как и раньше)*. Крист Кирие!

Дочь. Кто это там идет?

Поэт. По морю? Просто кто-то идущий по морю — но это не Петр, камень, ибо тот камнем пошел ко дну...

Над морем видно белое сияние.

Команда. Крист Кирие!

Дочь. Это Он?

Поэт. Он, Распятый...

Дочь. Почему, скажи мне, почему Его распяли?

Поэт. Потому что Он хотел освободить...

Дочь. Кто — я забыла, — кто распял Его?

Поэт. Все праведники.

Дочь. Какой странный мир!

Поэт. Море поднимается! Тьма наваливается на нас... Шторм усиливается...

---

[1] Христу слава! *(греч.)*

* * *

Команда издает вопль.

Поэт. Команда кричит от ужаса, увидев своего избавителя... А теперь... теперь они прыгают за борт, испугавшись Спасителя...

Команда снова издает вопль.

Теперь они кричат перед лицом смерти! Кричат, когда рождаются, и кричат, когда умирают!

Разбушевавшиеся волны грозят утопить их в пещере.

Дочь. Если бы я была уверена, что это корабль...

Поэт. Воистину... по-моему, это не корабль... это двухэтажный дом, вокруг деревья... и... телефонная башня... башня, доходящая до облаков... Современная Вавилонская башня, посылающая провода наверх, чтобы сообщать верховным...

Дочь. Дитя, человеческой мысли для перемещения не требуется металлического провода... молитва благочестивого проникает сквозь все миры... Это наверняка не Вавилонская башня, ибо, если хочешь штурмовать небо, штурмуй его своими молитвами!

Поэт. Да, это не дом... не телефонная башня... видишь?

Дочь. Что видишь ты?

Поэт. Я вижу заснеженную пустошь, учебный плац... зимнее солнце освещает церковь на холме, и башня отбрасывает на снег длинную тень... вот по пустоши марширует взвод солдат; они маршируют наверх, на башню, на шпиль; теперь они на кресте, но я предчувствую, что тот, кто первым наступит на петуха, умрет... они приближаются... во главе шагает капрал... Ха-ха! Над пустошью спускается туча, разумеется закрывая солнце... все исчезло... влага тучи

погасила огонь солнца! Солнечный свет создал тень башни, а тень тучи задушила тень башни...

Во время предыдущего монолога сцена снова преобразилась в театральный коридор.

Дочь *(Привратнице)*. Лорд-канцлер уже прибыл?

Привратница. Нет!

Дочь. А деканы?

Привратница. Нет!

Дочь. Позови их немедленно, сейчас будут открывать дверь...

Привратница. Это так важно?

Дочь. Да! Ибо есть подозрение, что там, внутри, хранится разгадка загадки мира!.. Итак, зови лорд-канцлера и деканов четырех факультетов!

Привратница свистит в свисток.

И не забудь про стекольщика с алмазом, ибо иначе ничего не получится!

* * *

Слева выходят служащие театра, как в начале пьесы.

* * *

Офицер *(появляется из задника, в рединготе и цилиндре, с букетом роз в руках, сияющий от радости)*. Виктория!

Привратница. Фрекен сейчас придет!

Офицер. Прекрасно! Коляска ждет, стол накрыт, шампанское положено в лед... Разрешите мне обнять вас, сударыня. *(Обнимает Привратницу.)* Виктория!

* * *

Женский голос *(сверху, поет)*. Я здесь!

Офицер *(начинает ходить)*. Хорошо! Я жду.

Поэт. По-моему, я все это уже видел...

Дочь. По-моему, я тоже.

Поэт. Может, мне это приснилось?

Дочь. Или ты это сочинил?

Поэт. Или сочинил.

Дочь. Тогда ты знаешь, что такое поэзия.

Поэт. Тогда я знаю, что такое сон.

Дочь. По-моему, мы произносили эти слова где-то в другом месте.

Поэт. Значит, скоро ты сможешь определить, что такое действительность!

Дочь. Или сон!

Поэт. Или поэзия!

* * *

Лорд-канцлер. Деканы богословского, философского, медицинского и юридического факультетов.

Лорд-канцлер. Вопрос, разумеется, касается двери! Что думает декан богословского факультета?

Декан богословского факультета. Я не думаю, я верую... Credo...

Декан философского факультета. Я считаю...

Декан медицинского факультета. Я знаю...

Декан юридического факультета. Я сомневаюсь, пока не получу доказательства и свидетельские показания!

Лорд-канцлер. Опять вы начали ссориться!.. Так во что верует богослов?

Декан богословского факультета. Я верую, что эту дверь нельзя открывать, поскольку она скрывает опасные истины...

Декан философского факультета. Истина не бывает опасной.

Декан медицинского факультета. Что есть истина?

Декан юридического факультета. То, что можно доказать с помощью двух свидетелей.

Декан богословского факультета. С помощью двух ложных свидетелей крючкотвор способен доказать все.

Декан философского факультета. Истина — это мудрость, а мудрость, знание есть сама философия... Философия — наука наук, знание знания, и все другие науки — слуги философии.

Декан медицинского факультета. Единственные науки — естественные, философия не наука, а лишь пустые спекуляции.

Декан богословского факультета. Браво!

Декан философского факультета *(богослову)*. Ты восклицаешь «браво!». Кто ты таков? Ты заклятый враг любого знания, ты антипод науки, ты невежество и темнота...

Декан медицинского факультета. Браво!

Декан богословского факультета *(медику)*. Ты восклицаешь «браво!», ты, кто не видит дальше своего носа в лупу, ты, кто верит лишь своим обманчивым чувствам, своему зрению например, которое может быть дальнозорким, близоруким, слепым, тусклым, косым, одноглазым, не различающим цвета, не различающим красного, не различающим зеленого...

Декан медицинского факультета. Дурак!

Декан богословского факультета. Осел!

Разгорается спор.

Лорд-канцлер. Тихо! Не пристало воронам выклевывать друг другу глаза.

Декан философского факультета. Если бы мне пришлось выбирать между этими двумя — богословием и медициной, — я бы... не выбрал ни то ни другое!

Декан юридического факультета. А если бы я судил вас троих, то осудил бы — всех!.. Вы

не способны достичь согласия ни по единому пункту и никогда не были способны на это. К делу! Каково мнение лорд-канцлера по поводу этой двери и ее открытия?

Лорд-канцлер. Мнение? У меня нет мнения. Я всего только назначен правительством следить, чтобы вы не переломали друг другу руки и ноги в консистории... воспитывая молодежь. Мнение? Нет уж, я воздержусь от всяких мнений. Когда-то у меня было несколько, но их тут же опровергли; мнения сразу же опровергаются — противниками, разумеется!.. Может, мы все-таки откроем дверь, даже с риском, что она скрывает опасные истины?

Декан юридического факультета. Что есть истина? Где истина?

Декан богословского факультета. Я есмь истина и жизнь...

Декан медицинского факультета. Я есть точное знание...

Декан юридического факультета. Я сомневаюсь!

Разгорается спор.

Дочь. Учителя молодежи, стыдитесь!

Декан юридического факультета. Лорд-канцлер, вы представитель правительства, глава учительского корпуса, вы обязаны привлечь эту женщину к ответственности за ее проступок! Она призвала вас стыдиться, это оскорбление, она назвала вас учителем молодежи в презрительном, ироническом смысле, это оскорбительные речи!

Дочь. Бедная молодежь!

Декан юридического факультета. Она сожалеет о молодежи, тем самым обвиняет нас. Лорд-канцлер, привлеките ее к ответственности!

Дочь. Да, я обвиняю вас, вас всех, в том, что вы сеете сомнения и разлад в умах молодых.

Декан юридического факультета. Послушайте, она сама пробуждает сомнения у молодежи в нашем авторитете, при этом обвиняя нас в том, что мы сеем сомнения. Разве это не преступное действие, я спрашиваю всех праведников?

* * *

Все праведники. Конечно преступное!

Декан юридического факультета. Все праведники осудили тебя! Уходи с миром, к своей выгоде! Иначе...

Дочь. К своей выгоде? Иначе? Иначе что?

Декан юридического факультета. Иначе тебя побьют камнями.

Поэт. Или распнут на кресте.

Дочь. Я ухожу. Пойдем со мной, и ты узнаешь загадку!

Поэт. Какую загадку?

Дочь. Что он имеет в виду под «моей выгодой»?

Поэт. Вероятно, ничего. Это то, что мы называем пустословием. Он пустословил.

Дочь. Но он меня этим глубоко оскорбил!

Поэт. Потому-то, наверное, и сказал... Таковы люди.

Все праведники. Ура! Дверь открыта!

* * *

Лорд-канцлер. Что скрывалось за дверью?

Стекольщик. Я ничего не вижу.

Лорд-канцлер. *Он* ничего не видит, так я и думал!.. Деканы! Что скрывалось за дверью?

Декан богословского факультета. Ничего! Это разгадка загадки мира... В начале Бог из ничего создал небо и землю.

Декан философского факультета. Из ничего получается ничто.

Декан медицинского факультета. Чушь! Это ничто.

Декан юридического факультета. Сомневаюсь. И здесь наличествует обман. Я обращаюсь ко всем праведникам!

* * *

Дочь *(Поэту)*. Кто такие праведники?

Поэт. Кто бы знал. Все праведники — это чаще всего один человек. Сегодня я и мои близкие, завтра ты и твои близкие. Праведником назначают, или, вернее, человек сам себя назначает.

* * *

Все праведники. Нас обманули!

Лорд-канцлер. Кто вас обманул?

Все праведники. Дочь!

Лорд-канцлер. Не будет ли Дочь так добра сказать, что она имела в виду, открывая дверь?

Дочь. Нет, друзья мои! Если бы я сказала, вы бы не поверили!

Декан медицинского факультета. Там ведь ничего нет.

Дочь. Вот ты сам и сказал! Но ты не понял этого ничто!

Декан медицинского факультета. Она говорит чушь.

Все. Чушь!

Дочь *(Поэту)*. Жалко их.

Поэт. Ты говоришь серьезно?

Дочь. Всегда серьезно.

Поэт. И праведников тебе тоже жалко?

Дочь. Может быть, больше всех.

Поэт. И деканов четырех факультетов?

Дочь. Их тоже, не меньше других! Четыре головы, четыре ума на одном теле! Кто создал это чудовище?

Все. Она не отвечает!

Лорд-канцлер. Тогда побейте ее!

Дочь. Я ответила.

Лорд-канцлер. Слышите, она отвечает.

Все. Побейте ее! Она отвечает.

Дочь. Отвечает она или не отвечает — побейте!.. Идем, провидец, я — далеко отсюда! — раскрою тебе загадку, но только там, в пустынном краю, где нас никто не услышит и не увидит! Ибо...

* * *

Адвокат *(подходит, берет Дочь за руку)*. Ты забыла свои обязанности?

Дочь. О Господи, нет! Но у меня есть высший долг!

Адвокат. А твой ребенок?

Дочь. Мой ребенок! Что еще?

Адвокат. Твой ребенок зовет тебя.

Дочь. Мой ребенок! Горе мне, я привязана к земле!.. И эта тяжесть на сердце, этот страх... что это?

Адвокат. Ты не знаешь?

Дочь. Нет!

Адвокат. Это муки совести.

Дочь. Муки совести?

Адвокат. Да! И они начинаются после малейшего пренебрежения своими обязанностями, после каждого удовольствия, даже самого невинного, если вообще существуют невинные удовольствия, что сомнительно; и после любого страдания, причиненного ближнему.

Дочь. И спасения не дано?

Адвокат. Дано, одно-единственное! Немедленно исполнить свой долг...

Дочь. Ты похож на демона, когда произносишь слово «долг»! А если нужно исполнить два долга, как мне?

Адвокат. Тогда сначала исполняют один, а потом другой!

Дочь. Сначала высший... посему присмотри за моим ребенком, а я исполню свой долг...

Адвокат. Твой ребенок тоскует... способна ли ты чувствовать, как из-за тебя страдает человек?

Дочь. В душе моей сумятица... она разрывается пополам и тянет в разные стороны!

Адвокат. Видишь, таковы диссонансы жизни!

Дочь. Ах, как рвется душа!

* * *

Поэт. Знала бы ты, сколько горя и разрушений я причинил, исполняя свое призвание, — заметь, призвание, которое есть высший долг, — ты не захотела бы подать мне руки!

Дочь. Объясни!

Поэт. Мой отец связывал все свои надежды со мной, единственным сыном, который продолжит его дело... Я сбежал из торгового института... Отец умер от огорчения. Моя мать хотела, чтобы я посвятил себя религии... я не смог... она оттолкнула меня... У меня был друг, который поддерживал меня в тяжелые времена... Друг обращался как тиран с теми, кто был мне дорог, для кого я пел. Мне пришлось отвергнуть своего друга и благодетеля, чтобы спасти собственную душу! С тех пор нет мне покоя; люди называют меня бесчестным, подонком, и пусть моя совесть говорит: ты поступил правильно, — это дела не меняет, потому что в следующий миг совесть говорит: ты поступил неправильно! Такова жизнь.

Дочь. Пойдем со мной в пустынный край!

Адвокат. Твой ребенок!

Дочь *(имея в виду всех присутствующих)*. Вот мои дети! Поодиночке каждый из них хороший, но стоит им сойтись вместе, они начинают ссориться и превращаются в демонов... Прощай!

* * *

Перед замком; те же декорации, что в первой сцене первого акта. Но теперь земля у подножия замка покрыта цветами

(синими аконитами). На крыше замка, на его фонаре, виден вот-вот готовый распуститься бутон хризантемы. Окна замка освещены стеариновыми свечами.

Дочь и Поэт.

Дочь. Недалек тот миг, когда я с помощью огня вновь войду в эфир... Вы называете это смертью и ждете ее со страхом.

Поэт. Страхом перед неизвестным.

Дочь. Которое вам известно.

Поэт. Кому известно?

Дочь. Всем! Почему вы не верите своим пророкам?

Поэт. Пророкам никогда не верили — почему? И «если Бог говорит, почему люди не верят Ему»? Сила его убеждения должна была бы быть неотразимой!

Дочь. Ты всегда сомневался?

Поэт. Нет! Много раз я обретал уверенность, но через некоторое время она исчезала, как сон при пробуждении!

Дочь. Нелегко быть человеком!

Поэт. Послушай! Разве не Индра однажды послал сюда своего сына, чтобы тот слышал жалобы человечества?

Дочь. Верно! Как его приняли?

Поэт. Отвечая вопросом на вопрос: как выполнил он свою миссию?..

Дочь. Отвечая другим вопросом... Разве людям не стало лучше жить после того, как Он посетил землю? Отвечай правду!

Поэт. Лучше? ...Немного! Чуть-чуть!.. Но вместо того чтобы спрашивать, ты не хочешь открыть мне загадку?

Дочь. Хочу! Только зачем? Ты ведь мне не поверишь!

Поэт. Тебе поверю, ибо знаю, кто ты!

Дочь. Хорошо, я скажу!

На заре времен, до того как воссияло солнце, Брама, божественная первооснова, позволил Майе, матери мира, соблазнить себя, дабы размножиться. Это соприкосновение божественной первоматерии с земной стало грехопадением неба. Мир, жизнь, люди, таким образом, суть фантом, видимость, сон...

Поэт. Мой сон!

Дочь. Правдивый сон!.. Но чтобы освободиться от земной материи, потомки Брамы ищут лишений и страданий... Вот тебе страдание как избавление... Но эта потребность в страдании сталкивается с желанием наслаждаться, или с любовью... Теперь ты понимаешь, что такое любовь, с ее высочайшими радостями при глубочайшем страдании, самое сладостное в самом горьком! Теперь ты понимаешь, что такое женщина? Женщина, через которую в жизнь вошли грех и смерть?

Поэт. Понимаю!.. А конец?

Дочь. Ты его знаешь... Борьба между болью наслаждения и наслаждением страдания... между муками раскаявшегося и радостями сладострастника...

Поэт. Значит, борьба?

Дочь. Борьба противоположностей рождает силу, как огонь и вода создают силу пара...

Поэт. А покой? Отдых?

Дочь. Молчи, тебе нельзя больше спрашивать, а мне отвечать! ...Алтарь уже разукрашен для жертвоприношения... цветы стоят на страже; свечи зажжены... на окнах белые простыни... у дверей еловые ветки...

Поэт. Ты говоришь это так спокойно, словно для тебя не существует страдания!

Дочь. Не существует? Я страдала всеми вашими страданиями, только в сотни раз сильнее, ибо мои ощущения тоньше...

Поэт. Излей свое горе!

Дочь. Поэт, сумел бы ты излить свое без единого лишнего слова? Твои слова когда-нибудь были способны сравняться с твоими мыслями?

Поэт. Ты права, никогда! Я был для самого себя словно глухонемой, и когда толпа с восхищением слушала мои песни, мне они казались просто шумом... видишь ли, поэтому я всегда стеснялся, когда меня превозносили!

Дочь. И ты хочешь, чтобы я?.. Посмотри мне в глаза!

Поэт. Я не выдержу твоего взгляда...

Дочь. Как же ты выдержал бы мои слова, если бы я заговорила на своем языке!..

Поэт. Но все-таки, прежде чем ты уйдешь, скажи: что причиняло тебе самые сильные страдания здесь, внизу?

Дочь. Мое существование; чувство, что мое зрение ослаблено глазами, слух притуплён ушами, а мысль, моя светлая воздушная мысль, запуталась в лабиринте жирных извилин. Ты видел мозг... какие кривые дорожки, какие узкие тропинки...

Поэт. Да, поэтому-то все праведники и мыслят криво!

Дочь. Злой, как всегда, злой, но вы все такие!..

Поэт. Как можно быть другим?

Дочь. Теперь я сначала отряхну прах со своих ног... землю, глину... *(Снимает туфли и кладет их в огонь.)*

* * *

Привратница *(входит, кладет в огонь свою шаль)*. Можно, я свою шаль тоже сожгу?

Офицер *(входит)*. А я свои розы, на которых остались лишь колючки! *(Выходит.)*

Расклейщик афиш *(входит)*. Афиши пусть погибают, но сачок ни за что! *(Выходит.)*

Стекольщик *(входит)*. Алмаз, открывший дверь! Прощай! *(Выходит.)*

Адвокат *(входит)*. Протокол судебного процесса относительно бороды Папы Римского или снижения уровня воды в источниках Ганга. *(Выходит.)*

Начальник карантина *(входит)*. Маленький взнос — черная маска, превратившая меня в мавра вопреки моей воле! *(Выходит.)*

Виктория *(входит)*. Моя красота, мое горе! *(Выходит.)*

Эдит *(входит)*. Мое уродство, мое горе! *(Выходит.)*

Слепец *(входит, сует руку в огонь)*. Даю руку за глаз! *(Выходит.)*

Появляется Дон Жуан в инвалидной коляске.

Она и друг.

Дон Жуан. Поторопитесь, поторопитесь, жизнь коротка!

Выходят вслед за остальными.

* * *

Поэт. Я читал, что, когда жизнь близится к концу, все и вся проносятся мимо единой чередой... Это конец?

Дочь. Да, мой конец! Прощай!

Поэт. Скажи что-нибудь на прощание!

Дочь. Нет, не могу! Неужели ты думаешь, будто ваши слова способны выразить наши мысли!

Богослов *(входит, в бешенстве)*. Бог меня дезавуировал, люди меня преследуют, правительство от меня отреклось, и мои коллеги меня высмеивают! Как я могу верить, если больше никто не верит..: как я буду защищать Бога, который не защищает своих детей? Все это чушь! *(Бросает книгу в огонь и уходит.)*

* * *

Поэт *(выдергивает книгу из огня)*. Знаешь, что это?.. Мартиролог, календарь с мучеником на каждой странице.

Дочь. Мучеником?

Поэт. Да, человеком, замученным до смерти за веру! Скажи почему?

Дочь. Ты думаешь, те, кого пытают, кто страдает, все те, кого убивают, чувствуют боль? Ведь страдание — это искупление, а смерть — избавление.

* * *

Кристин *(с полосками бумаги)*. Я клею, я клею, пока не останется чего заклеивать...

Поэт. Даже если бы разверзлось само небо, ты бы попыталась заклеить его... Уходи!

Кристин. А в замке нет двойных рам?

Поэт. Нет уж, только не там!

Кристин *(выходит)*. Тогда я пойду!

* * *

Дочь.

Близится час расставанья, и конец недалек;
так прощай же, сын человечий, сновидец,
скальд, что всех лучше жизнь понимает;
на крыльях паря над землей,
ты порою ныряешь в пыль,
чтоб ее лишь коснуться и вновь вознестись!

. . . . . .

Ухожу я... и в миг расставанья,
покидая друзей, покидая селенья,
так тоскует душа по тому, что любила,
и кается в том, что она предала...
О, всю боль бытия я теперь ощущаю,
вот каково оно быть человеком...
Тоскуешь о том, что мало ценила,
и каешься в том, что *не* предала...
И хочешь уйти, и хочешь остаться...
И сердце разбито напополам,
и рвется душа от смятенья, сомнений,
гармонии нет и следа...

. . . . . .

Прощай! Скажи сородичам, я буду помнить их там,
куда я нынче удаляюсь, и их мольбу
я именем твоим до трона донесу.
Прощай!

Она входит в замок. Раздается музыка. На заднике, освещенном пламенем горящего замка, проступает множество человеческих лиц — удивленных, опечаленных, отчаявшихся... В то время, когда замок загорается, бутон на крыше распускается в гигантский цветок хризантемы.

Соната призраков

Opus 3

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Старик, директор Хуммель.
Студент Аркенхольц.
Молочница (виденье).
Привратница.
Покойник, консул.
Дама в черном — дочь Покойника и Привратницы.
Полковник.
Мумия, жена Полковника.
Дочь его — дочь Старика.
Знатный господин, по имени барон Сканскорг, жених привратницыной дочери.
Юхансон, слуга Хуммеля.
Бенгтсон, слуга Полковника.
Невеста, прежняя невеста Хуммеля, седая старуха.

Первый этаж и бельэтаж современного дома, дом виден с угла, в первом этаже круглая гостиная, в бельэтаже — балкон и флагшток. В открытом окне гостиной, когда раздвигаются шторы, видна белая мраморная статуя молодой женщины, среди пальм, в ярких солнечных лучах. В окне налево — гиацинты в горшках (голубые, белые, алые). На балконных перилах — синее шелковое одеяло и две белые подушки. Окно бельэтажа налево завешено белой простынею. Ясное летнее утро. Перед домом на переднем плане — зеленая скамейка. Направо на переднем плане — фонтан, налево — афишная тумба. Налево в глубине — открытая дверь парадного, видна белая мраморная лестница с перилами красного дерева с бронзой; по обе стороны парадного в кадках стоят лавры. Круглая гостиная выходит в переулок, ведущий как бы в глубину сцены. Налево от парадного в первом этаже — окно с зеркалом-рефлектором. Когда поднимается занавес, слышно, как звонят сразу в нескольких церквах. Двери парадного открыты; на лестнице неподвижно стоит Дама в черном. Привратница подметает крыльцо, драит дверные ручки, поливает лавры. В кресле-каталке возле афишной тумбы сидит Старик и читает газету; он седой, бородатый, в очках. Из-за угла появляется

Молочница, в проволочной корзине у нее бутылки; она без пальто, в коричневых туфлях, черных чулках, белом беретике; снимает беретик и вешает на фонтан; утирает пот со лба, черпает ковшом воду, пьет несколько глотков, моет руки, поправляет прическу, глядясь в воду фонтана. Слышно, как где-то на пароходе бьют склянки да органные басы в ближней церкви то и дело нарушают тишину. После минутной паузы, когда девушка уже привела себя в порядок, слева входит Студент, невыспавшийся, небритый. Направляется прямо к фонтану.

Студент. Можно мне ковш?

Молочница тянет ковш к себе.

Ну, ты скоро?

Молочница смотрит на него с ужасом.

Старик *(про себя)*. С кем это он говорит? Никого не вижу! С ума он, что ли, сошел? *(Рассматривает их с величайшим изумлением.)*

Студент. Что ты так глядишь на меня? Жуткое зрелище? Да, я не спал сегодня, и ты решила, кажется, что я всю ночь кутил...

Молочница все так же на него смотрит.

Пуншем назюзюкался, а? Пахнет от меня пуншем?

Молочница все так же смотрит.

Ну да, небритый, сам знаю... Дай-ка мне, девушка, глоток воды, ей-богу, я заслужил! *(Пауза.)* Ну что ж! Придется живописать, как всю ночь я перевязывал раненых и спасал страждущих. В самом деле, вчера вечером я видел, как обрушился дом... вот.

Молочница полощет ковш и дает Студенту напиться.

Благодарю!

Молочница стоит неподвижно.

(Медленно.) Не окажешь ли ты мне великую услугу? *(Пауза.)* Понимаешь ли, у меня болят глаза, сама ви-

дишь, они красные, а я прикасался к раненым и к трупам; и мне не стоит дотрагиваться до глаз... Будь добра, достань у меня из кармана чистый носовой платок, смочи его холодной водой и промой мои бедные глаза. Хочешь? Хочешь быть милосердной самаритянкой?

Молочница, помешкав, исполняет его просьбу.

Спасибо, дружок! *(Вынимает бумажник.)*

Девушка отстраняет его рукой.

Прости мне мою глупость. Я просто с ног валюсь, так спать хочется...

Старик *(Студенту)*. Прошу прощенья, что позволяю себе к вам адресоваться, но я услышал, вы вчера были на месте катастрофы... А я тут как раз читаю в газете...

Студент. Уже и в газете есть?

Старик. Во всех подробностях; и портретец помещен. Сожалею только, что имя отважного студента узнать не удалось...

Студент *(заглядывает в газету)*. Вот как? Да, это я!

Старик. Но с кем это вы только что беседовали?

Студент. А сами-то вы не видели?

Пауза.

Старик. Осмелюсь полюбопытствовать... не могу ли я узнать ваше достославное имя?

Студент. К чему? Не люблю гласности... сегодня превозносят, завтра клеймят — нынче научились унижать так виртуозно... да и за наградой я не гонюсь...

Старик. Богаты, стало быть?

Студент. Какое там, напротив! Беден как церковная мышь.

Старик. Знаете ли... мне, кажется, знаком ваш голос... У меня был в юности друг, он произносил

«охно» вместо «окно», и в жизни я не встречал больше никого, кто произносил бы это слово таким манером... Он единственный. И вот теперь вы. Скажите, не родственник ли вы купцу Аркенхольцу?

Студент. Это мой отец.

Старик. Пути Провидения неисповедимы... Я видел вас, когда вы были совсем еще ребенком, и при весьма печальных обстоятельствах.

Студент. Да, говорят, я родился, как раз когда обанкротился отец.

Старик. Совершенно верно!

Студент. Могу ли я спросить, с кем имею честь?..

Старик. Я директор Хуммель...

Студент. Вот как? Припоминаю...

Старик. При вас часто произносили мое имя?

Студент. Да!

Старик. И быть может, с некоторой неприязнью?

Студент молчит.

Так я и знал! И разумеется, вам говорили, будто это я разорил вашего отца? Все разорившиеся на глупых махинациях непременно воображают, будто их разорил тот, кого им не удалось провести. *(Пауза.)* На самом же деле отец ваш ограбил меня на семнадцать тысяч крон, которые и составляли в те времена все мое достояние.

Студент. Удивительно, как можно одну и ту же историю рассказывать на совершенно разные лады.

Старик. Не думаете же вы, что я лгу?

Студент. Что же мне думать? Отец лгать не мог!

Старик. Разумеется, отцы никогда не лгут... Но я сам отец, в свою очередь, и, следственно...

Студент. Говорите ясней.

Старик. Я вызволил вашего отца из беды, он же мне сполна отплатил смертельной ненавистью... и домашних своих приучил поносить меня.

Студент. Но, возможно, вы сами навлекли его неблагодарность, отравив свою помощь каким-то унижением.

Старик. Помощь всегда унизительна, сударь мой.

Студент. Что, собственно, вам от меня угодно?

Старик. Я не требую с вас денег; но вы можете со мной расквитаться, если согласитесь оказывать мне мелкие услуги. Вы видите — я калека, одни считают, что я сам виноват, другие склонны винить моих родителей, я же полагаю — виною тут коварство жизни: едва избегнешь одних ее силков, и тотчас попадешься в другие. Меж тем я не могу бегать по лестницам, дергать дверные звонки, и я взываю к вам — помогите!

Студент. Чем я могу вам помочь?

Старик. Для начала — подкатите-ка мое кресло к тумбе, мне надо прочесть афиши; хочу посмотреть, что сегодня дают...

Студент *(катит кресло)*. А слуги у вас нет?

Старик. Есть, да я его послал с поручением... Скоро он вернется... Вы, сударь, медик?

Студент. Нет, я занимаюсь языками, но сам, впрочем, не знаю, что из меня выйдет.

Старик. Хе-хе! Ну а в математике вы сильны?

Студент. Пожалуй.

Старик. Превосходно! А хотели бы получить место?

Студент. Отчего бы нет.

Старик. Так-с *(читает афиши)*. Утром дают «Валькирию»... Значит, полковник с дочерью будут, а коль скоро он всегда сидит с краю в шестом ряду, вас я усажу подле... Не угодно ли вам зайти вон в ту телефонную будку и заказать один билет в шестом ряду, кресло номер восемьдесят два?

Студент. Значит, мне днем идти в оперу?

Старик. Да! Слушайтесь меня, и вам будет хорошо! Я хочу, чтобы вы были богаты, счастливы, окружены почетом. Ваш вчерашний дебют в роли отваж-

ного спасителя сегодня же сделает вас знаменитостью, и ваше имя уже кой-чего стоит.

Студент *(идет к телефонной будке)*. Забавно...

Старик. Вы спортсмен?

Студент. Да, к несчастью.

Старик. Оно обернется счастьем! Извольте же заказать билет. *(Читает газету.)*

Дама в черном сходит на тротуар и беседует с Привратницей; Старик вслушивается, но публике их разговор не слышен.

Студент выходит из будки.

Заказали?

Студент. Да.

Старик. Вы видите этот дом?

Студент. Я уж его раньше приметил... Я тут вчера проходил, когда в окнах сверкало солнце, и, вообразив, как там все красиво и роскошно, я сказал приятелю: занимать бы такую квартиру в четвертом этаже да иметь хорошенькую молоденькую жену, двоих славных ребятишек да двадцать тысяч крон дохода в придачу...

Старик. Так и сказали? Так и сказали? Подумать только! Я тоже люблю этот дом...

Студент. Вы интересуетесь домами?

Старик. Мм... Пожалуй. Но не так, как вы думаете.

Студент. И вы знаете жильцов?

Старик. Знаю их всех. В мои годы знаешь уже всех, знаешь всех отцов и дедов и со всеми оказываешься в родстве. Мне ведь уже восемьдесят стукнуло, но никто меня не знает как следует. А меня занимают людские судьбы...

В круглой гостиной раздвигаются шторы. Полковник, в штатском, выглядывает в окно; посмотрев на термометр, отступает вглубь комнаты и останавливается перед мраморной статуей.

А вот и полковник, с которым вы сегодня будете сидеть рядом...

Студент. Это и есть полковник? Ничего не пойму, просто сказка какая-то.

Старик. Вся моя жизнь словно книга сказок, голубчик. И хотя сказки в ней разные, все они связаны между собой и главный мотив повторяется.

Студент. А чья это там статуя?

Старик. Разумеется, его жены.

Студент. Значит, она была прекрасна?

Старик. Мм... Да!

Студент. Нет, говорите уж все как есть!

Старик. Мы не вправе никого судить, мой мальчик! И если я вам сейчас стану рассказывать, как она от него ушла, как он ее бил, как она вернулась, снова вышла за него замуж и как теперь она сидит в доме, словно мумия, и молится на собственное изображение,— вы ведь, чего доброго, меня за помешанного сочтете.

Студент. Ничего не пойму!

Старик. Понять мудрено! Далее — окно с гиацинтами. Там живет его дочь... сейчас она где-то скачет верхом, но скоро она вернется.

Студент. А кто та дама в черном, что говорит с привратницей?

Старик. Ах, все это ужасно сложно и связано с покойником — там, наверху, за белой простыней...

Студент. Кто же он был?

Старик. Он был человек, вот как мы с вами, но больше всего было в нем тщеславия... Если бы вы родились в сорочке, вы бы скоро могли увидеть, как он выйдет из парадного, чтобы полюбоваться на приспущенный консульский флаг,— он был, собственно, консул и обожал короны, львов, кокарды, цветные ленты.

Студент. Вы говорите — в сорочке. Помнится, говорили, я так и родился.

Старик. О? Неужто?.. Да-да... Я об этом догадывался по цвету ваших глаз... но вы, стало быть, видите то, чего другие не видят, вы замечали?

Студент. Уж не знаю, что видят другие, но я, бывает... но об этом не стоит.

Старик. Так я и знал! Но мне-то вы можете довериться... ведь я... я превосходно понимаю.

Студент. Вот вчера, например... меня потянуло в один тихий закоулок, и вскоре там рухнул дом... Я подошел и остановился перед зданием, которого не видывал прежде... Вдруг я заметил на стене трещину, услышал, как что-то грохнуло; я бросился вперед и подхватил ребенка, который шел вдоль стены... И тут же дом рухнул... я был невредим, но на руках у меня не было никакого ребенка...

Старик. Н-да, скажу я вам... Но я полагал... Объясните мне, однако: почему вы только что размахивали руками подле фонтана? И почему разговаривали с самим собой?

Студент. Разве вы не видели? Я разговаривал с молочницей!

Старик (в *ужасе*). С молочницей?

Студент. Разумеется. Она еще дала мне напиться.

Старик Да. Вот оно что! Что ж, я не вижу, зато я способен на кое-что другое...

Подле окна с зеркалом-рефлектором садится седая женщина.

Поглядите на ту старуху в окне. Видите? Чудесно. Она была когда-то моей невестой, шестьдесят лет назад. Мне тогда было двадцать. Не бойтесь, она меня не узнает! Мы видимся каждый день, но мне это решительно безразлично, хоть мы поклялись друг другу в вечной верности. Вечной!

Студент. Как же вы были безрассудны! Мы со своими подружками ни о чем таком не говорим.

Старик. Прости нам, юноша, наше недомыслие! Но можете ли вы поверить, что старуха эта была юной и прекрасной?

Студент. Как-то незаметно. Впрочем, взор ее прекрасен, хоть глаз я не разгляжу!

Привратница выходит с корзиной и разбрасывает еловые ветки.

Старик. Привратничиха! Ага! Дама в темном — ее дочь от покойника, вот муж и получил место привратника... Но у темной дамы есть жених, он знатен и надеется разбогатеть; собственно, он сейчас разводится со своей женой, и она дарит ему каменный дом на радостях, что от него избавилась. Знатный жених этот — покойнику зять, и там, на балконе, видите, проветривается его постель... Признаться, все это так запутанно!

Студент. Неимоверно запутанно!

Старик. Да, предельно запутанно, хоть на первый взгляд кажется совершенно просто.

Студент. Но кто же был этот покойник?

Старик. Вы уже спрашивали, я вам ответил; если б вы заглянули за угол, на черный ход, вы бы заметили толпу бедняков, которым он помогал... когда ему вдруг приходила такая блажь.

Студент. Значит, он был великодушный человек?

Старик. Да... порой.

Студент. Не всегда?

Старик. Нет! Так уж созданы люди! Знаете, сударь, подтолкните-ка мою коляску на солнышко; я ужасно продрог; когда не двигаешься, кровь стынет в жилах. Я знаю, я скоро умру, но предварительно мне надо еще кое-что устроить. Дайте руку — чувствуете, какой я холодный?

Студент. Неимоверно! *(Отшатывается.)*

Старик. Не бросайте меня, я устал, я одинок, но не всегда я был таким. Я бесконечно долго жил — бесконечно. Я причинял людям горе, они причиняли горе мне. Мы в расчете. Но пока я не умер, я хочу видеть вас счастливым... Наши судьбы связаны воедино судьбой вашего отца и еще кое-чем...

Студент. Да отпустите же вы мою руку, слышите? Вы все силы у меня отнимаете, вы меня заморозите, наконец! Чего вам от меня надо?

Старик. Терпенье! Сейчас вы все увидите и поймете... Вот идет фрекен...

Студент. Дочь полковника?

Старик. Да! Дочь! Смотрите на нее! Случалось ли вам видеть такое совершенство?

Студент. Она — как та мраморная статуя...

Старик. Это же ее мать!

Студент. Ваша правда. Никогда я еще не видывал такой женщины! Блажен, кто поведет ее к алтарю и введет в свой дом!

Старик. Значит, вы видите! Не все находят ее прекрасной... Стало быть, решено!

Фрекен входит слева в модной амазонке, ни на кого не глядя, медленно идет к парадному, там останавливается и что-то говорит Привратнице, потом входит в дом. Студент заслоняет глаза руками.

Вы плачете?

Студент. Как не впасть в отчаяние пред безнадежностью!

Старик. Я умею отворять двери и сердца, когда мне удается найти руку, послушную моей воле. Служите мне — и будете царить...

Студент. Что это — договор? И я должен продать свою душу?

Старик. Зачем продавать? Видите ли, всю свою жизнь я только и делал, что брал. А теперь у меня одна потребность — давать! Давать! Но некому брать! Я богат, очень богат, но у меня нет наследников, только один болван, который отравляет мою жизнь... Будьте мне сыном, наследуйте мне при жизни, наслаждайтесь, и чтоб я это видел, хоть издали.

Студент. Но что мне надо делать?

Старик. Прежде всего — идите в оперу!

Студент. Это решено — что дальше?

Старик. Сегодня же вечером вы будете сидеть в круглой гостиной!

Студент. Но как я туда попаду?

Старик. Поможет «Валькирия»!

Студент. Почему вы избрали меня своим медиумом? Вы знали меня раньше?

Старик. Разумеется. Вы у меня давно на примете... Однако взгляните-ка, взгляните, как на балконе девушка приспустила флаг по причине смерти консула... вот она перевертывает синее одеяло... Видите? Под ним спали двое, и одного уж нет...

Фрекен, переодетая, показывается в окне, она поливает гиацинты.

Девочка моя милая! Посмотрите вы на нее! Вот — разговаривает с цветами, но разве сама она не похожа на голубой гиацинт? Она поит их одной чистой водою, а уж они превращают эту воду в благоуханье и краски... А вот и полковник с газетой! Показывает ей статейку про обвалившийся дом... тычет пальцем в ваш портрет! О, кажется, она не осталась равнодушной... читает про ваш подвиг... тучи, кажется... только б дождь... не начался, хорош я буду, если Юхансон не подоспеет...

Небо хмурится. Старуха с зеркалом-рефлектором затворяет окно.

Вот моя невеста закрывает окно... семьдесят девять лет... пользуется только зеркалом-рефлектором, потому что себя в нем не видит, а видит лишь окружающий мир, и с двух сторон вдобавок, ну а о том, что миру она при этом видна, она и не догадывается... Красивая, однако, старуха...

Покойник в саване виден в парадном.

Студент. Господи, что я вижу?

Старик. Что вы такое видите?

Студент. Сами-то вы разве не видите? Покойник в дверях!

Старик. Ничего я не вижу, но так я и знал! Рассказывайте!

Студент. Вот он, выходит на улицу... *(Пауза.)* Повернул голову, разглядывает флаг.

Старик. А я что говорил? Сейчас будет пересчитывать венки и читать визитные карточки... Горе тому, кто ничего не прислал...

Студент. Он сворачивает за угол...

Старик. Будет нищих у черного хода считать... Бедняки — прелестное украшение похорон: «сопровождаемый благословением многих», да-да, только уж не моим благословением! Большой мерзавец, говоря между нами...

Студент. Но благотворитель...

Старик. Мерзавец-благотворитель, всю жизнь мечтавший о пышных похоронах... Когда почуял, что конец близко, успел-таки ограбить казну на пятьдесят тысяч крон... теперь дочь его разрушает чужую семью и беспокоится о наследстве... он, негодяй, слышит каждое мое слово, но так ему и надо! А вот и Юхансон!

Юхансон появляется слева.

Отчитывайся!

Юхансон что-то тихо говорит ему.

Дома, говоришь, не оказалось? Ну и осел! А телеграф? Ничегошеньки! Дальше! В шесть вечера? Прекрасно! Экстренный выпуск? Имя полностью! Студент Аркенхольц, год рождения... родители... прекрасно... кажется, уже накрапывает... и что он сказал?.. Так-так! Ах, не хочет! Ничего, придется! А вот и знатный господин! Кати-ка ты меня за угол, Юхансон, надо послушать, что говорят нищие... А вы, Аркенхольц, ждите меня здесь. Поняли? Ну, живей!

Юхансон катит каталку за угол. Студент стоит и смотрит на фрекен, хлопочущую над цветочными горшками.

Знатный господин *(в трауре, обращается к Даме в черном, вышедшей на улицу)*. Что поделать? Надо ждать!

Дама. Не могу я ждать!

Знатный господин. Вот те на! Тогда поезжай в деревню!

Дама. Не хочу.

Знатный господин. Подойди-ка поближе, не то нас услышат.

Подходят к афишной тумбе, и дальше их разговора не слышно.

Юхансон *(входит справа, обращается к Студенту)*. Хозяин просит вас, сударь, кое о чем не забыть.

Студент *(медленно)*. Послушайте, скажите сперва, кто он такой, ваш хозяин.

Юхансон. О! Он много весит, а был он — всё.

Студент. Но он в своем уме?

Юхансон. Да кто же в своем-то уме? Он говорит, всю жизнь искал того, кто родился в сорочке, только, может, и неправда это...

Студент. Что ему надо? Он жадный?

Юхансон. Он хочет властвовать... День целый разъезжает в своей каталке, как бог Тор... осматривает дома, сносит их, прокладывает улицы, раздвигает площади; но он и вламывается в дома, влезает в окна, правит судьбами людей, умерщвляет врагов и никому ничего не прощает. Можете ли вы поверить, сударь, что этот хромоногий коротышка был настоящим донжуаном, хоть все женщины бросали его?

Студент. Как же это увязать?

Юхансон. О, он, каналья, всегда умел так подстроить, чтоб женщина бросала его, как только она ему надоест... А теперь он как конокрад на человечьей ярмарке, уж до того ловко людей крадет... Меня буквально выкрал из рук правосудия... я сделал один... гм... промах; про это только он и знал; и, вместо того чтоб засадить меня за решетку, он меня сделал своим рабом; вот и батрачу у него за один харч, да и то не очень-то хороший...

Студент. А что ему нужно в этом доме?

Юхансон. Вот этого я вам не скажу!. Ужасно запутанная история.

Студент. Мне, пожалуй, пора отсюда убираться...

Юхансон. Гляди-ка, фрекен бросает из окна браслет...

Фрекен бросает браслет в открытое окно. Студент медленно подходит, поднимает браслет и подает ей, она натянуто благодарит. Студент возвращается к Юхансону.

Значит, убраться задумали... Не так-то это просто, как кажется, раз уж попался в его сети... Сам-то он ничего во всем мире не боится... кроме одной вещи... верней, одного человечка...

Студент. Погодите-ка, кажется, я знаю!

Юхансон. Откуда же вам знать?

Студент. Я догадываюсь! Скажите... он боится девчонки... молочницы?

Юхансон. Он всегда сворачивает с дороги, едва завидит тележку с молоком... И еще он во сне говорит что-то насчет Гамбурга, он там был когда-то...

Студент. Можно верить этому человеку?

Юхансон. Ему можно верить — во всем!

Студент. А что он сейчас за углом делает?

Юхансон. Подслушивает, что скажут нищие... Сеет по словечку, выбирает по камешку, пока не обрушится дом... фигурально выражаясь... Я, видите ли, в прошлом человек образованный, служил в книжной лавке... Но вы уходите?

Студент. Не хочется быть неблагодарным... Этот человек когда-то спас моего отца, а теперь попросил меня в ответ всего лишь о мелкой услуге...

Юхансон. Что за услуга?

Студент. Пойти на «Валькирию»...

Юхансон. Не понимаю... Но у него вечно новые затеи... Глядите-ка, с полицейским заговорил... вечно он к полиции льнет, там услужит, здесь опутает, свяжет то ложной клятвой, то намеком, а тем временем все у них и выведает. Вот увидите, сегодня же его примут в круглой гостиной!

Студент. Да зачем туда идти? Какие у него дела с полковником?

Юхансон. Мм... Кое-что предполагаю, но не знаю наверное! Сами узнаете, как попадете туда!

Студент. Я-то туда не попаду.

Юхансон. От вас самих же и зависит. Идите-ка на «Валькирию».

Студент. Разве это — путь туда?

Юхансон. Ну да, раз он вам пообещал! Глядите-ка, глядите на него, на боевой колеснице, запряженной нищими, и ни единого эре им в награду, лишь намек, что на его похоронах они кое-чем смогут поживиться!

Старик появляется, стоя в кресле, его везет один нищий, остальные идут следом.

Старик. Почтите благородного юношу! С опасностью для собственной жизни он вчера спас многих во время катастрофы! Слава тебе, Аркенхольц!

Нищие обнажают головы, но молчат. Фрекен в окне машет платочком. Полковник высовывается из окна. Старуха встает в окне. Девушка на балконе поднимает флаг доверху.

Рукоплещите, сограждане! Правда, нынче воскресенье, но вызволить овцу из колодца и сорвать колос в поле и в воскресенье не грех, а я, хоть и не родился в сорочке, обладаю даром пророчества и врачевания, ибо некогда вернул к жизни утопленницу... да, дело было в Гамбурге, таким же воскресным утром, как вот нынче...

Молочница входит, ее видят только Студент и Старик; она тянет руки вверх, как утопающая, и пристально смотрит на Старика. Старик садится, весь съеживается от ужаса.

Юхансон! Уведи меня отсюда! Скорей! Аркенхольц, не забудьте про «Валькирию»!

Студент. Что все это значит?

Юхансон. Будет видно! Будет видно!

В круглой гостиной; в глубине — белый изразцовый камин, на нем часы, канделябры; справа прихожая, из нее видна зеленая

комната, обставленная мебелью красного дерева; налево стоит статуя под сенью пальм; ее можно зашторить; в глубине налево дверь в комнату с гиацинтами, там сидит фрекен с книгой. Полковника мы видим со спины; он сидит в зеленой комнате и что-то пишет.

Бенгтсон, слуга, в ливрее, входит из прихожей с Юхансоном, тот во фраке и белом галстуке.

Бенгтсон. Ну вот, вы будете прислуживать за столом, Юхансон, пока я буду принимать одежду. Приходилось раньше-то?

Юхансон. Целый день, как вам известно, я катаю боевую колесницу, а вечерами прислуживаю на званых ужинах, и всегда мечтал попасть в этот дом... Странный тут народец, а?

Бенгтсон. Да, пожалуй что не совсем обыкновенный.

Юхансон. Что тут у них сегодня — музыкальный вечер?

Бенгтсон. Обыкновенный ужин призраков, как у нас это называется. Пьют чай, помалкивают, или говорит один полковник, а остальные грызут печенье, все вместе — хрустят, будто крысы на чердаке.

Юхансон. И почему это называется «ужин призраков»?

Бенгтсон. Да похожи они на призраков... И уж двадцать лет им это не надоест, собираются все те же, говорят все то же или молчат, чтоб не сказать чего невпопад.

Юхансон. И в доме ведь есть хозяйка?

Бенгтсон. Есть, да только она не в себе; сидит в кладовке, глаза у нее, говорит, не выносят света... Вон тут она сидит. *(Показывает потайную дверь в стене.)*

Юхансон. Тут?

Бенгтсон. Ну да, я ж говорю — не совсем обыкновенный народец...

Юхансон. А какова она с виду?

Бенгтсон. Как мумия... хотите взглянуть? *(Открывает потайную дверь.)* Вон она!

Юхансон. Господи Иисусе!..

Мумия *(лепечет)*. Зачем дверь открыли, я же сказала, чтоб не открывали никогда...

Бенгтсон *(подражая ей)*. Тю-тю-тю! Деточка будет паинькой и получит чего-нибудь вкусненького! Милый попочка!

Мумия *(как попугай)*. Милый попочка! Якоб тут? Попка-дуррак!

Бенгтсон. Она вообразила, что она попугай, может, так оно и есть... *(Мумии.)* Посвисти-ка нам, Полли!

Мумия свистит.

Юхансон. Всего, кажется, понавидался, но такого еще не видывал!

Бенгтсон. Понимаете ли, когда дом стареет, он ветшает и в нем заводится плесень, а когда люди изо дня в день годами мучат друг друга — они теряют рассудок. Эта наша хозяюшка — да тише ты, Полли! — эта мумия проторчала тут, в кладовке, сорок лет — и тот же муж, та же мебель, те же родственники, друзья... *(Закрывает дверь.)* А уж что тут у них получилось — сам не знаю... Поглядите на статую... Это же наша фру в молодости!

Юхансон. Господи! Эта мумия?

Бенгтсон. Да! Поневоле расплачешься! Но силой ли воображенья или еще как — она во многом уподобилась болтливой птице — не выносит калек, больных... Даже дочь свою не выносит за то, что та больная...

Юхансон. Фрекен больна!

Бенгтсон. А вы не знали?

Юхансон. Нет!.. Ну а что же полковник?

Бенгтсон. Увидите сами!

Юхансон *(разглядывает статую)*. Просто оторопь берет! А сколько же ей теперь?

Бенгтсон. Да кто же ее знает... Но люди говорят, когда ей было тридцать пять, на вид она была как девятнадцатилетняя, вот она этим и воспользо-

валась, а полковник попался... Э, в этом доме... Знаете, для чего стоят черные японские ширмы, вон там, возле кресла? Их называют «смертные ширмы» и ставят, когда кому-то умирать пора, точно как в больнице...

Юхансон. Ужас! Ну и дом... И сюда студент рвался, как в рай...

Бенгтсон. Какой еще студент? А-а, этот! Который сегодня будет... Полковник и фрекен наша встретили его в театре и от него без ума! Гм! А теперь позвольте вас спросить. Кто ваш хозяин? Директор в каталке?..

Юхансон. Да-а! Он тоже будет?

Бенгтсон. Не приглашен.

Юхансон. Пожалует и без приглашенья! На худой конец!..

Старик в прихожей; на нем сюртук, при нем цилиндр, костыли. Тихонько подбирается к ним, подслушивает.

Бенгтсон. Вот старая шельма, а?

Юхансон. Каких мало!

Бенгтсон. И с виду-то сущий черт!

Юхансон. Да он и правда колдун! В запертые двери входит...

Старик *(подходит и берет Юхансона за ухо).* Дрянь! Я тебе покажу колдуна! *(Бенгтсону.)* Доложить обо мне полковнику!

Бенгтсон. Тут ожидают гостей...

Старик. Знаю! Но и моего визита почти ожидают, хоть нельзя сказать, чтоб со страстным нетерпеньем...

Бенгтсон. Вот оно что! Как докладывать? Директор Хуммель?

Старик. Совершенно верно!

Бенгтсон идет через прихожую к зеленой комнате; там закрывается дверь.

(Юхансону.) Убирайся!

Юхансон мешкает.

А ну убирайся!

Юхансон скрывается в прихожей.

(Оглядывает комнату; в глубоком изумлении застывает перед статуей.) Амалия!.. Это она!.. Она! *(Ходит по комнате, перебирает безделушки; поправляет перед зеркалом парик; опять подходит к статуе.)*

Мумия *(из кладовой)*. Попка хорроший!

Старик *(вздрогнув)*. Что такое? Здесь где-то попугай? Не вижу никакого попугая!

Мумия. Это ты, Якоб?

Старик. Нечистая сила!

Мумия. Якоб!

Старик. Мне страшно! Так вот что они тут прячут! *(Стоя спиной к шкафу, разглядывает портрет.)* Это он!.. Он!

Мумия *(сзади подбирается к Старику и сдергивает с него парик)*. Попка-дуррак! Это попка-дуррак?

Старик *(подпрыгнув)*. Господь всемогущий! Кто это?

Мумия *(человеческим голосом)*. Якоб?

Старик. Ну да, меня зовут Якоб...

Мумия *(с чувством)*. А меня — Амалия!

Старик Нет, нет, нет, Господи Иисусе...

Мумия. Вот какой у меня вид! Да! А вот как я выглядела прежде! Вот! Жизнь многому научит. Теперь-то я живу в кладовке, чтоб никого не видеть и чтоб меня не видели... Ну а ты, Якоб, чего ты тут ищешь?

Старик. Своего ребенка! Нашего ребенка...

Мумия. Вон она сидит.

Старик. Где?

Мумия. Вон там, в комнате с гиацинтами!

Старик *(разглядывая фрекен)*. Да, это она! *(Пауза.)* А что говорит ее отец, то есть, я имею в виду, полковник? Твой муж?

Мумия. Как-то раз я на него разозлилась и все ему выложила...

Старик. И что же он?

Мумия. Не поверил. Сказал: «Так все женщины говорят, чтобы сжить со свету мужей». Все равно — ужасный был грех. Вся жизнь его — ложь, и родословная тоже; иногда читаю дворянские списки и думаю: у него подложное метрическое свидетельство, как у девки, а за это полагается тюрьма.

Старик. Что ж, вещь обычная; ты сама, помнится, подделала год рождения...

Мумия. Это меня мама научила... Моей вины тут нет! А в нашем грехе ты больше всех виноват!..

Старик. Нет, твой муж сам навлек этот грех, когда отнял у меня невесту! Так уж создан я — не могу простить, пока не покараю. Я считал это своим долгом — да и сейчас того же мнения!

Мумия. Зачем ты пришел? Чего тебе здесь надо? Как ты сюда пробрался? За дочерью моей пришел? Попробуй только тронь ее! Тебе тогда не жить!

Старик. Я ей же добра желаю!

Мумия. Пожалей ее отца!

Старик. Нет!

Мумия. Значит, ты умрешь. В этой комнате. За этой ширмой...

Старик. Возможно... Но раз я не могу вернуться с полдороги...

Мумия. Ты хочешь выдать ее за студента. Зачем? Он совершенно ничто, у него нет ни гроша.

Старик. Я его озолочу!

Мумия. Тебя приглашали сюда на вечер?

Старик. Нет, но я уж расстараюсь, чтоб меня пригласили на ужин призраков!

Мумия. А ты знаешь, кто будет?

Старик. Не вполне.

Мумия. Барон... который живет над нами, у которого нынче хоронят тестя.

Старик. Который собирается разводиться, чтоб жениться на дочери привратницы? Он ведь был твоим любовником!

Мумия. Еще будет твоя бывшая невеста, которую соблазнил мой муж...

Старик. Милая компания...

Мумия. Господи, если б умереть! Если б умереть!

Старик. Тогда зачем же вам встречаться?

Мумия. Мы повязаны одной веревочкой. Нас держат вместе наш грех, вина и тайна. Сто раз пытались мы развязаться, и опять нас тянуло друг к другу...

Старик. Кажется, полковник...

Мумия. Тогда я пойду к Адели. *(Пауза.)* Якоб, одумайся! Пожалей его...

Пауза. Она уходит.

Полковник *(входит, сдержанно, сухо)*. Прошу вас, садитесь.

Старик не спеша садится.

Пауза.

(Пристально смотрит на него.) Не вы ли, сударь, писали это письмо?

Старик. Да, я.

Полковник. Ваша фамилия Хуммель?

Старик. Да.

Пауза.

Полковник. Итак, мне теперь известно, что вы скупили все мои векселя и я в ваших руках. Что вам угодно?

Старик. Чтобы со мной расплатились по векселям — тем или иным способом.

Полковник. Каким же именно способом?

Старик. Весьма простым. Забудем о деньгах — примите меня у себя — как гостя!

Полковник. Если вам достаточно такой малости...

Старик. Благодарю вас!

Полковник. Но далее?

Старик. Прогоните Бенгтсона.

Полковник. За что же? Верный слуга, всю жизнь мне служит, имеет медаль за беспорочную службу — за что же мне его прогонять?

Старик. Все эти прекрасные качества существуют не более как в вашем воображении. Он совсем не то, чем кажется!

Полковник. Ну а кто же — то, чем кажется?

Старик *(отпрянув)*. Верно! Но Бенгтсона придется прогнать.

Полковник. Вы намерены распоряжаться в моем доме?

Старик. Да! Поскольку мне принадлежит все, что тут есть, — мебель, шторы, посуда, шкаф с бельем... и еще кое-что!

Полковник. Что именно?

Старик. Все! Все, что тут есть, — мое! Мое!

Полковник. Хорошо! Пусть ваше! Но дворянский герб мой и доброе имя остаются мне!

Старик. Как бы не так. *(Пауза.)* Вы не дворянин!

Полковник. Стыдитесь!

Старик *(вынимая бумагу)*. Прочтите эту выписку из дворянской книги и убедитесь, что род, имя которого вы носите, вот уже сто лет как угас.

Полковник *(читает)*. Я, разумеется, слышал какие-то слухи, но ведь я ношу имя своего отца... *(Читает.)* Верно; верно... я не дворянин! Даже этого мне не остается! Стало быть, я снимаю свой перстень с печаткой. Верно! Он ваш. Берите его!

Старик *(берет перстень)*. Итак, продолжим! Вы никакой и не полковник!

Полковник. И не полковник?

Старик. Да! Вы когда-то добровольно служили в чине полковника у американцев, но после войны на Кубе и преобразования армии все прежние чины упразднены.

Полковник. И это правда?

Старик *(опускает руку в карман)*. Не угодно ли убедиться?

Полковник. Нет, не надо! Но вы-то кто такой и по какому праву сидите тут и разоблачаете меня?

Старик. Сейчас увидите! Что же до разоблаченья... знаете ли, кто вы такой?

Полковник. И вам не совестно?

Старик. Снимите-ка волосы да поглядитесь в зеркало, только заодно выньте зубы, да сбрейте усы, да велите Бенгтсону расшнуровать ваш железный корсет, и тогда посмотрим — не обнаружится ли в результате некий слуга, который был когда-то прихлебателем на одной кухне...

Полковник тянется к звонку на столе, но Старик хватает его за руку.

Не прикасайтесь к звонку, не зовите Бенгтсона, не то я его арестую... А вот и гости... Успокойтесь же, и давайте снова разыгрывать наши прежние роли.

Полковник. Но кто вы? Я узнаю ваш голос, взгляд...

Старик. Напрасно допытываетесь, лучше молчите и подчиняйтесь!

* * *

Студент *(входит, кланяется полковнику)*. Господин полковник!

Полковник. Рад видеть вас у себя, молодой человек! Все только и говорят, как благородно вы вели себя во время катастрофы, и я за честь почитаю принимать вас в своем доме...

Студент. Господин полковник, мое скромное происхождение... Ваше славное имя, ваш знатный род...

Полковник. Позвольте представить — кандидат Аркенхольц, директор Хуммель... Не желаете ли, господин кандидат, поздороваться с дамами, а я бы пока окончил разговор с директором...

Студент идет в комнату с гиацинтами. Видно, как он скромно стоит там и разговаривает с фрекен.

Превосходный молодой человек, музыкален, поет, пишет стихи... Будь он дворянин и нам ровня, я бы ничего не имел против... да...

Старик. Против чего?

Полковник. Чтобы моя дочь...

Старик. Ваша дочь! Кстати, почему она всегда там сидит?

Полковник. Если она дома, она сидит в комнате с гиацинтами. Такая уж у нее странность... А вот и фрекен Беата фон Хольштейнкруга... прелестная особа... имеет ренту, вполне достаточную для ее положения и ее запросов...

Старик *(про себя)*. Моя невеста!

Невеста — седая и слабоумная на вид.

Полковник. Фрекен Хольштейнкруга — директор Хуммель...

Невеста кланяется и садится. Входит Знатный господин, с загадочным видом, в трауре.

Барон Сканскорг...

Старик *(в сторону, не вставая)*. Кажется, это он воровал бриллианты... *(Полковнику.)* Зовите мумию, и вся компания будет в сборе.

Полковник (в *сторону комнаты с гиацинтами)*. Полли!

Мумия *(входя)*. Попка-дуррак!

Полковник. Не позвать ли молодежь?

Старик. Нет! Не надо молодежи! Пощадим их...

Все молча усаживаются в кружок.

Полковник. Я прикажу подать чаю?

Старик. К чему? Чаю никто не любит, и незачем нам лицемерить.

Пауза.

Полковник. Тогда давайте разговаривать?

Старик *(медленно, то и дело умолкая)*. Говорить о погоде, которую мы сами видим, осведомляться

о здоровье, про которое всем и без того известно? Я предпочитаю молчанье: тогда слышны мысли и видно прошлое; молчанье не скроет ничего... что скрывается за словом; на днях я читал, что различие языков пошло от стремленья первобытных племен скрывать друг от друга свои секреты; каждый язык, стало быть, — шифр, и тот, кто отыщет ключ, поймет сразу все языки мира; а можно разгадывать тайны и без ключа, и особенно когда надо доказать отцовство. Доказательство на суде — это совсем другое; ложные показания двух свидетелей составят вполне удовлетворительное доказательство, если только совпадут; но к тем делам, на которые я намекаю, не подпускают свидетелей, сама природа наделила человека чувством стыда, и оно побуждает нас скрывать то, что должно быть сокрыто; но, бывает, мы невольно попадаем в такие положения, порой благодаря чистейшему случаю, — и вдруг тайное становится явным, спадает с мошенника маска, изобличается негодяй... *(Пауза.)*

Все молча переглядываются.

Как тихо стало! *(Долгая пауза.)* К примеру, здесь, в почтенном этом доме, в прелестном кругу, где соединились красота, образованность и богатство... *(Долгая пауза.)* Все мы, тут сидящие, знаем, кто мы такие... не правда ли? Об этом и говорить нечего... и вы знаете меня, хоть изображаете неведение... А в той комнате сидит моя дочь, моя, и это вы знаете тоже... Она наскучила жизнью, сама не понимая причин, но она увяла в этом воздухе, насыщенном обманом, грехом и фальшью... и я искал для нее друга, подле которого она могла бы ощутить тепло и свет, излучаемые благородными делами... *(Долгая пауза.)* Вот зачем я проник в этот дом: вырвать плевелы, раскрыть грех, подвести итог, чтобы молодые начали жизнь заново в этом доме, который я им дарю! *(Долгая пауза.)* А теперь я разрешаю разойтись всем по очереди и по

порядку; того, кто останется, я велю схватить! *(Долгая пауза.)* Слышите, как тикают часы — точно твердят смертный приговор! Слышите? Вот сейчас они пробьют, и тогда срок настал — уходите, но не раньше. Сперва они предупредят. Да! Слышите? Часы вот-вот ударят. И я вот-вот ударю. *(Стучит костылем по столу.)* Слышите?

Пауза.

Мумия *(подходит к часам и останавливает маятник; потом говорит серьезно и членораздельно).* Но я могу остановить бег времени — могу обратить прошедшее в ничто, содеянное — в несодеянное; и не угрозами, не подкупом — страданьем и покаяньем. *(Подходит к Старику.)* Мы бедные, ничтожные — мы это знаем, мы грешили, бесчинствовали, ошибались — как все; мы — не то, чем кажемся, и по сути нашей мы лучше, чем кажемся, но ведь мы способны осуждать себя за собственные прегрешенья; но ты, ты, Якоб Хуммель, ты скрываешься под чужим именем и рядишься в тогу судьи, а значит, ты хуже нас, бедных. Ты тоже не то, чем кажешься! Ты вор человеков, ты меня сманил когда-то ложными посулами, ты убил консула, которого нынче похоронили, задушил векселями; ты опутал студента вымышленным долгом отца, который не был должен тебе ни единого эре...

Старик порывается встать, перебить ее, но падает на стул и съеживается все больше, по мере того как она говорит дальше.

Но есть в твоей жизни одно темное пятно, в точности я не знаю, но догадываюсь... думаю, Бенгтсон знает! *(Звонит в колокольчик.)*

Старик. Нет, только не Бенгтсон! Не надо!

Мумия. Ага, значит, он знает! *(Снова звонит.)*

В дверях прихожей появляется маленькая Молочница, ее не видит никто, кроме Старика; тот смотрит на нее в ужасе; она исчезает, когда входит Бенгтсон.

Бенгтсон, вам знаком этот господин?

Бенгтсон. Да, знаю я его, и он меня знает. Жизнь, известно, вещь переменчивая, было, я у него служил, а было — и он у меня. Два года целых кормился даром при моей кухне. Если ему надо было уйти в три, обед готовили к двум, а потом все доедали разогретое после этого буйвола, и бульону он выпивал столько, что потом водой добавляли. Как вампир, высасывал из нас все соки, мы стали как скелеты, и все грозился засадить нас за решетку, если мы говорили, что кухарка ворует! Потом я наткнулся на него в Гамбурге, уже под другим именем. Он стал ростовщиком, кровососом; там его привлекли к суду за то, что он заманил одну девушку на лед, пытался утопить, она про него слишком много знала, и он ее боялся...

Мумия *(гладит Старика по лицу)*. Ну вот! А теперь доставай-ка векселя и завещание!

Юхансон появляется в дверях и наблюдает происходящее с огромным интересом, так как он освобожден теперь от рабской зависимости. Старик вынимает пачку бумаг и бросает на стол.

(Гладит Старика по спине.) Попка-дуррак! А где Якоб?

Старик *(как попугай)*. Якоб тут! Кокадора! Дора!

Мумия. Можно, часы будут бить?

Старик *(квохчет)*. Часы будут бить! *(Как кукушка.)* Ку-ку! Ку-ку!

Мумия *(открывает дверь кладовки)*. Час пробил! Встань, поди в кладовку, где я просидела сорок лет, оплакивая наше преступление. Там шнурок, он заменит тебе ту веревку, которой ты удушил консула и хотел задушить своего благодетеля... Ступай!

Старик уходит в кладовку. Мумия закрывает дверь.

Бенгтсон! Ставь ширму! Смертную ширму!

Бенгтсон заслоняет дверь ширмой.

Господи, помилуй его душу!

Все. Амень!

Долгая пауза.

* * *

В комнате с гиацинтами фрекен аккомпанирует на арфе речитативу Студента.

Песня (после прелюдии):

Солнце зрел я, и Сокрытый
Встал передо мною.
Каждый Небесам подвластен.
Всяк в грехах покайся.
Злобы не питай к тому,
Кому вредил успешно.
Всяк блажен, добро творящий.
Оскорбленного — утешь,
Лишь в самом добре — награда.
И блажен невинный.

Комната, обставленная несколько странно, в восточном стиле. Повсюду гиацинты всех оттенков. На камине — большой Будда, на коленях у него клубень, из него тянется стебель шарлота с круглыми звездообразными цветами. В глубине направо — дверь в круглую гостиную. Там Полковник и Мумия сидят без действия и молчат; виден угол смертной ширмы; налево — дверь в буфетную и на кухню.

Студент и фрекен (Адель) подле стола; она сидит с арфой; он стоит.

Фрекен. А теперь спойте про мои цветы!

Студент. Это любимые ваши цветы?

Фрекен. Единственные! Вы любите гиацинты?

Студент. Люблю превыше всех других, люблю девичий стройный образ, что тянется вверх от клубня и нежно полощет чистые свои, белые свои корни в бесцветных водах; люблю их краски, люблю снежно-белый гиацинт, чистый, как сама невинность, люблю медвяный, нежно-желтый, розово-юный, багряно-зрелый, но всех больше люблю я синий гиацинт, росистый, глубокоокий, верный... Я все их люблю, больше золота и перлов, люблю их с детства, всегда

ими восхищался, ибо они преисполнены достоинств, которыми я обделен... Да только...

Фрекен. Что же?

Студент. Любовь моя безответна, прекрасные цветы ненавидят меня.

Фрекен. Ненавидят?

Студент. Их запах, чистый и резкий, как весенний ветер над талым снегом, сводит меня с ума, глушит, слепит, гонит меня вон из дому, мечет в меня отравленные стрелы, а от них ноет сердце и горит голова! Вы знаете сказку про гиацинт?

Фрекен. Расскажите!

Студент. Но прежде — его значенье. Клубень, держащийся на воде или лежащий в перегное, — это земля; вверх устремляется стебель, прямой, как ось земная, и венчается звездоподобными цветками о шести лучах...

Фрекен. Земля — и над нею звезды! Как прекрасно! Но откуда вы это взяли, где вы это видели?

Студент. Дайте сообразить!.. В глазах ваших! Итак — это прообраз мира... И Будда сидит, держа на коленях луковицу-землю, греет ее взглядом, чтоб она росла ввысь и обратилась в небо! Бедная земля станет небом! Вот чего ждет Будда!

Фрекен. Я понимаю. Но у подснежника тоже цветок о шести лучах, как у лилии-гиацинта, — не правда ли?

Студент. В самом деле! Значит, подснежники — падающие звезды.

Фрекен. И подснежник — снежная звезда... выросшая на снегу.

Студент. А Сириус, прекраснейшая и крупнейшая из звезд небесных, желтый, красный, — это нарцисс с желто-красной чашечкой о шести белых лучах...

Фрекен. Случалось вам видеть, как цветет шарлот?

Студент. О, разумеется! Цветы его образуют шар, как небесный свод, усеянный белыми звездами...

Фрекен. Боже, как прекрасно! Чья это мысль?

Студент. Твоя!

Фрекен. Твоя.

Студент. Наша! Мы родили ее вместе, мы обручены...

Фрекен. Нет пока еще...

Студент. За чем же дело стало?

Фрекен. Надо подождать, испытать друг друга, потерпеть!

Студент. Хорошо же! Испытай меня! *(Пауза.)* Скажи! Отчего твои родители сидят так тихо, не скажут ни слова?

Фрекен. Потому что им нечего друг другу сказать, потому что один не верит тому, что скажет другой. Отец это так объяснил: «К чему разговаривать, если мы уже не можем обмануть друг друга?»

Студент. Ужасно!

Фрекен. Вот кухарка идет... Посмотри, какая она громадная, жирная...

Студент. А чего ей тут нужно?

Фрекен. Ей нужно спросить меня насчет обеда, я же веду хозяйство с тех пор, как мама больна.

Студент. Что нам за дело до кухни?

Фрекен. Есть-то приходится. Посмотри на нее! Не могу ее видеть.

Студент. Да кто она такая, эта великанша?

Фрекен. Она из вампирского рода Хуммелей. Всех нас съедает...

Студент. Почему бы вам не выгнать ее?

Фрекен. Не уходит! Нам с ней не сладить, это нам наказание за наши грехи... Вы разве не видите, как мы чахнем, тощаем...

Студент. Вас не кормят?

Фрекен. Ох, нас закармливают множеством блюд, но в них никакого толку... Мясо она вываривает, нам дает одни жилы да воду, а бульон пьет сама; а если готовит жаркое, она выжаривает из него весь сок, съедает подливку; все, до чего она ни коснется, превращается в ка-

кую-то бурду, она пьет кофе, а нам достаются опивки, она пьет вино и доливает бутылки водой...

Студент. Гнать ее надо!

Фрекен. Мы не можем!

Студент. Почему?

Фрекен. Сами не знаем! Она не уходит! Нам с ней не сладить, она из нас выпила все соки!

Студент. Можно, я ее выгоню?

Фрекен. Нет! Пусть все остается как есть! Вот она, появилась! Сейчас спросит, что приготовить на обед, я скажу — то-то и то-то; она будет спорить и все сделает по-своему.

Студент. Ну и решала бы сама!

Фрекен. Не желает.

Студент. Странный дом. Околдованный дом!

Фрекен. Да! Но она повернулась, уходит. Это она вас увидела!

* * *

Кухарка (в *дверях*). Ничего подобного! *(Скалит зубы.)*

Студент. Вон отсюда!

Кухарка. А это уж мое дело! *(Пауза.)* Ладно-ладно, ухожу! *(Исчезает.)*

Фрекен. Не теряйте присутствия духа! Упражняйтесь в терпении; она — не единственное наше испытание. Есть еще и горничная! За которой надо убирать!

Студент. Я тону! Хоры небесные! Песню!

Фрекен. Погодите!

Студент. Песню!

Фрекен. Терпение! Комната эта зовется комнатою испытаний. Тут красиво, но зато бездна неудобств...

Студент. Не верится. Впрочем, с неудобствами можно мириться. Красиво, да. Только несколько холодно. Отчего вы не топите?

Фрекен. Камин чадит.

Студент. А нельзя прочистить трубу?

Фрекен. Без толку!.. Видите письменный стол?

Студент. Неслыханной красоты!

Фрекен. Только он хромой; каждый день я вырезаю и подкладываю под ножку кусок пробки, а горничная, когда подметает, вынимает его, и мне приходится вырезать пробку заново. Ручка каждое утро вымазана в чернилах, чернильница тоже; каждый день, на восходе, я их должна за ней отмывать. *(Пауза.)* По-вашему, что противней всего на свете?

Студент. Считать белье! Ух!

Фрекен. И это достается мне! Ух!

Студент. А что еще?

Фрекен. Просыпаться ночью, вставать и накидывать на окно крючок... про который забыла горничная.

Студент. А еще?

Фрекен. Взбираться на стремянку и закреплять веревку от вьюшки, которую оборвала горничная.

Студент. Еще!

Фрекен. Подметать после нее, вытирать за ней пыль, разводить огонь в камине, она только дрова туда кладет. Закрывать вьюшку, перетирать посуду, накрывать на стол, откупоривать бутылки, открывать окна, проветривать, стелить свою постель, мыть графин с водой, когда он уже зазеленеет, покупать спички и мыло, их никогда у нас нет, протирать стекла и обрезать фитили, чтобы не коптили лампы, а чтоб они не гасли, когда у нас гости, мне приходится самой их наливать...

Студент. Песню!

Фрекен. Погодите! Сперва тяжкий труд, чтоб избавиться от житейской грязи.

Студент. Но ведь вы богаты. У вас две служанки!

Фрекен. Что толку! Хоть бы три! Жить так трудно, я порой так устаю... Подумайте, еще и детская!

Студент. Самая большая радость...

Фрекен. Но как дорого она обходится! Стоит ли жизнь таких трудов?

Студент. Ну, это смотря по тому, какой награды ждешь за свои труды... Я ни за чем бы не постоял, только бы получить вашу руку.

Фрекен. Молчите! Никогда я не буду вашей!

Студент. Почему?

Фрекен. И не спрашивайте.

Пауза.

Студент. Вы уронили в окно браслет...

Фрекен. Да, просто у меня рука похудела...

Пауза. Кухарка появляется в дверях с японской бутылкой.

Вот кто сожрет меня и нас всех!

Студент. А что это у нее в руках?

Фрекен. Это красящая жидкость, со знаками скорпиона на бутылке! Это соя, обращающая воду в бульон, заменяющая соус, в котором варят капусту, из которого делают черепаховый суп.

Студент. Вон отсюда!

Кухарка. Вы сосете соки из нас; а мы из вас; мы берем вашу кровь, а вам возвращаем воду — подкрашенную. Это краска! Ладно, я уйду, но только когда мне самой захочется! *(Уходит.)*

Студент. За что у Бенгтсона медаль?

Фрекен. За его великие заслуги.

Студент. И у него вовсе нет недостатков?

Фрекен. О! Недостатки у него тоже великие, но за них не дают медалей.

Оба смеются.

Студент. В вашем доме такое множество тайн...

Фрекен. Как в каждом доме... Господь с ними, с нашими тайнами...

Пауза.

Студент. Вы любите откровенность?

Фрекен. Пожалуй, но до известного предела.

Студент. Порой на меня находит безумное желание высказать все, все; но я знаю — мир бы рухнул, если б мы были до конца откровенны. *(Пауза.)* На днях я был в церкви... на отпевании... как торжественно и прекрасно!

Фрекен. Это когда отпевали директора Хуммеля?

Студент. Да, моего мнимого благодетеля! У изголовья гроба стоял друг усопшего, пожилой человек, и он же потом первый шел за гробом; пастор особенно тронул меня достоинством жестов и проникновенностью речи. Я плакал, все мы плакали. Потом мы отправились в трактир... И там я узнал, что тот пожилой друг усопшего пылал страстью к его сыну...

Фрекен смотрит на него пристально, не понимая.

Усопший же брал взаймы у поклонника своего сына. *(Пауза.)* А через день арестовали пастора — он ограбил церковную кассу! Прелестно!

Фрекен. Ух!

Пауза.

Студент. Знаете, что я про вас думаю?

Фрекен. Нет, не говорите, не то я умру!

Студент. Нет, я скажу, не то я умру!

Фрекен. Это в больнице люди говорят все, что думают...

Студент. Совершенно верно! Отец мой кончил сумасшедшим домом...

Фрекен. Он был болен!

Студент. Нет, он был здоров. Только он был сумасшедший! Вот как-то раз это и обнаружилось, и при следующих обстоятельствах... Как у всех у нас, были у него знакомые, которых он для краткости именовал друзьями; разумеется, кучка ничтожеств, то есть самых обычных представителей рода человеческого. Но надо же ему было с кем-то водить знакомство, он не выносил одиночества. Мы ведь не говорим людям, что мы про них думаем, вот и он тоже ничего им не говорил. Он видел их лживость, понимал их коварство... но он был человек умный и воспитанный и обходился с ними учтиво. А как-то раз у него собралось много гостей; дело было вечером, он устал за день работы, и вдобавок ему приходилось

напрягаться — то сдерживаться и молчать, то молоть всякий вздор с гостями...

Фрекен пугается.

Ну и вот, вдруг он просит внимания за столом, берет стакан, собирается говорить тост... И тут отказали тормоза, и он в длинной речи разделал присутствующих по очереди, всех до единого, объяснил им, как все они лживы. А потом, усталый, сел прямо на стол и послал их всех к чертям!

Фрекен. Ух!

Студент. Я был при этом, и я никогда не забуду, что тут началось!.. Мать с отцом стали ссориться, гости бросились за дверь... и отца отвезли в сумасшедший дом, и там он умер! *(Пауза.)* Долгое молчание — как застойная вода. Она гниет. Вот так и у вас в доме. Тут тоже пахнет гнилью! А я-то решил, что здесь рай, когда увидел однажды, как вы выходили на улицу! Было воскресное утро, я стоял и смотрел; я видел полковника, и вовсе он был не полковник; у меня был благородный покровитель, и он оказался разбойником, и ему пришлось удавиться; я видел мумию — никакую не мумию, я видел деву... кстати, куда делось целомудрие? Где красота? В природе ли, в душе ли моей, когда все в праздничном уборе! Где честь и вера? В сказках и детских спектаклях! Где человек, верный своему слову? В моей фантазии! Вот цветы ваши отравили меня, и сам я сделался ядовит! Я просил руки вашей, мы мечтали, играли и пели, и тут вошла кухарка... Sursum corda![1] Попытайся же опять извлечь пурпур и пламя из золотой своей арфы... попытайся же, я прошу, я на коленях тебя молю... Ладно же, я сам! *(Берет арфу, но струны не звучат.)* Она нема, глуха! Подумать только — прекраснейшие цветы — и так ядовиты, самые ядовитые на свете! Проклятье на всем живом, про-

---

[1] Горé имеем сердца! *(лат.)*

клята вся жизнь... Отчего не согласились вы стать моей невестой? Оттого что вы больны и всегда были больны... вот, вот, кухонный вампир уже сосет из меня соки, это Ламия, сосущая детскую кровь, кухня губит детей, если их не успела выпотрошить спальня... одни яды губят зренье, другие яды открывают нам глаза. И вот с ними-то в крови я рожден и не могу называть безобразное красивым, дурное — добрым, не могу! Иисус Христос сошел во ад, сошествие во ад было Его сошествие на землю, землю безумцев, преступников и трупов; и глупцы умертвили Его, когда Он хотел их спасти, а разбойника отпустили, разбойников всегда любят! Горе нам! Спаси нас, Спаситель мира, мы гибнем!

Фрекен падает, бледная как мел, звонит в звонок, входит Бенгтсон.

Фрекен. Скорее ширмы! Я умираю!

Бенгтсон возвращается с ширмами и ставит их, загораживая фрекен.

Студент. Идет Избавитель! Будь благословенна, бледная, кроткая! Спи, прекрасная, спи, бедная, спи, невинная, неповинная в страданьях своих, спи без снов, а когда ты проснешься... пусть встретит тебя солнце, которое не жжет, и дом без грязи, и родные без позора, и любовь без порока... Ты, мудрый, кроткий Будда! Ты ждешь, когда из земли прорастет небо, пошли же нам терпения в скорбях, чистоты в помыслах, и да не посрамится надежда наша!

Вдруг звучат струны арфы, комната полнится белым светом.

Солнце зрел я, и Сокрытый
Встал передо мною.
Каждый Небесам подвластен.
Всяк в грехах покайся.
Злобы не питай к тому,
Кому вредил успешно.
Всяк блажен, добро творящий.

Оскорбленного — утешь,
Лишь в самом добре — награда.
И блажен невинный.

За ширмами слышится стон.

Бедное, милое дитя, дитя ошибок, греха, страданья, смерти — дитя нашего мира; мира вечных перемен, разочарования и боли! Отец Небесный да будет милостив к тебе...

Комната исчезает; задник — «Остров мертвых» Бёклина; музыка, тихая, нежно-печальная, плывет с острова.

Я видел солнце,
И мне казалось,
Что зрю Сокрытого;
Всяк блажен, добро творящий,
Если и соделал зло,
Злобою не искупай.
Успокой, кого обидел,
В доброте твоя награда.
И блажен невинный.

ПИСАТЕЛИ О СТРИНДБЕРГЕ

«Это большой человек, сердце у него смелое, голова ясная, он не прячет своей ненависти, не скрывает любви... Большой души человек».

М. Горький

«Стриндберг был для меня самым близким человеком в европейской литературе, писателем, наиболее сильно волновавшим мое сердце и ум».

М. Горький

«...нахожусь под знаком Стриндберга».

А. Блок

«...человек весь пришел в движенье, весь дух, вся душа, все тело захвачены вихревыми движеньями, в этом вихре революций политических и социальных, имеющих космические соответствия, формируется новый человек; гуманное животное перестраивается в артиста — беру вагнеровский термин. И нам уже ясно теперь, что Гейне неразрывно связан с Вагнером; далее в этой цепи вырастают фигуры Ибсена, Стриндберга, Достоевского и еще, и еще. ...Говоря только грубыми, первоначальными словами, я различаю крушение гуманизма, различаю виновников этого крушения — Гейне, Ибсена, Стриндберга, связанных неразрывными узами духовного товарищества... Различаю, наконец, что их общая цель — не этический человек, не политический, не гуманный, а человек — Артист».

А. Блок

«Это замечательный писатель. Сила не совсем обыкновенная».

А. Чехов

«Я его ненавижу, но не могу написать ни строчки, если на меня не смотрят его безумные глаза».

Г. Ибсен

«Оставаясь вне школ и течений, возвышаясь над ними, Стриндберг всех их вобрал в себя. Натуралист и столько же неоромантик, он предвосхищает экспрессионизм... и вместе с тем является первым сюрреалистом...»

Т. Манн

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к «Фрекен Жюли».
Перевод А. Афиногеновой 7

ФРЕКЕН ЖЮЛИ. *Перевод Е. Сурис* 24

ПЛЯСКА СМЕРТИ. *Перевод А. Афиногеновой* 67

ИГРА СНОВ. *Перевод А. Афиногеновой* 183

СОНАТА ПРИЗРАКОВ. Opus 3
Перевод Е. Сурис 259

Писатели о Стриндберге 297

Литературно-художественное издание

АВГУСТ ЮХАН СТРИНДБЕРГ
ПЛЯСКА СМЕРТИ

Ответственная за выпуск Ирина Тарасенко
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Ольга Иванова
Корректоры Елена Орлова, Станислава Кучепатова, Светлана Федорова
Верстка Александра Савастени

Директор издательства
Максим Крютченко

Подписано в печать 05.03.2008. Формат издания 76 × 100 1/32.
Печать офсетная. Гарнитура «Петербург». Тираж 10 000 экз.
Усл. печ. л. 13,4. Изд. № 820. Заказ № 2620.

Издательский Дом «Азбука-классика».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано в ОАО «ЧПК»
Сайт: www.chpk.ru E-mail: marketing@chpk.ru
факс 8(49672)6-25-36, факс 8(499)270-73-59

АЗБУКА-КЛАССИКА

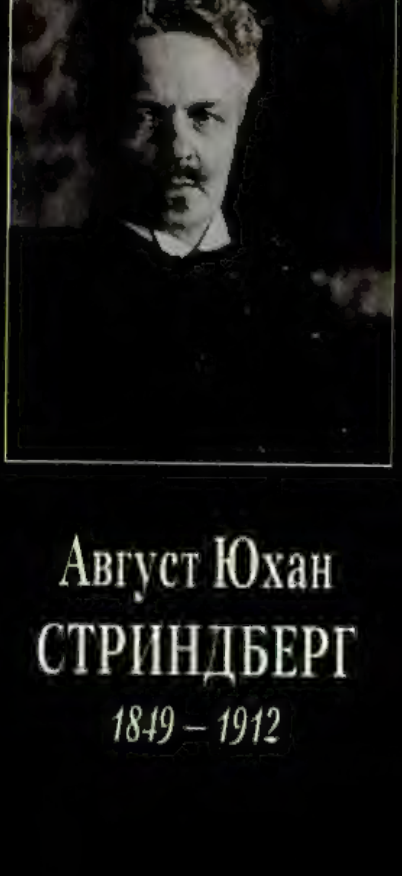
Август Юхан Стриндберг – один из талантливейших, во всяком случае, самый оригинальный шведский романист, драматург, новеллист. Круг научных интересов Стриндберга заставлял сравнивать его с Гете: он изучал китайский язык, писал работы по востоковедению, языкознанию, этнографии, истории, биологии, астрономии, астрофизике, математике. Вместе с тем Стриндберг занимался живописью, интересовался мистическими учениями, философией Ницше и психологией бессознательного, – все это нашло отражение в его произведениях. Стриндберг оказал большое влияние на мировую литературу как своего времени, так и на последующие поколения писателей, будучи предтечей экспрессионизма и сюрреализма. В числе своих учителей его могли бы назвать такие писатели, как Пер Лагерквист, Луиджи Пиранделло, Франц Кафка, Жан-Поль Сартр, Бертольт Брехт, Фридрих Дюрренматт и многие другие. В настоящем издании представлены наиболее значительные пьесы Августа Стриндберга – «Фрекен Жюли», «Пляска смерти», «Игра снов» и «Соната призраков», повлиявшие на развитие драматургии в XX столетии.

«...нахожусь под знаком Стриндберга».

А. Блок

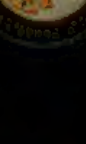
«Это замечательный писатель. Сила не совсем обыкновенная».

А. Чехов



Август Юхан СТРИНДБЕРГ

1849 – 1912



В оформлении обложки использована картина Л. Фредерика. 1882

www.azbooka.ru